

Пепел и сталь

3 звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

Рожденный
туманом
Книга 1

Талант демиурга —
один из главных
козырей Сандерсона.

Мир фантастики

БРЕНДОН САНДЕРСОН

Звезды новой фэнтези

Брендон Сандерсон

Пепел и сталь

«Азбука-Аттикус»

2006

Сандерсон Б.

Пепел и сталь / Б. Сандерсон — «Азбука-Аттикус»,
2006 — (Звезды новой фэнтези)

Тысячу лет существует Последняя империя, управляемая бессмертным и неуязвимым лордом-правителем, единственным богом и властителем этого мира. Тысячу лет назад он победил в схватке неведомую Бездну, грозившую уничтожить все живое, и, получив огромную силу, поработил мир, вместо того чтобы освободить его. С тех пор с неба в Последней империи сыплется пепел, солнце – цвета крови, а ночью мир обволакивает таинственный туман, отбирающий у людей душу. Способен ли хоть один человек сокрушить всемогущего императора? Да, отвечает Кельсер – вор, человек-легенда, совершивший в свое время попытку ограбить дворец самого лорда-правителя, сосланный за это на рудники и сумевший не только выжить, но и бежать на свободу. И начинает собирать силы для решительного удара...

© Сандерсон Б., 2006

© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Благодарности	6
Пролог	9
Часть первая	19
1	19
2	25
3	36
4	48
5	63
6	75
7	92
8	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Брендон Сандерсон

Пепел и сталь

Рожденный туманом. Книга 1

*Посвящается Бет Сандерсон, которая читает фантастику
дольше, чем я живу на свете, и вполне заслуживает такого же
сумасшедшего внука, как она сама*

Copyright © 2006 by Brandon Sanderson

© Т. Голубева, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Талант демиурга вообще один из главных козырей Сандерсона. Пусть даже в первом романе трилогии львиная часть Последней империи остается «за кадром», писателю удалось создать цельный, проработанный, богатый на загадки мир, с неповторимой атмосферой и множеством оригинальных особенностей.

Мир фантастики

Интриги, политические амбиции и заговоры сплетены в сложное полотно. Сандерсон создал более чем убедительную вселенную, у его персонажей впечатляющие характеры.

Booklist

Чарующий мир...

The Washington Post

Сюжет не просто уникальный, а на редкость интересный. Я прочел много фэнтези и научной фантастики, и эта книга понравилась особенно – благодаря множеству оригинальных идей, уместившихся под ее обложкой. Невозможно устоять перед гипнотической силой героев Сандерсона и очень трудно оторваться от чтения.

Amazon.com

Благодарности

Снова, в который раз, я должен поблагодарить моего замечательного агента Джошуа Билмеса и столь же удивительного редактора Моше Федера. Они проделали потрясающую работу над этой книгой, и я горжусь тем, что имел возможность сотрудничать с ними.

Также не могу не поблагодарить моих неутомимых помощников, постоянно мне помогавших и поощрявших меня. Это Алан Лэйтон, Джанет Лэйтон, Кейлин Зобелл, Нэйт Хэтфилд, Брюс Кандик, Кимбал Ларсен и Эмили Скоруп. И первых читателей, которые увидели эту книгу в сыром, необработанном виде и помогли мне превратить ее в то, что вы видите теперь. Это Криста Ольсен, Бенджамин Р. Ольсен, Мика Дему, Эрик Эхлер, Изи Уайтинг, Стэйси Уитман, Кристина Куглер, Меган Кауфман, Сара Байлунд, С. Ли Плэйер, Итэн Скарстедт, Джилена О'Брайен, Райан Джурадо и непредсказуемый Питер Альстром.

Есть еще несколько человек, которых я хотел бы поблагодарить отдельно. Айзек Стюарт, составлявший карты для этого романа, был неистощимым источником идей и зрительных образов. Хизер Кирби давала дельные советы, помогая мне разобраться в таинственной работе ума молодой женщины.

В дополнение мне бы хотелось выразить признательность нескольким очень важным для меня людям, также трудившимся над книгой, которую вы держите в руках. Ирэн Галло, главный художник издательства «Тор», проделала блестящую работу: именно благодаря ей у серии такие замечательные обложки. Дэвид Монш из рекламного отдела приложил немало усилий, чтобы обеспечить циклу успех. Я очень благодарен им обоим.

И наконец, я, как обычно, благодарю своих родных за постоянную поддержку и веру в меня.

В особенности я хочу поблагодарить моего брата Джордана за его энтузиазм, поддержку и преданность. Вы можете ознакомиться с работами брата на моем сайте: www.brandonsanderson.com.

Пролог

Иногда меня тревожит, что я совсем не тот герой, за которого меня принимают.

Философы уверяют, что пришло время и были соответствующие знамения. Но я продолжаю думать: а что, если они выбрали не того человека? Так много людей зависит от меня. Они говорят: я стану держать в руках будущее всего мира.

Но что они подумают, если узнают, что их защитник – Герой Веков, спаситель – сомневается в себе? Может, они вовсе и не будут потрясены. И пожалуй, это беспокоит меня сильнее всего. Что, если в глубине души они и сами удивлены – так же как и я?

Когда они видят меня, не видят ли они лжеца?

Пепел сыпался с неба.

Лорд Трестинг хмурился, поглядывая вверх, на красное полуденное небо, а его слуги сутились, раскрывая зонт над Трестингом и его высокопоставленным гостем. Дожди из пепла нередко шли в Последней империи, но Трестинг надеялся обойтись без пятен копоти на новом сюртуке и красном жилете, только что доставленных из самой Лютадели. К счастью, ветра почти не было; зонт, пожалуй, мог их спасти.

Трестинг и его гость стояли на маленькой террасе на вершине холма. Отсюда открывался хороший вид на поля: сотни людей в коричневых комбинезонах трудились под пепельным дождем, оберегая урожай. Двигались они медленно – что, впрочем, нормально для скаа. Лень – их отличительное свойство. Конечно, им хватало ума не жаловаться на жизнь, просто они всегда работали вяло, опустив головы, погруженные в безмолвную апатию. Приближение надсмотрщика с кнутом заставляло их на несколько мгновений проявлять усердие, но, как только тот удалялся, они тут же снова теряли темп.

Трестинг повернулся к человеку, стоявшему рядом с ним на холме.

– Можно было предположить, – заметил Трестинг, – что тысячи лет работы на полях научили их хоть чему-то.

Поручитель посмотрел на него, приподняв одну бровь, – этот жест эффектно подчеркнул и без того весьма заметную сложную татуировку, покрывавшую кожу вокруг глаз. Татуировка была огромной, она заползала на лоб и виски. Поручитель состоял в чине полного прелана, то есть был крайне влиятельной персоной. У Трестинга в особняке имелись собственные поручители, но они были просто мелкими чиновниками с едва заметными отметками вокруг глаз. А этот человек прибыл из Лютадели, и прибыл на том же судне, что и новый костюм Трестинга.

– Вам бы следовало увидеть городских скаа, Трестинг, – сказал поручитель, глядя на работающих скаа. – Ваши еще вполне прилежны в сравнении с живущими в Лютадели. Вы... довольно строги со своими скаа. Сколько вы примерно теряете в месяц?

– О, с полдесятка или около того, – ответил Трестинг. – Кто-то гибнет от побоев, кто-то от переутомления.

– Беглые есть?

– Нет! – воскликнул Трестинг. – Когда я только унаследовал от отца эти земли, несколько скаа сбежало – но я тут же казнил их семьи. Остальные перетрусили. Я никогда не понимал тех, у кого возникают трудности со скаа; этими тварями легко управлять, если дать им почувствовать твердую руку.

Поручитель кивнул; он стоял неподвижно, закутавшись в серый плащ. Он выглядел довольным, что не могло не радовать. Скаа на самом деле не были собственностью Трестинга.

Как и все скаа, они принадлежали Вседержителю; Трестинг лишь арендовал рабочих у своего божества, точно так же как он платил за службу его поручителям.

Поручитель бросил взгляд на свои карманные часы, потом посмотрел вверх, на солнце. Несмотря на пеплопад, солнце светило ярко, пылая ослепительным алым шаром позади дымной черноты, затянувшей небо. Трестинг достал носовой платок и промокнул лоб, радуясь, что зонт укрывает их от полуденного зноя.

– Очень хорошо, Трестинг, – сказал поручитель. – Я передам ваши предложения лорду Венчеру, как вы просили. И он получит от меня весьма благоприятный отчет о вашей деятельности.

Трестинг с трудом сдержал вздох облегчения. При заключении любого контракта или делового соглашения между знатными людьми требовалось свидетельство поручителя. Вообще-то, свидетелями могли быть даже низшие поручители вроде тех, кого нанял Трестинг, – но намного значительнее выглядело свидетельство личного поручителя самого Страффа Венчера.

Поручитель повернулся к нему:

– Я отправлюсь обратно сегодня же днем.

– Так скоро? – спросил Трестинг. – И вы не останетесь на ужин?

– Нет, – ответил поручитель. – Хотя есть еще одно дело, которое я хотел бы обсудить с вами. Я прибыл не только по приказу лорда Венчера, но и... выяснить кое-что по поручению кантона инквизиции. Ходят слухи, что вы развлекаетесь с женщинами скаа.

Трестинг похолодел.

Поручитель улыбнулся. Он, вероятно, хотел, чтобы улыбка выглядела успокаивающей, но Трестингу она показалась зловещей.

– Не беспокойтесь, Трестинг, – сказал поручитель. – Если бы возникли реальные опасения за ваше поведение, к вам явился бы Стальной инквизитор, не я.

Трестинг медленно кивнул. Инквизитор. Он никогда не видел ни одного из этих нечеловеческих существ, но слышал... много разных историй.

– Я удовлетворен тем, что узнал о вашем обращении с женщинами скаа, – продолжил поручитель, оглядывая поля. – То, что я видел и слышал здесь, свидетельствует, что вы всегда соблюдаете порядок в делах. Человек вроде вас – деятельный, успешный – может далеко пойти в Лютадели. Еще несколько лет работы, несколько удачных сделок, и... кто знает?

Поручитель отвернулся, а Трестинг вдруг заметил, что улыбается. Конечно, это не было обещанием, ведь поручители оставались в большей степени чиновниками, нежели священниками, и все же услышать такую похвалу от одного из слуг самого Вседержителя... Трестинг знал, что кое-кто из знати считал поручителей досадной помехой, кто-то воспринимал их как источник беспокойства, – но в этот момент он был готов расцеловать своего высокочтимого гостя.

Трестинг снова уставился на скаа, молча работавших под кровавым солнцем и медленно падавшими хлопьями пепла. Трестинг принадлежал к сельской знати, он жил на своей плантации, мечтая когда-нибудь переехать в Лютадель. Он слышал о балах и приемах, о высшем свете и интригах, и это всерьез волновало его.

«Я должен сегодня отпраздновать это», – подумал он.

В четырнадцатой хижине есть одна молоденькая девушка, за которой он наблюдал уже некоторое время...

Он снова улыбнулся. Еще несколько лет работы, так сказал поручитель. Но разве Трестинг не может ускорить дело, если начнет работать чуть более усердно? Его скаа в последнее время размножились. И если он будет их подгонять, то сможет этим летом собрать дополнительный урожай и выполнить договор с лордом Венчером.

Трестинг кивнул своим мыслям, глядя на толпу ленивых скаа: одни орудовали мотыгами, другие стояли на коленях, руками смахивая золу с молодых растений. Они не жаловались. Они не надеялись. Они едва осмеливались думать. Так и надлежало быть, потому что они скаа. Они...

Трестинг застыл на месте, когда один из скаа посмотрел вверх. Он встретился взглядом с Трестингом, и искра... нет, пламя вызова вспыхнуло в его глазах. Трестинг никогда не видел ничего подобного, во всяком случае на лицах скаа. Он невольно отступил назад, по всему его телу пробежал холодок, пока странный скаа, выпрямившись, смотрел ему в глаза.

И улыбался.

Трестинг отвел взгляд.

– Курдон! – рявкнул он.

Коренастый надсмотрщик тут же подбежал к нему:

– Да, мой лорд?

Трестинг повернулся, показывая на...

Он нахмурился. Где же стоял тот скаа? Все они работали, опустив головы, все были перепачканы сажей и покрыты потом, так что отличить их друг от друга было трудно. Трестинг помолчал, всматриваясь. Ему показалось, что он нашел нужное место... пустое место, где теперь никого не было.

Но нет. Это невозможно. Человек не в состоянии исчезнуть так быстро. Куда он подевался? Он должен быть там, где-то там, работать со склоненной головой, как положено. Все равно его секундная дерзость непростительна.

– Мой лорд? – снова повторил Курдон.

Поручитель стоял рядом, с любопытством наблюдая за Трестингом. Ему уж точно не стоит знать, что один из скаа поступил столь бесстыдно.

– Заставь скаа вон там, в южном секторе, работать поусерднее, – приказал Трестинг, кивая на поле. – Они слишком медлительны, даже для скаа. Поколоти парочку.

Курдон пожал плечами, но кивнул. Битье особой пользы не приносило, но, с другой стороны, ему не нужна была причина, чтобы отлупить рабочих.

В конце концов, они всего лишь скаа.

* * *

Кельсер слышал многое.

Он слышал шепоток о других временах, о том, что когда-то, давным-давно, солнце не выглядело красным. О временах, когда небо не заволакивали дым и пепел, когда растениям не приходилось бороться за жизнь и когда скаа не были рабами. Но те дни почти забылись. Даже легенды о них становились все более неопределенными, смутными.

Кельсер наблюдал за солнцем: его глаза следовали за огромным красным диском, пока тот полз к горизонту на западе. Кельсер замер на несколько долгих мгновений в пустом поле, один. Дневная работа была закончена; всех скаа загнали в хижины. Скоро придет туман.

Наконец Кельсер вздохнул, повернулся и стал пробираться через борозды и узкие тропинки, лавируя между большими кучами золы. Он старался не наступать на растения, хотя сам не знал почему. Растения едва ли стоили такой осторожности. Чахлые, с поникшими коричневыми листьями, они выглядели такими же подавленными, как и люди, ухаживавшие за ними.

Хижины скаа смутно вырисовывались в угасающем свете. Кельсер уже видел, как начинает сгущаться туман, постепенно заполняя воздух и оставляя от похожих на могильные холмы строений лишь размытые силуэты. Хижины никто не охранял. Надобности в страже не возникало: ни один скаа не решился бы выйти наружу после наступления ночи. Страх перед туманом был слишком силен.

«Я должен однажды избавить их от этого страха, – думал Кельсер, подходя к одному из крупных строений. – Но всему свое время».

Он потянул на себя дверь и проскользнул внутрь.

Разговор мгновенно затих. Кельсер закрыл дверь, с улыбкой повернулся и окинул взглядом помещение, где находилось около трех десятков скаа. В яме в центре хижины слабо горел огонь, а большой котел, стоявший рядом, был наполнен водой, в которой плавало немного овощей, – первое блюдо вечерней трапезы. Суп, конечно, оказался жидковат, но пахнул соблазнительно.

– Добрый вечер всем, – с улыбкой сказал Кельсер, опуская на пол свой мешок и прислоняясь спиной к двери. – Как прошел день?

Его слова нарушили молчание, и женщины тут же вернулись к приготовлению пищи. Но мужчины, сидевшие у грубо сколоченного стола, продолжали с недовольным видом рассматривать Кельсера.

– Наш день был полон работы, путник, – сказал наконец Теппер, один из старших скаа. – Это нечто такое, чего ты умудряешься избегать.

– Работа в поле мне и в самом деле не подходит, – ответил Кельсер. – Она слишком тяжела для моей нежной кожи.

Он улыбнулся, протягивая вперед руки, сплошь покрытые бесчисленными тонкими шрамами. Шрамы тянулись вдоль предплечий, как будто неведомый зверь многожды прошелся по ним когтями.

Теппер фыркнул. Он был слишком молод для старейшины, ему, пожалуй, едва перевалило за сорок, получалось, что он лет на пять старше Кельсера. Однако этот сухопарый мужчина держался так, словно привык быть главным, и ему это нравилось.

– Сейчас не время для легкомыслия, – строго произнес Теппер. – Когда мы даем приют путнику, то ожидаем, что он будет вести себя так, чтобы не возбуждать подозрений. А ты, когда исчез с поля сегодня утром, мог навлечь порку на тех, кто находился поблизости.

– Верно, – согласился Кельсер. – Но их могли избить и за то, что они встали не на то место, или слишком долго отдыхали, или просто кашлянули, когда мимо проходил надсмотрщик. Я однажды видел, как человека высекли просто потому, что его хозяин заявил, будто тот «дерзко подмигнул».

Теппер продолжал сидеть все в той же напряженной позе, прищулив глаза, а его руки неподвижно лежали на столе. На лице застыло упрямое выражение.

Кельсер закатил глаза:

– Хорошо. Если вы хотите, чтобы я ушел, я уйду.

Он закинул на плечо мешок и беспечно толкнул дверь.

Густой туман тут же потек внутрь, окутывая тело Кельсера, проливаясь на пол и стелясь по нему, как выжидающий в засаде зверь. Несколько человек судорожно вздохнули от ужаса, но большинство были настолько ошеломлены, что вообще не издали ни звука. Кельсер мгновение-другое постоял в дверях, вглядываясь в темный туман, живые волны которого подсвечивались от очага.

– Закрой дверь!

Теппер не приказывал, он умолял.

Кельсер выполнил его просьбу, плотно прикрыв дверь и преградив путь волнам тумана.

– Туман вовсе не то, что вы о нем думаете. Вы слишком его боитесь.

– Люди, рискнувшие выйти в туман, теряют свои души, – прошептала одна из женщин.

Ее слова породили в умах вопрос. Ходил ли Кельсер в тумане? И если да, что случилось с его душой?

«Если бы только вы знали правду», – подумал Кельсер.

– Ладно, полагаю, это значит, что я могу остаться. – Он махнул рукой какому-то парнишке, чтобы тот принес ему табурет. – И это хорошо. Мне самому было бы стыдно, если бы я ушел, не поделившись новостями.

Многие сразу насторожились при его словах. Такова была настоящая причина того, почему его терпели, почему даже самые робкие из крестьян давали приют людям вроде Кельсера – скаа, оказывающим неповиновение Вседержителю и путешествующим от плантации к плантации. Возможно, он был отступником, опасным для всей общины, но он принес новости из внешнего мира.

– Я пришел с севера, – сообщил Кельсер. – Из тех краев, где рука Вседержителя ощущается слабее, чем здесь.

Он говорил громко, отчетливо, и люди, продолжая заниматься своими делами, невольно прислушивались к нему. На следующий день слова Кельсера будут повторять сотни людей в других хижинах. Скаа могли быть трусливыми рабами, но при этом они оставались неизлечимыми сплетниками.

– На западе всем заправляют местные лорды, – продолжил Кельсер. – Они слишком далеко от железной хватки Вседержителя и его поручителей. Некоторые из этих господ даже обнаружили, что счастливые скаа работают лучше, чем запуганные. Один человек, лорд Рену, вообще приказал надсмотрщикам не бить рабочих без его разрешения. И еще поговаривают, что он собирается платить жалованье скаа на своих плантациях, примерно столько же, сколько зарабатывают городские ремесленники.

– Чушь, – резко бросил Теппер.

– Прошу прощения, – возразил Кельсер. – Я не предполагал, что добрый Теппер недавно побывал в поместье лорда Рену. Когда ты ужинал с ним в последний раз, он, видимо, рассказал тебе что-то, чего не знаю я?

Теппер покраснел: скаа никогда не путешествовали и, уж конечно, не ужинали с лордами.

– Ты считаешь меня дураком, странник, – сказал Теппер. – Но я знаю больше, чем ты думаешь. Ты тот, кого называют Выжившим: тебя выдают шрамы на руках. От тебя одни неприятности – ты бродишь по плантациям и возбуждаешь недовольство. Ты ешь нашу пищу, рассказываешь свои прекрасные истории, ты лжешь – а потом исчезаешь и предоставляешь людям вроде меня справляться с бессмысленными надеждами, которые ты даешь нашим детям.

Кельсер приподнял бровь.

– Неплохо, добрый Теппер, – кивнул он. – Однако твои тревоги безосновательны. К тому же я не намерен есть твою пищу. Я принес свою.

С этими словами Кельсер подхватил свой мешок и опустил его на землю перед Теппером. Полупустой мешок завалился набок, и из него посыпались разные продукты. Хороший хлеб, фрукты и даже несколько толстых копченых колбасок.

Большой фрукт покатился по утопанному земляному полу и легонько стукнулся о ногу Теппера. Немолодой скаа ошеломленно уставился на фрукт:

– Это еда знатных людей!

Кельсер фыркнул:

– Вряд ли. Знаешь, у твоего лорда Трестинга удивительно дурной вкус для человека его положения. Его кладовая – просто позор для аристократа.

Теппер побледнел.

– Так вот куда ты уходил днем, – прошептал он. – Ты забрался в особняк. Ты... обокрал хозяина!

– Да, ты прав, – сказал Кельсер. – И могу добавить, что, хотя твой лорд ничего не смыслит в еде, выбирать солдат он умеет. Проникнуть в его особняк среди бела дня было нелегкой задачей.

Теппер не отводил взгляда от мешка с едой.

– Если надсмотрщик найдет это здесь...

– Ну, я полагаю, всему этому нетрудно исчезнуть, – возразил Кельсер. – Могу поспорить, что это куда вкуснее пустой воды с овощами.

Две дюжины пар голодных глаз изучали продукты. Если Теппер намеревался спорить и дальше, ему следовало поторопиться с подбором аргументов, потому что его молчание было воспринято всеми как согласие. В несколько минут содержимое мешка изучили и поделили, а котел с супом, забытый всеми, продолжал кипеть на огне, пока скаа пировали.

Кельсер откинулся назад, прислонившись спиной к деревянной стене хижины, и наблюдал за тем, как люди пожирают пищу. Он сказал чистую правду: в кладовой лежали самые простые продукты. Однако этих людей с детства кормили только супом и жидкой кашей. Для них мягкий хлеб и фрукты выглядели деликатесами: им ведь доставались лишь сухие корки, которые приносили слуги из особняка.

– Твои новости что-то слишком быстро кончились, юноша, – сказал один из старших скаа, подходя к Кельсеру и опускаясь на табурет рядом с ним.

– О, я подумал, что они могут подождать, – ответил Кельсер. – До того времени, как доказательства моей кражи будут окончательно уничтожены. А ты не хочешь что-нибудь попробовать?

– Мне ни к чему, – сказал старик. – В последний раз, когда я попробовал пищу лордов, у меня три дня болел живот. Новая еда вроде новых идей, юноша. Чем старше ты становишься, тем труднее их переваривать.

Кельсер некоторое время молчал. Старик выглядел не слишком впечатляюще. Из-за обветренной морщинистой кожи и лысого черепа он казался слабым, хрупким. Но конечно, в действительности он должен был быть куда крепче: немногие скаа на плантациях доживали до таких лет. Большинство лордов не освобождали стариков от ежедневной работы, а частые побои еще ошутимее сокращали их жизнь.

– Как тебя зовут, не расслышал? – спросил Кельсер.

– Меннис.

Кельсер оглянулся на Теппера:

– Ну, добрый Меннис, расскажи мне что-нибудь. Почему, например, ты позволяешь ему командовать?

Меннис пожал плечами:

– Когда доживешь до моих лет, тоже будешь беречь силы и не тратить их понапрасну. В иные битвы и ввязываться не стоит. – В словах Менниса как будто проскользнул намек – он имел в виду нечто большее, нежели свое противостояние с Теппером.

– Значит, тебя все устраивает? – спросил Кельсер, кивком указывая на хижину и ее полуголодных, измученных обитателей. – Ты доволен жизнью, полной побоев и бесконечной тяжелой работы?

– По крайней мере, это жизнь, – ответил Меннис. – Я знаю, что приносят недовольство и бунты. Взгляд Вседержителя и гнев Стального братства куда страшнее нескольких ударов кнутом. Люди вроде тебя призывают к переменам, но я сомневаюсь, можем ли мы выиграть эту битву?

– Ты уже в ней участвуешь, добрый Меннис. Только ты безнадежно проигрываешь, – сказал Кельсер, пожав плечами. – Но что я могу знать? Я всего лишь странствующий еретик, я здесь, чтобы поесть вашей пищи и произвести впечатление на вашу молодежь.

Меннис покачал головой:

– Ты дурачишься, но Теппер, возможно, прав. Я боюсь, что твой приход принесет нам беду.

Кельсер улыбнулся:

– Вот потому я с ним и не спорю – по крайней мере, на эту опасную тему. – Он помолчал, и его улыбка стала шире. – На самом деле то, что Теппер назвал меня причиной неприятностей, было единственной разумной вещью, произнесенной им с момента моего прихода.

– Как тебе это удается? – спросил Меннис, нахмурившись.

– Что именно?

– Постоянно улыбаться.

– О, просто я счастливый человек!

Меннис бросил взгляд на руки Кельсера:

– Знаешь, я лишь однажды видел подобные шрамы... но тот человек был мертв. Его тело привезли к лорду Трестингу как доказательство того, что наказание настигло преступника. – Меннис посмотрел Кельсеру в глаза. – Его поймали на подстрекательстве людей к бунту. Трестинг отправил его в Ямы Хатсина, и он работал там, пока не умер. Парень протянул меньше месяца.

Кельсер тоже посмотрел на свои руки. Они еще время от времени горели, хотя Кельсер был уверен: боль просто застряла в памяти. Он глянул на Менниса и улыбнулся:

– Ты спрашиваешь, почему я улыбаюсь, добрый Меннис? Ну, Вседержитель думает, что смех и веселье – это только для него. Я не согласен. Это такая битва, для которой не требуется чрезмерных усилий.

Меннис уставился на Кельсера, и на мгновение ему показалось, что старик вот-вот улыбнется в ответ. Однако Меннис лишь медленно покачал головой:

– Я не знаю. Я просто не...

Его прервал крик. Он донесся снаружи, возможно с севера, хотя туман обычно искажает звуки. Люди в хижине замолчали, прислушиваясь к слабому высокому звуку. Несмотря на расстояние и туман, Кельсер отчетливо слышал, что в крике сквозит боль.

Кельсер поджег олово.

Теперь, после многих лет тренировок, это давалось ему легко. Олово вместе с другими алломантическими металлами лежало в желудке, проглоченное заранее, и ожидало своего часа. Кельсер потянулся мыслью внутрь себя и коснулся олова, выпуская силу, которую сам едва понимал. Олово ожило внутри его, обожгло желудок, как крепкое, выпитое залпом спиртное.

Алломантическая сила пронеслась по телу Кельсера, обострив чувства. Помещение вокруг как будто осветилось, тускло тлевший огонь приобрел почти слепящую яркость. Кельсер ощущал каждое волокно древесины, из которой была сделана табуретка под ним. Он чувствовал вкус хлеба, который украл днем. Но куда важнее было то, что сверхъестественным слухом он слышал крики. Кричали две женщины. Одна – пожилая, вторая – совсем молоденькая, возможно еще ребенок. И молодой голос все удалялся и удалялся.

– Бедняжка Джесс, – пробормотала женщина рядом с Кельсером, и ее голос ударил по ушам. – Ее дитя было сущим проклятием. Скаа лучше не иметь хорошеньких дочерей.

Теппер кивнул:

– Лорд Трестинг все равно прислал бы за девушкой, рано или поздно. Мы все это знали. И Джесс знала.

– И все равно это просто позор! – сказал другой мужчина.

Крики не утихали. Воспламенив олово, Кельсер мог точно определять направление. Голос девушки удалялся в сторону особняка лорда. Эти звуки разбудили что-то в Кельсере, и он почувствовал, как на лице проступила краска гнева.

Кельсер обернулся:

– Лорд Трестинг возвращает девушек после того, как позабавится с ними?

Старый Меннис покачал головой:

– Лорд Трестинг – законопослушный господин. Он убивает девушек через несколько недель. Не хочет, чтобы на него обратили внимание инквизиторы.

Таков был приказ Вседержителя. Он не желал, чтобы вокруг бегали маленькие полукровки – дети, которые могли обладать силой, о которой скаа не полагалось даже догадываться...

Крики затихли, но гнев Кельсера лишь усилился. Он вспомнил обо всех мольбах о помощи. О том, как кричала когда-то другая женщина. Кельсер резко встал, опрокинув табурет на пол.

– Осторожнее, парень, – с испугом сказал Меннис. – Вспомни, что я говорил насчет траты своих сил. Тебе не удастся организовать этот твой бунт, если тебя убьют сегодня ночью.

Кельсер бросил взгляд на старика. Потом заставил себя улыбнуться, несмотря на душевную боль.

– Я здесь не для того, чтобы подстрекать вас к бунту, добрый Меннис. Я просто хочу устроить маленькие беспорядки.

– И что с них проку?

Улыбка Кельсера стала шире.

– Грядут новые времена. Проживи еще немножко – и сможешь увидеть великие события в Последней империи. Счастливо оставаться, и спасибо за гостеприимство.

С этими словами он резко распахнул дверь и шагнул в туман.

* * *

Меннис лежал без сна до самого рассвета. Похоже, чем старше он становился, тем труднее ему было заснуть. Но на этот раз его вдобавок мучила тревога – он думал о путнике, который не вернулся в их хижину.

Меннис надеялся, что Кельсер пришел в себя и просто отправился дальше. Однако такая перспектива выглядела маловероятной. Меннис прекрасно видел ярость в глазах Кельсера. И ему казалось нелепым, что человек, сумевший выжить в Ямах, может найти смерть здесь, на случайной плантации, пытаясь защитить девушку, которую все считали обреченной на гибель.

Какотреагирует на это лорд Трестинг? Говорили, что он особенно жесток к тем, кто мешает его ночным забавам. Если Кельсер умудрится испортить хозяину удовольствие, Трестинг легко может наказать всех своих скаа.

Постепенно обитатели хижины начали просыпаться. Меннис лежал на твердой земле – кости у него болели, спина ныла, мышцы ослабели – и пытался решить, стоит ли вообще прилагать усилия для того, чтобы встать. Он каждое утро поднимался с трудом. И с каждым днем делать это становилось немножко тяжелее. Однажды он, наверное, просто останется в хижине, ожидая, когда придут надсмотрщики – добить тех, кто тяжело болен или слишком стар, чтобы работать.

Однажды, но не сегодня. Он видел в глазах скаа отчаянный страх – они ведь знали, что ночная выходка Кельсера грозит неприятностями всем им. Они нуждались в Меннисе; они смотрели на него. Он должен был встать.

И он поднялся. Как только он начал двигаться, старческие боли немного поутихли, и он, волоча ноги, вышел из хижины и направился к полю, опираясь на одного из молодых скаа.

Внезапно он уловил в воздухе странный запах.

– Что это? – спросил он. – Ты чувствуешь дым?

Шам – парень, который поддерживал Менниса, – приостановился. Последние клубы ночного тумана уже растаяли, за завесой темных облаков поднималось красное солнце.

– Я в последнее время постоянно чувствую дым, – сказал Шам. – Пепельные горы уж очень неистовы в этом году.

– Нет, – возразил Меннис, ощущая, как в нем нарастает тревога, – это что-то другое.

Он посмотрел на север, где уже толпились скаа. Он позволил Шаму повернуть туда и зашаркал к остальным, с каждым шагом поднимая облако пыли и золы.

В центре большой группы он увидел Джесс. Ее дочь, та самая, которую, как полагали, забрал лорд Трестинг, стояла рядом с матерью. Глаза юной девушки покраснели от бессонницы, но выглядела она вполне благополучно.

– Она вернулась вскоре после того, как ее увели, – объясняла женщина. – Пришла и стала колотить в дверь, кричала там, в тумане. Флен не сомневался, что это туманный призрак прикинулся нашей дочерью, но я не могла ее не впустить. Мне было наплевать, что он говорит. И вот теперь я вывела ее на солнечный свет, и она не исчезла. Это доказывает, что она настоящая!

Меннис, спотыкаясь, направился прочь от растущей толпы. Неужели никто ничего не замечает? Ни один надсмотрщик не подошел до сих пор, чтобы разогнать собравшихся. Ни одного солдата не появилось, чтобы пересчитать рабочих. Случилось что-то дурное. Меннис продолжал двигаться на север, в сторону особняка.

К тому времени как он добрался до края плоской возвышенности, все остальные заметили наконец дым, едва видимый в утреннем свете. И тут же бросились вдогонку за Меннисом.

Особняк исчез. На его месте осталось лишь черное дымящееся пятно.

– Во имя Вседержителя! – прошептал Меннис. – Что случилось?

– Он убил их всех.

Меннис обернулся. Это сказала дочь Джесс. Она стояла неподалеку, глядя вниз, на остатки дома, и на ее юном лице светилось удовлетворение.

– Они все были мертвы, когда он вывел меня наружу, – пояснила девушка. – Все: солдаты, надсмотрщики, лорды... мертвы! Даже лорд Трестинг и его поручители. Хозяин оставил меня, когда поднялся шум, и пошел выяснить, в чем дело. Когда мы покидали дом, я видела его – он лежал залитый собственной кровью, а из его груди торчал кинжал. А тот человек, который меня спас, бросил в дом факел, когда мы уходили.

– Тот человек? – переспросил Меннис. – У него на руках были шрамы, от локтей и ниже?

Девушка молча кивнула.

– Что он за демон такой? – сдавленным голосом пробормотал один из скаа.

– Туманный призрак, – прошептал другой, явно забыв, что Кельсер пришел при свете дня.

«Но он вышел в туман, – подумал Меннис. – И как ему удалось совершить подобное?.. У лорда Трестинга было больше двух дюжин солдат! Может, с Кельсером тайно прибыл целый отряд бунтовщиков?»

Слова Кельсера, сказанные накануне ночью, все еще звучали в ушах старика: «Грядут новые времена...»

– Но что теперь будет с нами? – спросил испуганный Теппер. – Что будет, когда Вседержитель узнает обо всем? Он подумает, что это мы сделали! Он отправит нас в Ямы, а может, пришлет сюда своих колоссов и те всех прикончат! Зачем беспутный бродяга натворил все это? Неужели он не понимает, чем кончится его затея?

– Он понимает, – сказал Меннис. – Он нас предупредил, Теппер. Он пришел, чтобы устроить небольшие беспорядки.

– Но зачем?

– Затем, что он знает: сами мы никогда не взбунтуемся. Вот он и не оставил нам выбора. Теппер побледнел.

«Вседержитель, – подумал Меннис, – я не могу этого сделать. Я едва поднимаюсь по утрам... я не могу спасти этих людей».

Но разве у него был выбор?

Меннис повернулся к Тепперу:

– Собери людей, Теппер. Мы должны бежать до того, как весть о несчастье достигнет Вседержителя.

– И куда мы пойдем?

– В пещеры на востоке, – ответил Меннис. – Путники говорили, там прячутся мятежные скаа. Может, они примут нас.

Теппер побледнел еще сильнее.

– Но... нам придется идти туда много дней. И ночевать в тумане!

– Мы справимся, – сказал Меннис. – Или можем остаться здесь и умереть.

Теппер несколько мгновений стоял неподвижно, и Меннис подумал, что он слишком потрясен. Однако вскоре Теппер сдвинулся с места и принялся сзывать всех, как ему было приказано.

Меннис вздохнул, глядя на струйки дыма над пожарищем, и мысленно как следует обругал Кельсера.

Да уж, действительно – новые времена.

Часть первая Выживший в Хатсине

1

Я считаю себя человеком принципов. Но у кого их нет? Я заметил, что даже последний головорез находит свои действия нравственными.

Возможно, кто-то, читая историю моей жизни, назовет меня религиозным тираном. Он может считать меня высокомерным. И почему его мнение должно считаться менее важным, чем мое собственное?

Но я полагаю, в итоге все сводится к одному факту: в конце концов, только у меня есть армия.

Пепел сыпался с неба.

Вин наблюдала за пушистыми хлопьями, плывшими в воздухе. Лениво. Беззаботно. Свободно. Комки сажки кружились, как черные снежинки, опускаясь на темный город Лютадель. Они забивались в углы, их несло ветром, они образовывали крошечные водовороты на вымощенной булыжником дороге. Они выглядели такими безобидными. А как им еще выглядеть?

Вин неподвижно сидела на одном из пунктов наблюдения – потайной нише в кирпичной стене дома. Из этой ниши члены шайки могли наблюдать за улицей, высматривая признаки опасности. Вин находилась не на дежурстве, просто наблюдательная ниша была одним из немногих мест, где она могла остаться одна.

Вин любила уединение. «Когда ты в одиночестве, никто тебя не предаст». Это слова Рина. Брат научил ее многому, а потом подкрепил свои уроки тем, что сам ее предал. «Это единственный способ учиться. Любой может предать тебя, Вин. Любой».

Зола и пепел продолжали падать. Иногда Вин представляла, что она сама похожа на пепел, или на ветер, или даже на туман. Что она нечто, не имеющее мыслей, способное просто существовать, ни о чем не думая, не заботясь, ничего не чувствуя. Тогда она была бы... свободной.

Она услышала неподалеку какой-то шорох, и люк в задней части маленького помещения со щелчком открылся.

– Вин! – окликнул ее Улеф, просовывая внутрь голову. – Вот ты где! Камон ищет тебя уже с полчаса.

«Потому-то я и спряталась».

– Тебе надо поспешить, – сказал Улеф. – Скоро можно будет приниматься за работу.

Улеф был долговязым парнем, по-своему очень милым и наивным, если, конечно, того, кто вырос на дне, можно назвать наивным. И разумеется, это не означало, что он не может ее предать. Предательство не имело никакого отношения к дружбе, оно было вопросом выживания. Жизнь на улицах жестока, и если какой-нибудь вор-скаа хотел избежать поимки и казни, он вынужден был предавать.

«Безжалостность важнее всех эмоций». Это тоже сказал Рин.

– Ну? – вопросительно произнес Улеф. – Надо идти. Камон в бешенстве.

«А когда он не бесился?»

Однако Вин кивнула, выбираясь из тесного, но уютного пространства наблюдательной ниши. Она проскользнула мимо Улефа и вынырнула из люка в коридор, а оттуда – в заброшенную кладовую. Эта комната была одним из многих помещений, расположенных в задней части

склада, – они служили передней стеной тайного дома. Собственно берлога шайки скрывалась в каменной пещере под зданием.

Вин вышла из здания через заднюю дверь, Улеф тащился следом. Работать предстояло в нескольких кварталах отсюда, в более богатой части города. Это была сложная работа – одна из самых сложных, с какими вообще когда-либо сталкивалась Вин. Если Камона не поймают, награда светила по-настоящему большая. Если же поймают... Конечно, обжуливать вельмож или поручителей – опасное занятие, но все же лучше, чем работать в кузнице или на текстильной фабрике.

Вин вышла из переулка, очутившись на темной улице, вдоль которой тянулись многоквартирные дома одной из городских трущоб, населенных скаа. Скаа, слишком больные, чтобы работать, прятались в углах и сточных канавах, заметаемых пеплом. Вин опустила голову и поглубже натянула капюшон плаща, защищаясь от падавших хлопьев.

«Свободна. Нет, я никогда не буду свободна. Рин об этом позаботился, когда уходил».

* * *

– Наконец-то! – Камон поднял короткий жирный палец и ткнул ей чуть ли не в лицо. – Где ты была?

Вин не позволила ненависти или возмущению отразиться в своих глазах. Она просто смотрела вниз, предоставляя Камону увидеть то, что ему захочется. Существовали разные способы быть сильной. Этому Вин научилась самостоятельно.

Камон поворчал еще немного, потом вдруг размахнулся и тыльной стороной ладони ударил Вин по лицу. Сила удара была такова, что щеку обожгло болью и Вин отлетела к стене. Она вынесла наказание молча. Просто еще один синяк. Она достаточно сильна, чтобы справиться с этим. Она уже не раз справлялась.

– Слушай, – прошипел Камон, – это очень важная работа. Она стоит многих тысяч монет... она стоит в сотни раз больше тебя. И я не желаю, чтобы ты все испортила. Понятно?

Вин кивнула.

Камон несколько мгновений изучал ее взглядом, и его пухлое лицо было красным от гнева. Наконец он отвернулся, что-то пробормотав себе под нос.

Он был чем-то раздражен – чем-то более серьезным, чем Вин. Может, он услышал о бунте скаа, случившемся в нескольких днях пути на север от столицы. Один из провинциальных лордов, Фемос Трестинг, был, судя по всему, убит, а его особняк сожжен дотла. Такие беспорядки вредны для их дела: аристократы сразу настораживались, становились менее легковверными. А это, в свою очередь, серьезно отражалось на доходах Камона.

«Он ищет, на ком бы сорвать злость, – подумала Вин. – Он всегда нервничает перед серьезной работой».

Она посмотрела на Камона, ощущая на губах вкус крови. Вероятно, самонадеянность отчасти отразилась на ее лице, потому что он бросил на нее косой взгляд и помрачнел. Потом вскинул руку, как будто хотел еще раз ударить ее.

Вин призвала на помощь свою удачу.

Она пустила в ход лишь маленькую ее толику, остальное ей понадобится для работы. Она направила удачу на Камона, успокаивая его. Глава шайки замер на мгновение – он не заметил прикосновения Вин, но тем не менее ощутил его воздействие. Он немного постоял в замешательстве, потом вздохнул, отвернулся и опустил руку.

Вин облизнула губы, когда Камон вперевалку пошел прочь. Глава воров выглядел весьма убедительно в одежде знатного человека. Это был самый дорогой костюм, какой Вин когда-либо видела: поверх красивой белой рубашки Камон надел темно-зеленый жилет с резными золотыми пуговицами. Черный сюртук был длинным, по последней моде, и еще Камон подо-

брал к нему черную шляпу. На его пальцах сверкали кольца, он даже прихватил красивую дуэльную трость. Да уж, Камон отлично изображал вельможу. Лишь немногие воры могли превзойти его в этой роли. Вот если бы он еще умел держать себя в руках...

А вот комната Камона особого впечатления не производила. Вин поднялась на ноги, когда Камон начал ругать других членов команды. Они арендовали большой номер на последнем этаже одного из местных отелей. Не слишком роскошный, но в этом была вся суть. Камон собирался разыгрывать из себя лорда Джедуи, провинциального господина, у которого возникли финансовые затруднения и который в отчаянии прибыл в Лютадель, надеясь заключить выгодный контракт и поправить свои дела.

Центральная комната была преобразована в некое подобие приемного зала: здесь поставили большой письменный стол для Камона, по стенам развесили дешевые картины. Рядом со столом стояло двое мужчин, одетых в ливреи. Они должны были изображать лакеев Камона.

– Что за гвалт? – спросил вошедший в комнату мужчина.

Он был высок ростом, одет в простую серую рубашку и свободные штаны, а на поясе его висел тонкий меч. Ферон тоже руководил воровской шайкой, и идея аферы принадлежала именно ему. Он взял в долю Камона, потому что ему требовался тот, кто мог бы сыграть роль лорда Джедуи, а все знали, что в этом деле Камон один из лучших.

Камон посмотрел на него:

– Хм... гвалт? О, просто небольшие проблемы с дисциплиной. Не стоит тревожиться, Ферон. – Камон небрежно взмахнул рукой, и жест этот выглядел весьма аристократично.

Камон был достаточно высокомерен, чтобы сойти за представителя одного из Великих Домов. Ферон прищурился. Вин догадывалась, о чем он думал: он прикидывал, насколько рискованно будет воткнуть нож в жирную спину Камона после окончания спектакля. Но наконец высокий главарь отвел взгляд от Камона и посмотрел на Вин.

– А это кто? – спросил он.

– Член моей команды, – ответил Камон.

– Я думал, нам никто больше не нужен.

– Ну она нам точно нужна, – сказал Камон. – Не обращай на нее внимания. Моя часть операции тебя не касается.

Ферон присмотрелся к Вин, заметил ее окровавленную губу. Вин отвела взгляд. Глаза Ферона задержались на ней, изучая с головы до ног. На Вин была простая белая рубашка с пуговицами и широкие штаны. Вряд ли она могла показаться соблазнительной: тощая, с лицом подростка, она не выглядела даже на свои шестнадцать. Впрочем, некоторые мужчины предпочитают именно таких женщин.

Вин уже подумала, не пустить ли в ход свою удачу, но Ферон наконец отвернулся.

– Поручитель скоро будет, – сказал он. – Вы готовы?

Камон вытаращил глаза, усаживаясь в кресло за столом.

– Все в полном порядке. Предоставь дело мне, Ферон! Вернись в свою комнату и жди.

Ферон нахмурился, потом развернулся и вышел из комнаты, что-то бормоча себе под нос.

Вин осмотрела комнату, изучая обстановку, слуг, общую атмосферу. Наконец она подошла к столу Камона. Главарь воров сидел, перебирая стопку бумаги и явно размышляя, какой листок положить перед собой.

– Камон, – тихо сказала Вин, – слуги слишком хороши.

Камон нахмурился, поднял голову и посмотрел на нее.

– О чем ты там бормочешь?

– Слуги, – повторила Вин все тем же мягким шепотом. – Предполагается, что лорд Джедуи находится в отчаянном положении. У него есть дорогая одежда, оставшаяся от лучших времен, но он не может платить настоящим слугам. Он должен использовать скаа.

Камон молча продолжал смотреть на нее. В физическом смысле между знатными людьми и скаа не было особой разницы. Но воры, которых Камон назначил изображать слуг, были одеты как мелкие вельможи: на них были цветные жилеты, и держались они слишком уверенно.

– Поручитель должен думать, что ты на грани нищеты, – пояснила Вин. – Лучше набей комнату толпой слуг-скаа.

– Да что ты в этом смыслишь? – спросил Камон, мрачно уставившись на нее.

– Достаточно. – Вин тут же пожалела о вырвавшемся у нее слове: оно прозвучало слишком вызывающе.

Камон поднял унизанную кольцами руку, и Вин приготовилась к очередной пощечине. Она не могла позволить себе потратить еще немного удачи. У нее и так оставался небольшой запас.

Однако Камон не ударил ее. Вместо этого он вздохнул и опустил пухлую руку ей на плечо:

– Ну почему ты постоянно меня провоцируешь, Вин? Ты ведь знаешь, какие долги оставил твой брат, сбежав. Ты хоть понимаешь, что чуть менее милосердный человек, чем я, давным-давно уже продал бы тебя в бордель? Как бы тебе это понравилось – развлекать в постели какого-нибудь лорда, пока ты не надоела бы ему и он не прикончил тебя?

Вин устала в пол.

Камон сжал ее плечо, его пальцы впились ей в основание шеи, и Вин судорожно вздохнула от боли. Камон усмехнулся.

– Если честно, я и сам не понимаю, почему держу тебя здесь, Вин, – сказал он, еще крепче стискивая ее плечо. – Мне бы следовало избавиться от тебя несколько месяцев назад, когда твой брат предал меня. Полагаю, у меня просто слишком доброе сердце.

Он наконец отпустил ее и жестом приказал встать у стены, рядом с высоким комнатным растением. Она сделала, как он велел, и повернулась так, чтобы хорошо видеть комнату. Как только Камон перестал смотреть на нее, она потеряла плечо.

«Это просто еще одна боль. Я умею справляться с болью».

Камон молчал несколько мгновений. Потом, как и ожидала Вин, он махнул рукой двум стоявшим неподалеку «слугам».

– Вы двое! – сказал он. – Вы слишком богато одеты. Быстро пойдите и наденьте что-нибудь такое, чтобы стать похожими на слуг-скаа... и приведите сюда еще шесть человек.

Вскоре комната была набита битком, как и предлагала Вин. А еще немного погодя прибыл поручитель.

Вин наблюдала за тем, как прелан Лэйрд с надменным видом входит в комнату. Голова у него была обрита наголо, как у всех поручителей, и он носил темно-серое одеяние. Татуировка братства вокруг его глаз говорила о том, что он находится в чине прелана, младшего чиновника кантона финансов. Следом за ним вошло несколько младших поручителей, их татуировки были куда менее сложными.

Камон поднялся навстречу прелану, выражая уважение, – так следовало поступать даже вельможам из Великих Домов при встрече с поручителями такого ранга, как Лэйрд. Лэйрд не ответил ни поклоном, ни даже кивком. Вместо этого он просто прошел вперед и сел перед столом Камона. Один из членов шайки, изображавший слугу, ринулся вперед, чтобы подать поручителю охлажденное вино и фрукты.

Лэйрд взял одну ягодку, предоставив склоненному слуге стоять рядом, как будто тот был предметом мебели.

– Лорд Джедуи, – заговорил наконец Лэйрд, – я рад, что мы все же смогли встретиться.

– Я тоже, ваша милость, – ответил Камон.

– Но я снова спрашиваю: почему вы не смогли прийти в мой кантон, почему пригласили меня сюда?

– Все дело в моих коленях, ваше сиятельство, – сказал Камон. – Мои врачи рекомендуют мне ходить как можно меньше.

«И ты к тому же здорово боишься, что тебя швырнут в тюрьму братства», – подумала Вин.

– Понимаю, – кивнул Лэйрд. – Больные колени. Весьма неудачно для человека, который занимается перевозками.

– Но я ведь не обязан сам путешествовать, ваша милость, – возразил Камон, склоняя голову. – Я лишь организатор.

«Неплохо, – подумала Вин. – Постарайся и дальше выглядеть так же раболепно, Камон. Ты должен казаться отчаявшимся человеком».

Вин было необходимо, чтобы авантюра удалась. Камон плохо с ней обращался, бил ее, но все равно смотрел на нее как на талисман, приносящий удачу. Вин сомневалась, что Камону известно, почему его планы срабатывают куда лучше, если она находится рядом, но связь он безусловно уловил. А это придавало Вин немалую ценность, да и Рин всегда говорил, что лучший способ выжить на дне – это доказать свою незаменимость.

– Понимаю, – повторил Лэйрд. – Но боюсь, что наша встреча произошла слишком поздно с точки зрения ваших целей. Кантон финансов уже проголосовал по вашему предложению.

– Так быстро? – спросил Камон с искренним удивлением.

– Да, – кивнул Лэйрд, делая глоток вина и по-прежнему не замечая слуги. – Мы решили не принимать ваше предложение.

Камон мгновение-другое сидел не шевелясь, ошеломленный.

– Мне тяжело это слышать, ваша милость.

«Но Лэйрд пришел на встречу с тобой, – подумала Вин. – А это значит, что он пока не отказался от мысли о переговорах».

– Да, тяжело, – продолжил Камон, уловив то, о чем подумала Вин. – И это тем более неприятно, поскольку я как раз готов был сделать братству предложение куда лучшее.

Лэйрд приподнял бровь, окруженную татуировками.

– Сомневаюсь, что в этом есть смысл. Кое-кто в Совете считает, что лучшие услуги для нашего кантона сможет предоставить более надежный перевозчик.

– Это было бы серьезной ошибкой, – вкрадчиво произнес Камон. – Давайте будем откровенны, ваша милость. Мы оба знаем, что этот контракт – последний шанс Дома Джедуи. Теперь, когда мы лишились договора с Фарваном, мы не можем позволить себе направлять суда в Лютадель. И без покровительства братства мой Дом в финансовом смысле просто погибнет.

– Меня это ничуть не убеждает, ваша светлость, – сказал поручитель.

– Разве? – удивился Камон. – Спросите себя, ваша милость: кто будет служить вам лучше? Тот Дом, у которого уже есть десятки контрактов и которому придется делить свое внимание между ними, или тот, что смотрит на ваш контракт как на последнюю надежду? Кантон финансов не найдет более преданного партнера, чем этот отчаявшийся. Позвольте моим судам стать единственными, перевозящими ваших служителей с севера... и позвольте моим солдатам сопровождать их – и вы не будете разочарованы.

«Неплохо», – подумала Вин.

– Да... понимаю, – произнес поручитель, явно обеспокоенный.

– Я буду рад предложить вам длительный контракт с фиксированной ценой – пятьдесят мер с человека за поездку, ваша милость. Ваши служители смогут путешествовать на наших судах в свое удовольствие и всегда брать с собой столько сопровождающих, сколько им понадобится.

Поручитель вскинул бровь:

– Но это половина предыдущей цены.

– Я говорил вам, – напомнил Камон, – мы в отчаянном положении. Мой Дом действительно нуждается в том, чтобы поддерживать суда на плаву. Пятьдесят мер не принесут нам прибыли, но не в этом дело. Контракт с братством даст нам уверенность, и мы сможем искать другие контракты, чтобы наполнить наши сундуки.

Лэйрд явно задумался. Сделка выглядела неправдоподобно выгодной – настолько, что вызывала подозрение. Однако Камон отлично играл представителя Дома, находящегося на краю финансовой гибели. Главарь другой шайки, Ферон, потратил пять лет на подготовку этого момента, вынюхивая, разведывая и рассчитывая. Братство проявило бы непростительную небрежность, если бы не рассмотрело такое предложение.

Лэйрд это понял. Стальное братство представляло собой не только власть чиновников и закона в Последней империи, оно само по себе было чем-то вроде знатного Дома. Чем богаче оно становилось, тем более выгодные контракты могло заключать и тем больше средств для достижения своих целей получали разные его кантоны и благородные Дома.

Однако Лэйрд продолжал колебаться. Вин видела выражение его глаз, видела так хорошо знакомое ей подозрение. Он не собирался принимать предложение.

«Ну, – подумала Вин, – теперь моя очередь».

Она направила на Лэйрда свою удачу. Сначала она предприняла пробную попытку – не слишком уверенная в том, что и зачем делает. Ее прикосновение было инстинктивным, отработанным за годы тайной практики. Она поняла, что умеет делать то, что не под силу другим людям, когда ей было десять лет.

Она еще раз слегка пригасила чувства Лэйрда. Его подозрения ослабели, страх утих. Он успокоился. Вот его тревоги исчезли окончательно, и Вин увидела, как в глазах поручителя снова возникло спокойное, властное выражение.

И все же Лэйрд казался слегка неуверенным. Вин нажала чуть сильнее. Поручитель вскинул голову и задумчиво посмотрел на Камона. Он открыл было рот, чтобы заговорить, и Вин подтолкнула его еще раз, отчаянно швырнув в него последнюю щепотку удачи.

Лэйрд помолчал еще немного.

– Очень хорошо, – произнес он наконец. – Я передам ваше новое предложение Совету. Возможно, мы сумеем прийти к соглашению.

2

Если кто-нибудь прочтет эти слова, пусть знает, что власть – это тяжкая ноша. Постарайтесь не оказаться связанными этими цепями. Террисийские пророчества твердят, что я обрету власть, чтобы спасти мир.

Однако хитрость в том, что я получу силу также и для того, чтобы разрушить его.

На взгляд Кельсера, Лютадель – резиденция Вседержителя – представляла собой мрачное зрелище. Большинство зданий было сооружено из каменных блоков, богатые крыли свои дома черепицей, а все остальные – простыми деревянными плашками. Строения стояли вплотную друг к другу, из-за чего казались приземистыми, хотя большинство из них насчитывало не менее трех этажей.

Многоквартирные дома и магазины выглядели одинаково: столица была не тем местом, где кто-либо хотел привлекать к себе внимание. Если, конечно, он не был представителем высшей знати.

По городу было разбросано около дюжины монолитных крепостей. Сложной архитектуры, с рядами бойниц для лучников и копейщиков, они-то и служили домами настоящей аристократии. На самом деле это было знаком отличия: любая семья, которая могла позволить себе построить крепость и поддерживать определенный уровень жизни, считалась Великим Домом.

Большинство открытых площадей в городе находилось как раз вокруг крепостей. Пятна свободного пространства среди плотной застройки походили на поляны в лесу, а сами крепости напоминали одинокие горы, возвышавшиеся над прочим ландшафтом. Черные горы. Как и весь город, крепости почернели за те бесчисленные годы, что с неба сыпались зола и пепел.

Каждое строение в Лютадели – а в сущности, вообще каждое строение из тех, что приходилось видеть Кельсеру, – почернело в той или иной мере. Даже городская стена, на которой сейчас стоял Кельсер, была черной от сажи. Здания в основном почернели сверху, где собирался пепел, но дожди и ночные туманы разносили пятна по поперечным балкам, карнизам и вниз по стенам. Как краска, стекающая по холсту, тьма, казалось, ползла по стенам домов.

И улицы, разумеется, были совершенно черными. Кельсер стоял, выжидая, изучая взглядом город, а на улице под ним тем временем трудилась группа скаа, убирая недавно нанесенные холмики золы. Они увезут золу к реке Каннерал, что протекает через город, и вода унесет пепел, который иначе грозит постепенно похоронить под собой город. Иной раз Кельсер пытался понять, почему, собственно, вся империя до сих пор не превратилась в огромную кучу золы? Он предполагал, что пепел и зола, наверное, постепенно уходят в почву. Но все равно поддержание городов и полей в нормальном состоянии требовало невероятных усилий.

К счастью, для этого дела всегда хватало скаа. Рабочие на улице были одеты в простые куртки и штаны, перепачканные пеплом, рваные. Как и те, кто трудился на плантации, куда забрел Кельсер несколько недель назад, они двигались медленно, вяло. Другие группы скаа шли мимо них на звон далеких колоколов, собиравших всех к началу утренней работы в кузницах или на фабриках. Главной статьей экспорта Лютадели был металл, в городе жили сотни кузнецов и плавильщиков. Однако, кроме того, река позволяла поставить на ней множество мельниц – и для помола зерна, и для производства текстиля.

Скаа продолжали трудиться. Кельсер отвернулся от них и посмотрел вдаль, в сторону центра столицы, где возвышался дворец Вседержителя, похожий на огромное насекомое со множеством шипов. Кредикская Роща, Холм Тысячи Шпилей. Дворец в несколько раз превосходил размерами любую из крепостей знатных семей и был, безусловно, самым большим сооружением в городе.

Пока Кельсер стоял, созерцая город, опять начался пеплопад. Легкие хлопья оседали на улицах и домах.

«Слишком много в последнее время сыплется этой золы, – подумал Кельсер, радуясь поводу натянуть на голову капюшон плаща. – Должно быть, Пепельные горы не дремлют».

Едва ли кто-нибудь в Лютадели мог узнать его – три года прошло с тех пор, как его схватили. И все же капюшон на голове придавал ему уверенности. Если все пойдет хорошо, то настанет момент, когда Кельсер сам захочет, чтобы его узнали. А пока лучше сохранять анонимность.

Наконец на стене появилась вторая фигура. Этот человек, Доксон, был ниже Кельсера, а его широкое лицо вполне соответствовало крепкому сложению. Неопределенного оттенка коричневый капюшон прикрывал черные волосы, и он по-прежнему носил такую же небольшую бородку, как и двадцать лет назад, когда на его лице впервые начала пробиваться растительность.

Он, как и Кельсер, был одет на манер знатного человека: яркий жилет, темный сюртук и штаны, и еще тонкий плащ, укрывающий от золы и пепла. Одежда не выглядела очень дорогой, но ее покрой означал принадлежность к среднему классу Лютадели. Большинство людей, знатных по рождению, не обладало достаточным богатством, чтобы считаться частью одного из Великих Домов, но в Последней империи знатность измерялась не деньгами. Это был вопрос истории рода. Бессмертный Вседержитель до сих пор не забыл тех, кто поддерживал его в первые годы властвования. И потомки тех людей, как бы они ни обеднели, всегда пользовались уважением.

Такая одежда помогала обходить патрули и избавляла от множества вопросов. Конечно, в случае Кельсера и Доксона она была фальшивкой. Ни один из них не считался знатным человеком, хотя, вообще-то, Кельсер был полукровкой. Однако во многих отношениях полукровкам приходилось хуже, чем обычным скаа.

Доксон остановился рядом с Кельсером и оперся о парапет, опустив на камни крепкие руки.

– Ты опоздал на несколько дней, Кел.

– Я решил сделать несколько остановок на северных плантациях.

– А, – сказал Доксон, – так, значит, это ты позаботился о смерти лорда Трестинга.

Кельсер улыбнулся:

– Можно и так сказать.

– Его убийство встревожило местную знать.

– Еще бы, – ответил Кельсер. – Хотя, если честно, я не планировал ничего подобного.

Случайность, если можно так выразиться.

Доксон вскинул брови:

– Как ты мог «случайно» убить лорда в его собственном особняке?

– Просто воткнул нож ему в грудь, – беспечно пояснил Кельсер. – Или точнее, парочку ножей... чтобы наверняка, – (Доксон при этих словах закатил глаза.) – Его смерть – не такая уж большая потеря, Докс, – улыбнулся Кельсер. – Трестинг даже среди вельмож считался слишком жестоким.

– Трестинг меня не интересует, – сказал Доксон. – Я просто прикидываю, не приступ ли безумия заставил меня согласиться на новое дело с твоим участием. Нападать на лорда в его особняке, в присутствии стражи... Нет, честно, Кел, я почти забыл, каким ты можешь быть безрассудным.

– Безрассудным? – со смехом повторил Кельсер. – Это не безрассудство... это просто небольшое развлечение. Ты просто не знаешь кое-чего из того, что я предполагаю сделать.

Доксон пару мгновений молчал, потом тоже расхохотался.

– Ох, Вседержитель... как же хорошо, что ты вернулся, Кел! Боюсь, что я жутко скучал последние годы.

– Мы это исправим, – пообещал Кельсер.

Он глубоко вздохнул, глядя на оседающие хлопья пепла. Скаа-уборщики уже вернулись к работе на улице внизу, сметая темную золу. По стене прошагали патрульные, кивнув Кельсеру и Доксону. Пришлось подождать, пока стража удалится.

– Я рад, что вернулся, – сказал наконец Кельсер. – Что-то родное для меня есть в Лютадели... хотя этот город и не похож на живой. Ты уже подготовил встречу?

Доксон кивнул:

– Мы все равно не могли начать раньше сегодняшнего вечера. А как ты проник внутрь, кстати? Я поставил своих людей у ворот.

– Хм... Ну, я просто прокрался в город ночью.

– Но как?.. – Доксон умолк на полуслове. – Ох, ладно. Пора уже привыкнуть.

Кельсер пожал плечами:

– А что такое? Ты же постоянно работаешь с туманщиками.

– Ну да, только не в этом дело, – ответил Доксон.

Он вскинул руку, предлагая закрыть тему.

– Не важно, Кел. Я просто сказал, что мне пора привыкнуть.

– Хорошо. Кто придет сегодня?

– Ну, Бриз и Хэм будут, конечно. Они просто сгорают от любопытства по поводу этого загадочного дела. К тому же они жутко раздражены: я ни слова не сказал им о том, чем ты занимался в последние годы.

– Отлично, – улыбнулся Кельсер. – Пусть гадают. А что насчет Капкана?

Доксон покачал головой:

– Капкан мертв. Братство поймало его пару месяцев назад. Они даже не потрудились отправить его в Ямы... просто отрубили голову прямо там, на месте.

Кельсер прикрыл глаза и осторожно вздохнул. Похоже, Стальное братство переловит их всех поочередно. Иногда Кельсеру казалось, что в жизни скаа-полукровок, туманщиков, главным является не выжить, а выбрать подходящее время для смерти.

– Значит, мы остались без курильщика, – сказал наконец Кельсер, открывая глаза. – Можешь кого-нибудь предложить?

– Кирпич, – сказал Доксон.

Кельсер покачал головой:

– Нет. Он хороший курильщик, но не слишком хороший человек.

Доксон улыбнулся:

– Недостаточно хороший, чтобы войти в команду воров... Кел, я действительно соскучился по работе с тобой. Ладно, кто тогда?

Кельсер немного подумал.

– Колченог до сих пор работает в той лавочке?

– Да, насколько я знаю, – медленно произнес Доксон.

– Он считался одним из лучших курильщиков в городе.

– Наверное, – согласился Доксон. – Но... разве не говорят, что с ним трудновато работать?

– Он не так уж плох, – сказал Кельсер. – Особенно когда привыкнешь к нему. Кроме того, я думаю, он должен... легко согласиться на эту работу.

– Хорошо. – Доксон пожал плечами. – Я его приглашу. Кажется, один из его родственников – ищейка. Хочешь, чтобы я и его позвал?

– Почему нет? – сказал Доксон. – Ну и кроме того, остается еще Йеден. Предположим, он заинтересуется...

– Он будет здесь, – сказал Кельсер.

– Да уж, лучше ему быть, – кивнул Доксон. – В конце концов, именно он платит.

Кельсер кивнул, потом нахмурился:

– Ты не упомянул о Марше.

Доксон опять пожал плечами:

– Я тебя предупреждал. Твой брат никогда не одобрял наших методов, и теперь... ну ты ведь знаешь его. Он вообще больше не желает иметь дел с Йеденом и бунтовщиками, не говоря уже о банде преступников вроде нас. Думаю, нужно найти кого-нибудь еще, чтобы проникнуть в тыл к поручителям.

– Нет, – проговорил Кельсер. – Он это сделает. Мне только нужно убедить его.

– Как скажешь.

Доксон замолчал, и двое мужчин какое-то время стояли рядом, перегнувшись через парапет и глядя на засыпанный пеплом город.

Наконец Доксон тряхнул головой:

– Это ведь безумие?

– Зато как весело! – улыбнулся Кельсер.

– Веселее не бывает, – кивнул Доксон.

– Это будет дело, каких еще не видели, – сказал Кельсер, глядя на причудливое сооружение в центре города.

Доксон отошел от парапета.

– У нас есть еще несколько часов до собрания. Я хочу тебе кое-что показать. Думаю, времени хватит... если поспешим.

Кельсер обернулся и бросил на Доксона удивленный взгляд.

– Ну, я, вообще-то, собирался разобраться с моим капризным братом. Но...

– Это стоит того, чтобы потратить время, – пообещал Доксон.

* * *

Вин сидела в углу главного помещения тайного дома. Она держалась в тени, как обычно: чем реже она попадалась на глаза другим, тем меньше на нее обращали внимания. Она не могла позволить себе расходовать удачу на то, чтобы избегать мужских прикосновений. Она только успела восстановить потраченное несколько дней назад во время встречи с поручителем.

За столами собралось, как обычно, множество народа: кто-то играл в кости, кто-то обсуждал разные мелкие дела. Дым из десятков разнообразных трубок клубился под потолком, а стены потемнели после бесчисленных лет не слишком бережного обращения. Пол был черным от въевшейся золы и пепла. Как и большинство воровских шаяк, команда Камона не славилась аккуратностью.

В конце комнаты находилась дверь, а за ней скрывалась винтовая каменная лестница, выводившая к фальшивому дождевому стоку в переулке. Это помещение, как и многие другие, скрытые в имперской столице Лютадели, считалось несуществующим.

Громкий смех донесся с той стороны комнаты, где вместе с полудюжиной доверенных друзей сидел за столом Камон, наслаждавшийся обычным послеобеденным пивом и грубыми шутками. Стол Камона стоял поблизости от бара, набитого страшно дорогим спиртным, – это был еще один простой способ, которым Камон эксплуатировал тех, кто на него работал. Криминальный мир Лютадели усвоил многие уроки, преподанные ему знатью.

Вин изо всех сил старалась оставаться невидимой. Шесть месяцев назад она и представить не могла, насколько ухудшится ее жизнь без Рина. Ведь, несмотря на то что брат то и дело взрывался гневом, он все равно защищал Вин от других членов шайки. В воровских сообще-

ствах было относительно мало женщин, и, как правило, те, кто втягивался в жизнь дна, становились проститутками. Рин постоянно твердил сестре, что девушке необходимо быть сильной – сильнее мужчин, – если она хочет выжить.

«Ты думаешь, хоть один главарь захочет иметь в своей команде обузу вроде тебя? – говорил Рин. – Даже я не хочу с тобой работать, а я ведь твой брат!»

В спине Вин еще пульсировала боль: Камон высек ее накануне. Кровь окончательно испортила рубашку, но Вин не могла купить себе новую. Камон удерживал ее жалование за долги, оставленные Рином.

«Но я сильная», – думала Вин.

Во всем этом крылась определенная ирония. Побои уже почти не причиняли ей боли, потому что постоянные наказания Рина сделали Вин нечувствительной, и в то же время благодаря брату Вин научилась выглядеть несчастной и сломленной. И в определенном смысле битье шло ей только на пользу. Синяки и шишки рассасывались, но каждый удар закалял Вин. Делал ее сильнее.

Камон встал. Он сунул руку в карман жилета и достал золотые часы. Кивнув одному из приятелей, он оглядел комнату, отыскивая... ее.

Его глаза остановились на Вин.

– Время пришло.

Вин нахмурилась: «Время для чего?»

* * *

Кантон финансов внушал уважение, – впрочем, в Стальном братстве все производило впечатление.

Высокое здание, сложенное из крупных каменных блоков. Фасад его украшало большое круглое окно, стекло которого снаружи казалось темным. Рядом с окном на стене были укреплены два больших флага, и сквозь сажу на красной ткани проступали хвалы Вседержителю.

Камон окинул здание изучающим взглядом. Вин ощутила его опасения. Кантон финансов был едва ли не самым опасным подразделением братства, хотя, конечно, кантон инквизиции и даже ортодоксальный кантон имели куда более зловещую репутацию. Однако добровольно войти в любое подразделение братства... отдать себя во власть поручителей... на такое можно решиться только после серьезных раздумий.

Камон глубоко вздохнул и пошел вперед, при каждом шаге постукивая по булыжникам дуэльной тростью. Он был одет в костюм вельможи, и его сопровождало с полдюжины членов шайки – включая Вин, – изображавших его слуг.

Вин следом за Камоном поднялась по ступеням, потом подождала, пока один из воров поспешит открыть дверь перед «хозяином». Из шестерых сопровождающих только Вин, похоже, ничего не знала о планах Камона. Но ей показалось подозрительным то, что нигде не видно Ферона, предполагаемого партнера Камона в этой афере.

Вин вошла в здание кантона. Пульсирующий свет, красный с проблесками голубого, лился сквозь круглое окно. Одиноким поручитель с татуировками среднего ранга сидел за столом в конце просторного холла.

Камон подошел к нему, на ходу постукивая тростью по ковру.

– Я – лорд Джедуи, – сообщил он.

«Что ты творишь, Камон?! – подумала Вин. – Ты ведь говорил Ферону, что тебе совершенно незачем встречаться с преланом Лэйрдом в его кантоне. И тем не менее ты здесь!»

Поручитель кивнул, делая какую-то пометку в лежавшей перед ним книге. Потом махнул рукой, указывая в сторону:

– Вы можете взять с собой одного сопровождающего и пройти в палату ожидающих. Другие должны остаться здесь.

Камон презрительно фыркнул, давая понять, что думает о таком запрете. Однако поручитель даже не поднял глаз от книги учета. Камон немного постоял на месте, и Вин не сказала бы, действительно ли он разгневан, или это просто игра, часть роли негодующего лорда. Наконец Камон ткнул пальцем в сторону Вин.

– Пошли, – сказал он, поворачиваясь и ленивым шагом направляясь к указанной двери.

Комната за ней оказалась поистине роскошной, и в ней находилось несколько вельмож, ожидавших приема. Камон выбрал для себя кресло и опустился в него, потом ткнул пальцем в сторону стола, на котором стояли вино и пирожные, политые красной глазурью. Вин послушно принесла ему бокал вина и тарелку еды, не обращая внимания на терзавший ее голод.

Камон принялся жадно есть пирожные, причмокивая губами.

«Он нервничает. Нервничает куда сильнее, чем раньше».

– Как только мы туда войдем, ты должна молчать, – пробормотал Камон с набитым ртом.

– Ты предаешь Ферона, – прошептала Вин.

Камон кивнул.

– Но почему, зачем?

План Ферона был сложным по исполнению, но простым по замыслу. Каждый год братство вызывало свежее испеченных поручителей с северных тренировочных площадок на юг, в Лютадель, для получения окончательных инструкций. Однако Ферон выяснил, что служащие и их сопровождающие обычно везут с собой огромные суммы денег – замаскированные под обычный багаж, – чтобы сдать их на хранение в Лютадели.

Разбойные нападения в Последней империи представлялись весьма затруднительными, потому что вдоль всех водных маршрутов по каналу и реке постоянно курсировали патрули. Но если бы кто-то контролировал именно те суда, на которых плыли служители братства, грабеж стал бы вполне осуществимым. Просто нужно было выбрать подходящий момент... а потом стража вдруг напала бы на пассажиров... и ловкач получил бы огромную прибыль, а вину свалил бы на разбойников.

– У Ферона слабая команда, – тихо ответил Камон. – И он слишком потратился на эту затею.

– Но он же отомстит... – начала было Вин.

– Этого не случится, если я сейчас урву что смогу, а потом исчезну, – с улыбкой сказал Камон. – Я уговорю поручителя выдать мне аванс – для приведения моих судов в порядок – и тут же сбегу, и пусть Ферон сам разбирается, когда братство обнаружит, что все это было просто мошенничеством.

Вин отступила на шаг, ошарашенная. Подготовка дела наверняка стоила Ферону тысяч и тысяч мер... и если сделка сорвется, он погибнет. А поскольку его тут же начнет преследовать братство, у него даже не будет времени, чтобы отомстить. Камон может в один момент получить неплохие деньги, а заодно избавиться от одного из своих наиболее сильных конкурентов.

«Ферон был просто дураком, когда решил привлечь Камона к этому делу», – подумала Вин.

Но ведь Ферон обещал Камону весьма неплохое вознаграждение. Наверное, он рассчитывал, что жадность заставит Камона вести себя честно, пока Ферон не провернет свою авантюру. Камон просто действовал быстрее, чем кто-либо другой, даже быстрее, чем могла ожидать Вин. Откуда Ферону было знать, что Камон предпочтет сорвать сделку, вместо того чтобы ждать, когда можно будет наконец-то ограбить целый караван судов?

Желудок Вин судорожно сжался.

«Это просто очередное предательство, – с отвращением подумала она. – Почему же это так меня тревожит? Все и всегда предавали друг друга. Такова жизнь...»

Ей хотелось найти какой-нибудь уголок – тесный и тихий – и забиться в него. Остаться одной.

«Все будут предавать тебя. Все».

Но сбежать было некуда. Вскоре вошел младший поручитель и вызвал лорда Джедуи. Вин следом за Камоном направилась в приемный зал.

Человек, сидевший за столом, не был преланом Лэйрдом.

Камон помедлил в дверях. Комната была обставлена сурово, в ней находился только один стол, а пол застилал простой серый ковер. Каменные стены ничто не украшало, единственное окно было шириной едва ли в ладонь. Поручитель, ждавший их, имел вокруг глаз самые затейливые татуировки, какие только видела в своей жизни Вин. Она даже не поняла, какой именно ранг они обозначают, но запутанные темные линии распространялись до ушей и по всему лбу поручителя.

– Лорд Джедуи, – сказал странный поручитель.

Как и Лэйрд, он был одет в серое, но притом ничуть не напоминал тех строгих чиновников, с какими Камон имел дело прежде. Этот был подтянут, чисто выбрит, а треугольное лицо придавало ему вид хищника.

– Мне почему-то казалось, что я должен встретиться с преланом Лэйрдом, – осторожно произнес Камон, все еще не проходя в комнату.

– Прелана Лэйрда вызвали по другим делам. Я – высший прелан Аррьев, и я возглавляю тот Совет, который рассматривал ваше предложение. Вам представилась редкая возможность обратиться лично ко мне. Обычно я не слушаю просителей, но отсутствие Лэйрда вынудило меня взять на себя часть его работы.

Вин инстинктивно напряглась.

«Мы должны уйти отсюда. Сейчас же».

Камон надолго застыл на месте, и Вин видела, как он соображает. Сбежать прямо сейчас? Или все же рискнуть ради большого куша? Вин не интересовалась прибылями, она просто хотела жить. Однако Камон не стал бы главарем воровской шайки, если бы не умел рисковать. Он медленно шагнул вперед и сел напротив поручителя, настороженно глядя на него.

– Ну что ж, высший прелан Аррьев, – негромко заговорил он, – я полагаю, что если уж меня пригласили сюда, то Совет рассмотрел мое предложение?

– Разумеется, мы его рассмотрели, – ответил поручитель. – Хотя должен признать, некоторые из членов Совета считают, что опасно иметь дело с семьей, столь близкой к экономическому краху. Братство, как правило, проводит финансовые операции только наверняка.

– Да, понимаю.

– Но, – продолжил Аррьев, – в Совете есть и те, кто с интересом отнесся к выгодам вашего предложения.

– И к какой части Совета относитесь вы, ваша милость?

– Я пока что не решил. – Поручитель наклонился вперед. – Именно поэтому я и сказал, что вам представилась редкая возможность. Убедите меня, лорд Джедуи, и получите свой контракт.

– Наверняка прелан Лэйрд уже изложил вам вкратце суть моего предложения, – сказал Камон.

– Да, но я предпочел бы услышать доказательства от вас лично. Ну, давайте.

Вин нахмурилась. Она осталась в дальнем конце комнаты, рядом с дверью, все еще наполовину убежденная, что ей следует удрать.

– Ну? – повторил Аррьев.

– Мы нуждаемся в этом контракте, ваша милость, – заговорил Камон. – Без него мы не сможем продолжать нашу судоходную деятельность. Ваш контракт дал бы нам время, необхо-

димый период стабильности – и шанс привести в порядок свои караваны, пока мы ищем другие контракты.

Аррьев мгновение-другое внимательно изучал взглядом Камона.

– Уверен, вы способны на большее, лорд Джедуи. Лэйрд говорил, вы умеете убеждать... так позвольте и мне услышать доказательства того, что вы заслуживаете нашего покровительства.

Вин настроила свою удачу. Она может заставить Аррьева стать более доверчивым... но что-то ее остановило. Она почуяла неладное.

– Но это наилучший для вас выбор, ваша милость, – сказал Камон. – Вы боитесь, что мой Дом слишком пострадал от финансовых неудач? Даже если так, что теряете вы? В худшем случае вам придется найти другого перевозчика. Но если вашего покровительства будет достаточно, чтобы восстановить положение моего Дома, тогда вы получите долгосрочный и очень выгодный контракт.

– Да, понимаю, – небрежно бросил Аррьев. – Но почему именно братство? Почему вы не обратились куда-нибудь еще? Уверен, вы могли бы найти с кем заключить сделку... с какими-то дельцами, которые ухватились бы за выгодное предложение.

Камон нахмурился:

– Тут дело не в деньгах, ваша милость, а в том, чтобы победить обстоятельства... приобрести уверенность... а именно ее мы получим, если у нас будет контракт с братством. Если вы доверяете нам, то и другие тоже поверят. Я просто нуждаюсь в вашей поддержке.

Камон уже вспотел. Возможно, он пожалел о том, что начал игру. Неужели за этой странной встречей стоит Ферон?

Поручитель молча ждал. Он мог уничтожить их обоих, Вин это знала. Если бы он только заподозрил, что его пытаются обмануть, то сразу отправил бы их в кантон инквизиции. Многие знатные люди входили в здание этого кантона – и уже не выходили обратно.

Стиснув зубы, Вин осторожно потянулась и прикоснулась удачей к поручителю, успокаивая его подозрения.

Аррьев улыбнулся.

– Ладно, вы меня убедили, – неожиданно заявил он.

Камон испустил вздох облегчения.

– В вашем последнем письме, – продолжал Аррьев, – говорится, что вы нуждаетесь в трех тысячах мер аванса для замены такелажа и возобновления судоходных операций. Подойдите к писцу в главном холле, чтобы он зарегистрировал эту бумагу и вы могли подать заявку на необходимую сумму.

Поручитель выдернул из стопки толстый официальный лист и поставил в его нижней части печать. Потом протянул бумагу Камону:

– Ваш контракт.

Камон широко улыбнулся.

– Отправляясь в братство, я знал, что поступаю мудро, – сказал он, беря контракт.

Потом встал, уважительно кивнул поручителю и жестом приказал Вин открыть перед ним дверь.

Вин повиновалась.

«Что-то тут не так. Что-то тут здорово не так!»

Она приостановилась, когда Камон проходил мимо нее, и оглянулась на поручителя. Тот все еще улыбался.

Довольный поручитель всегда считался дурным знаком.

Однако никто не остановил их, когда они проходили через зал ожидания, наполненный знатными людьми. Камон зарегистрировал контракт и официально вручил его соответствующему

щему писцу, и все равно не появились солдаты, чтобы арестовать его и Вин. Писец извлек небольшой ящик, наполненный монетами, и с безразличным видом протянул его Камону.

Когда же они наконец вышли из здания кантона, Камон оглядел своих спутников с явным облегчением. Ни тебе сигналов тревоги, ни топота солдатских ног. Они были свободны. Камон успешно надул и братство, и другого воровского главаря.

Похоже, что надул.

* * *

Кельсер сунул в рот еще одно маленькое пирожное с красной глазурью и принялся жевать с довольным видом. Жирный вор и его тощая сопровождающая прошли через комнату ожидания и скрылись за дверью в главный холл. Тот поручитель, что разговаривал с двумя жуликами, остался в своем кабинете, ожидая, видимо, следующего просителя.

– Ну? – спросил Доксон. – Что думаешь?

Кельсер посмотрел на пирожные.

– Они довольно хороши, – сказал он, беря еще одно. – Братство всегда обладало отменным вкусом... ну, они ведь могут позволить себе закуски высшего качества.

Доксон закатил глаза:

– О девочке, Кел!

Кельсер улыбнулся, сгреб в ладонь сразу четыре пирожных и кивнул в сторону двери. В зале ожидания было слишком много народу, чтобы обсуждать столь деликатную тему. Когда они направились к выходу, Кельсер задержался возле поручителя-секретаря, сидевшего в углу, и сообщил, что им придется прийти в следующий раз.

Потом они пересекли холл у входа, пройдя мимо воровского главаря, говорившего с писцом. Кельсер вышел на улицу, натянул на голову капюшон, защищаясь от по-прежнему сыпавшегося пепла, и сразу же пересек улицу. Он остановился рядом с переулком, там, откуда они с Доксоном могли наблюдать за выходом из здания кантона.

Кельсер с удовольствием ел печенье.

– А как ты вообще о ней узнал? – спросил он, жуя.

– От твоего брата, – ответил Доксон. – Камон несколько месяцев назад пытался надуть его и привел с собой эту девочку. Вообще-то, маленький талисман Камона уже обретает скромную известность в определенных кругах. Я до сих пор не уверен, что он знает, что она такое. Ты ведь в курсе, какими суеверными нынче стали воры.

Кельсер кивнул, отряхивая ладони:

– А откуда ты знал, что она сегодня будет здесь?

Доксон пожал плечами:

– Несколько мелких взяток. Я следил за девочкой с тех пор, как Марш показал ее мне. И я хотел дать тебе возможность самому увидеть ее за работой.

На другой стороне улицы распахнулась дверь здания кантона, и появился Камон, окруженный толпой «слуг». Маленькая, коротко стриженная девушка тоже шла вместе с ними. Ее вид заставил Кельсера нахмуриться. Она явно сильно нервничала, она даже подпрыгнула, когда кто-то рядом сделал слишком резкое движение. На правой стороне ее лица все еще бледнел почти сошедший синяк.

Кельсер оглядел самоуверенного Камона.

«Я просто обязан сотворить с ним нечто особенное», – подумал Кельсер.

– Бедняжка, – пробормотал Доксон.

Кельсер усмехнулся:

– Ну, скоро она от него избавится. Просто чудо, что ее до сих пор никто не обнаружил.

– Значит, твой брат прав?

Кельсер кивнул:

– Она в любом случае туманчик, а если Марш утверждает, что она представляет собой нечто большее, я склонен ему верить. Я только немного удивлен, что она решилась применить алломантию к члену братства, да еще прямо в здании кантона. Полагаю, она не осознает своей силы, даже когда ее использует.

– Разве это реально? – спросил Доксон.

– Да, – ответил Кельсер. – В воде попадаются малюсенькие частички металлов, которые можно поджигать, хоть силы в них всего ничего. И это, кстати, одна из причин, почему Все-держитель построил свою столицу именно здесь, – тут очень много металлов в почве. Я бы сказал...

Кельсер умолк на полуслове и слегка нахмурился. Что-то было не так. Он посмотрел вслед Камону и его команде. Они все еще виднелись вдали, как раз переходили улицу, удаляясь в южном направлении.

В дверях кантона появилась фигура. Уверенного вида человек имел вокруг глаз татуировки высшего прелана кантона финансов. Возможно, именно с ним недавно встречался Камон. Поручитель вышел из здания в сопровождении второго мужчины.

Доксон внезапно вздрогнул и застыл.

Второй человек был высок и крепко сложен. Когда он повернулся, Кельсер заметил металлические стержни, торчавшие из глаз мужчины. Толщиной ровно в ширину зрачка, эти похожие на гвозди металлические прутья были настолько длинны, что их острые концы на дюйм торчали сзади из бритой головы мужчины. Плоские наконечники сверкали спереди, как два серебряных диска, – там, где полагалось быть глазам.

Это был Стальной инквизитор.

– А этот что здесь делает? – спросил Доксон.

– Стой спокойно, – быстро произнес Кельсер, стараясь не двигаться с места.

Инквизитор посмотрел на них. Его металлические глаза сначала изучили Кельсера и лишь потом обернулись вслед уходящему Камону и девушке. Как все инквизиторы, он имел замысловатые татуировки вокруг глаз – в основном черные, с одной яркой красной линией, – и они означали, что он обладает весьма высоким чином в кантоне инквизиции.

– Он не за нами, – сказал Кельсер. – Я ничего не воспламенял... он примет нас за парочку аристократов.

– Девушка, – выдохнул Доксон.

Кельсер кивнул:

– Ты говоришь, Камон давно затеял авантюру с братством? Ну, значит, девушку заметил кто-то из поручителей. Они обучены распознавать алломантические вмешательства.

Доксон задумчиво нахмурился. На другой стороне улицы инквизитор о чем-то совещался с поручителем, потом они вместе повернулись и направились в ту сторону, куда ушел Камон. Они явно не спешили.

– Должно быть, они приставили к ним хвост, – предположил Доксон.

– Это братство, – напомнил Кельсер. – Значит, там по меньшей мере два хвоста.

– Да, – согласился Доксон. – И Камон приведет их прямоком к своему логову. Десятки людей погибнут. Они, конечно, не самые достойные граждане, но...

– Они на свой лад тоже борются с Последней империей, – сказал Кельсер. – Кроме того, я не позволю вероятной рожденной туманом ускользнуть от нас... Я хочу поговорить с девочкой. Ты разберешься с хвостами?

– Я говорил, что веду скучную жизнь, Кел, – ответил Доксон. – Но форму не потерял. С парочкой шпигов братства я уж точно справлюсь.

– Хорошо.

Кельсер сунул руку в карман плаща и достал маленький флакон. Там в спиртовом растворе плавали крошечные чешуйки разных металлов. Железо, сталь, олово, пьютер, медь, бронза, цинк и латунь – все восемь основных алломантических металлов. Кельсер вытащил пробку из флакона и одним глотком осушил его.

Спрятав в карман опустевший пузырек, он вытер губы.

– Я разберусь с инквизитором.

Доксон глянул на него с опаской:

– Ты попытаешься его схватить?

Кельсер отрицательно качнул головой:

– Слишком опасно. Просто отвлеку его. Ну а теперь вперед... мы ведь не хотим, чтобы шпики нашли тайный дом.

Доксон кивнул.

– Встретимся потом на пятнадцатом перекрестке, – сказал он, прежде чем нырнуть в переулок и исчезнуть за углом.

Кельсер мысленно сосчитал до десяти, давая другу время, а потом поджег металлы. Его тело наполнилось силой, чистотой и мощью.

Кельсер улыбнулся. Потом, отдельно разжигая цинк, он выбросил силу вперед и решительно вцепился в эмоции инквизитора. Тварь застыла на месте, потом развернулась назад, лицом к зданию кантона.

«Что ж, давай мы с тобой устроим погоню», – подумал Кельсер.

3

Мы прибыли в Террис в начале этой недели, и, надо сказать, местность тут прекрасная. Величественные горы на севере – со снежными вершинами и лесистыми склонами – высятся, словно боги-хранители, над зеленой плодородной землей. Мои родные края на юге в основном плоские, равнинные. Думаю, они могли бы выглядеть не такими унылыми, если бы их разнообразили несколько холмов.

Здесь живут в основном скотоводы, хотя попадаются и лесорубы, и фермеры. И все равно это край пастухов. И кажется очень странным, что именно эти столь откровенно земледельческие места могли породить пророчества и божественных сущностей, от которых теперь зависит весь мир.

Камон пересчитал монеты, по одной опуская золотые меры в небольшой ящичек, стоявший на столе. Он все еще выглядел ошеломленным – но, впрочем, это было вполне естественно. Три тысячи мер представляли собой огромную сумму – куда большую, чем Камон мог заработать даже в самый удачный год. Его ближайшие помощники сидели за столом рядом с ним, эль – и хохот – лились рекой.

Вин забилась в свой угол, пытаясь понять, в чем причина ее страха. Три тысячи мер. Братство ни за что не должно было отдать такую большую сумму. Прелан Аррьев выглядел слишком умным, чтобы можно было так легко одурачить его.

Камон опустил в ящичек еще одну монету. Вин никак не могла разобраться, то ли он от большой глупости выставляет напоказ свое богатство, то ли от большого ума. Все шайки дна соблюдали строгое правило: каждый получал долю добычи в соответствии со своим положением. И хотя у иных возникало время от времени желание убить главаря и захватить его деньги, тем не менее удачливый главарь мог обеспечить добычей всех. Убей его – и лишишься будущих доходов... не говоря уж о том, что на тебя обрушится ярость остальных членов шайки.

И все же три тысячи мер... они могли соблазнить даже самого осторожного вора. И вообще все было неправильно.

«Я должна выбраться отсюда, – думала Вин. – Сбежать от Камона, из этой берлоги, на случай если что-то произойдет».

И... куда она пойдет? Одна? Вин до сих пор никогда не оставалась одна, рядом всегда был Рин. Это он вел ее из города в город, и они присоединялись к разным воровским шайкам. Да, Вин любила уединение. Но мысль о том, чтобы оказаться в одиночестве в столице, ужасала ее. Именно поэтому она никогда не пыталась убежать от Рина; именно поэтому она оставалась с Камоном.

Она не могла уйти. Но она должна была это сделать. Вин смотрела из угла, изучая взглядом комнату. В их шайке было не слишком много людей, к которым она испытывала привязанность. И все же нашлась бы парочка тех, кому ей не хотелось бы причинить вред, случись поручителям действительно заинтересоваться их командой. Несколько мужчин, никогда не пытавшихся оскорбить ее или даже – что, конечно, редкость – по-своему проявлявших к ней доброту.

Улеф стоял во главе этого списка. Он не был ей другом, но он стал Вин ближе всех после того, как Рин сбежал. Если бы он пошел с ней, она бы, по крайней мере, не осталась одна. Вин осторожно встала и направилась туда, где Улеф пил пиво вместе с другими молодыми ворами.

Она потянула Улефа за рукав. Улеф обернулся: он был еще почти не пьян.

– Вин?

– Улеф, – прошептала она, – нам надо уйти.

Он нахмурился:

– Уйти? Куда?

– Просто уйти, – сказала Вин. – Отсюда.

– Сейчас?

Вин настойчиво кивнула.

Улеф оглянулся на своих приятелей: те хихикали, бросая многозначительные взгляды на Вин и Улефа.

Улеф вспыхнул:

– Ты хочешь, чтобы мы куда-то пошли, только ты и я?

– Я не о том, – сказала Вин. – Просто... ну мне необходимо уйти из берлоги. А я не хочу оставаться одна.

Улеф сердито наклонился к ней, от него жутко разило пивом.

– Что это значит, Вин? – тихо спросил он.

Вин немного помолчала.

– Я... я думаю, что-то должно случиться, Улеф, – прошептала она наконец. – Что-то связанное с поручителями. Я просто не хочу сейчас находиться в берлоге.

Улеф мгновение-другое сидел неподвижно, глядя на нее.

– Ладно, – сказал он. – И сколько времени это продлится?

– Я не знаю, – ответила Вин. – По меньшей мере до вечера. Но мы должны уйти. Сейчас же!

Улеф неторопливо кивнул.

– Задержись тут на минутку, – шепнула Вин, поворачиваясь.

Она бросила взгляд на Камона, который хохотал над собственной шуткой. Потом она осторожно прошла через перепачканную золой и пеплом прокуренную комнату и скрылась в задней части берлоги.

Жилая часть воровского тайного дома состояла из голого длинного коридора, по обе стороны которого лежали матрасы. Здесь было тесно и неудобно, но все же намного лучше, чем в холодных переулках, где приходилось ночевать Вин в те годы, когда они с Рином путешествовали.

«Может, мне опять придется спать на улице», – подумала Вин.

Но она ведь сумела выжить на улице. Выживет и теперь.

Она подошла к своему тюфяку. Из соседнего помещения доносился приглушенный смех и пьяные выкрики мужчин. Вин опустила на колени, чтобы собрать пожитки. Если что-то случится с шайкой, она уже не вернется в берлогу. Никогда. Но она не может забрать тюфяк прямо сейчас – это был бы слишком откровенный поступок. Так что ей оставалось взять только маленькую коробку, в которой помещалось все ее личное имущество: по камешку из каждого города, где она побывала, сережка, о которой Рин говорил, что она осталась от мамы, и кусочек вулканического стекла размером с крупную монету. Он имел неопределенную форму, и Рин всегда носил его с собой в качестве талисмана. Это была единственная вещь, которую оставил брат, когда сбежал полгода назад. И бросил ее.

«Он всегда говорил, что сделает это, – строго напомнила себе Вин. – Я и не думала, что он действительно уйдет... именно поэтому он просто обязан был так поступить».

Она сжала осколок обсидиана в ладони, а камешки сунула в карман. Серьгу она вдела в ухо. Вещица была совсем простой: маленький гвоздик, не стоящий даже того, чтобы его украсть. Именно поэтому Вин не боялась оставлять сережку в спальном помещении. Но все же Вин редко надевала ее, боясь, что украшение сделает ее более женственной.

Денег у Вин не водилось, но Рин научил ее рыться в отбросах и попрошайничать. И то и другое было довольно сложным делом в Последней империи, особенно в Лютадели, но, если придется, Вин найдет способ выкрутиться.

Вин оставила коробку и матрас на месте и снова выскользнула в главную комнату. Возможно, она напрасно суется, возможно, ничего и не случится с шайкой... Но если все же... ну, если Рин и научил ее чему-то полезному, так это беречь собственную шкуру. Взять с собой Улефа было неплохой идеей. У него есть знакомые в Лютадели. И если что-то произойдет с командой Камона, Улеф, наверное, заберет ее с собой...

Вин застыла в центре главной комнаты. Улефа не было у того стола, где она его оставила. Он стоял около бара. Рядом с... Камоном!

– Это еще что такое? – Камон встал, его лицо стало красным, как солнце.

Оттолкнув табурет, он резко шагнул к Вин. Он уже основательно напился.

– Бежать задумала? Выдать меня братству?

Вин бросилась к двери, ведущей к лестничному колодцу, отчаянно пробираясь между столами и членами команды.

Табурет, запущенный Камоном, ударил ее в спину и сбил на пол. Острая боль вспыхнула между лопаток. Несколько воров восторженно заорали, когда табурет, отскочив от спины Вин, со стуком упал на доски пола.

Вин лежала, плохо соображая. А потом... нечто внутри ее – нечто, о чем она знала, но чего не понимала, – придало ей сил. Головокружение мгновенно прошло, боль превратилась в сосредоточение. Вин неловко поднялась на ноги.

Камон был уже рядом. Он ударил ее по лицу, как только она встала. Голова Вин дернулась от удара, шея изогнулась с такой силой, что от боли Вин едва не упала снова.

Камон наклонился над ней, одной рукой сгреб за рубашку и подтащил к себе, одновременно занося кулак. У Вин не было времени, чтобы думать или говорить. Она могла сделать только одно. И, бешеным усилием собрав всю свою удачу, она швырнула ее в Камона, умиряя его ярость.

Камон пошатнулся. На мгновение его взгляд смягчился, пальцы почти разжались.

Но гнев тут же вернулся в его глаза. Бешеный. Пугающий.

– Будь ты проклята, дрянь! – пробормотал он, хватая Вин за плечи и встряхивая. – Твой поганый братец никогда не уважал меня, и ты такая же! Я был слишком мягок с вами обоими. Мне следовало...

Вин вертелась, пытаясь вырваться, но Камон держал ее крепко. Она в отчаянии оглянулась на других членов шайки, заранее зная, что увидит. Безразличие. Все отвернулись, кое-кто выглядел смущенным, но не сочувствующим. Улеф стоял рядом со столом Камона, и вид у него был слегка виноватый.

Вин показалось, что она слышит звучащий в голове голос. Голос Рина.

«Дура! Безжалостность – самое логичное из чувств. Ты не должна иметь друзей на дне. У тебя никогда не будет друзей на дне!»

Вин опять попыталась вырваться, но Камон ударил ее, сбив с ног. Удар был слишком сильным, Вин не могла вздохнуть.

«Надо терпеть. – (Мысли путались в ее голове.) – Он не убьет меня. Я ему нужна».

Однако когда Вин с трудом перевернулась, то обнаружила, что в комнате как будто потемнело, а Камон навис над ней и его пьяное лицо пылает бешенством. Она поняла, что в этот раз все будет по-другому: простыми побоями дело не кончится. Камон ведь решил, что Вин собралась выдать его братству. И вышел из себя.

В его глазах горела жажда убийства.

«Пожалуйста!» – в отчаянии подумала Вин, нашаривая свою удачу, пытаясь пустить ее в ход.

Но отклика не услышала. Удача, как и следовало ожидать, предала ее.

Камон наклонился, что-то бормоча себе под нос, и схватил Вин за плечо. И тут же размахнулся другой рукой – жирные пальцы сжались в кулак, мускулы напряглись, пот лился по его лицу, и одна капля, соскользнув с подбородка, упала на щеку Вин.

В нескольких футах от них внезапно дрогнула и распахнулась дверь, выводившая в лестничный колодец. Поднятая рука Камона замерла, когда он оглянулся на дверь, желая знать, какой невезучий воришка решил ровно в этот момент вернуться в берлогу.

Вин воспользовалась моментом. Не обратив внимания на вошедшего, она попыталась отползти от Камона, но оказалась слишком слаба. Ее лицо горело от пощечины, на губах Вин ощущала вкус крови. Ее плечо было неловко вывернуто, бок отчаянно болел от удара об пол. Она попробовала оторвать от себя руку Камона, но тут силы окончательно покинули ее, как и удача. Боль вдруг разрослась, став еще более пугающей, более... настойчивой.

Она в отчаянии посмотрела на дверь. Дверь так близко... очень близко! Вин почти удалось сбежать. Еще бы несколько шагов...

И тут она увидела человека, молча стоявшего в дверном проеме. Он был ей незнаком. Высокий, с ястребиным лицом и светлыми волосами, незнакомец был одет в свободный костюм знатного человека с накинутым поверх просторным плащом. Ему было, пожалуй, лет тридцать пять на вид. При нем не было ни шляпы, ни дуэльной трости.

И выглядел он очень-очень разгневанным.

– Это еще что такое? – резко спросил Камон. – Ты кто?

«Как он нашел спуск вниз? – подумала Вин, пытаясь собраться с силами. Боль. Она умеет справляться с болью. – Поручители... может, это они прислали его?»

Незнакомец посмотрел на Вин, и выражение его лица немного смягчилось. Потом он перевел взгляд на Камона – и его глаза потемнели.

Весь гнев Камона мигом растаял, когда он внезапно отлетел назад, как будто его ударило мощным невидимым кулаком. Его рука выпустила плечо Вин, и он грохнулся на пол так, что затрещали доски.

В комнате стало тихо.

«Надо убираться отсюда», – подумала Вин, заставляя себя подняться на колени.

Камон в нескольких футах от нее застонал от боли, и Вин отползла подальше, забившись под свободный стол. В берлоге имелся еще и тайный выход, люк за дальней стеной. Вот если бы доползти туда...

И вдруг Вин ощутила бесконечный покой. Это чувство как будто внезапно упало на нее, заставив ее собственные эмоции умолкнуть, словно их смела чья-то рука. Страх погас, как задутая свеча, и даже боль потеряла значение.

Она замедлила движение, пытаясь понять, из-за чего так переполошилась. Потом встала и замерла, глядя на люк. Дышала она тяжело, и голова у нее слегка кружилась.

«Камон только что пытался убить меня! – вспомнила она. – Кто-то чужой ворвался в берлогу. Я должна бежать!»

Однако ее чувства не сочетались с логикой. Ее охватила... безмятежность. Ей было спокойно. И еще она была весьма удивлена.

Кто-то использовал удачу, и объектом ее приложения стала она, Вин.

Вин каким-то образом это поняла, хотя никогда не ощущала на себе воздействие удачи. Она остановилась возле стола, положив руку на деревянную поверхность, потом медленно обернулась. Незнакомец все еще стоял в дверном проеме и изучающе рассматривал ее. А потом он вдруг улыбнулся обезоруживающей улыбкой.

«Что происходит?»

Чужак наконец шагнул в комнату. Шайка Камона замерла за столами. Все выглядели удивленными, но не особо встревоженными.

«Он их всех окатил удачей. Но... как ему удастся держать под контролем такое количество людей сразу?»

Вин никогда не могла накопить много удачи, ее хватало только на случайные короткие толчки.

Когда незнакомец вошел в комнату, Вин наконец заметила второго человека, стоявшего за его спиной. Этот второй не производил особого впечатления. Он был ниже ростом, с коротко подстриженными прямыми волосами и небольшой темной бородкой. Он тоже носил дворянскую одежду, но не такую нарядную.

Камон на другой стороне комнаты застонал и сел, держась за голову. И посмотрел на вошедших.

– Мастер Доксон! Да уж, это сюрприз!

– Действительно, – согласился тот, что пониже ростом.

Вин сосредоточилась, сообразив, что уже видела его где-то.

«Кантон финансов. Они оба сидели в комнате ожидания, когда мы с Камоном выходили».

Камон наконец поднялся на ноги, не отрывая взгляда от светловолосого незнакомца. Камон посмотрел на руки мужчины, сплошь покрытые странными пересекающимися шрамами.

– Вседержитель!.. – прошептал Камон. – Выживший в Хатсине!

Вин нахмурилась. Обращение было ей незнакомо. Должна ли она знать этого человека? Ушибы и раны все еще болели, несмотря на захлестнувший ее покой, а голова слегка кружилась. Она оперлась о стол, но садиться не стала.

Кем бы ни был светловолосый чужак, Камон явно считал его важной персоной.

– Что ж, мастер Кельсер, – сказал Камон. – Это редкая честь для нас!

Чужак – Кельсер – покачал головой:

– Знаешь, мне не очень-то хочется тебя слушать.

Камон хрюкнул от боли, когда снова полетел на пол. Кельсер при этом и пальцем не пошевелил. Однако Камон валялся на полу, как будто его сбила с ног невидимая сила.

Камон умолк, а Кельсер обвел взглядом комнату:

– Остальные знают, кто я?

Многие из членов шайки кивнули.

– Хорошо. Я пришел в вашу берлогу, потому что вы, друзья, по-крупному задолжали мне.

В комнате стояла абсолютная тишина, если не считать стонов Камона. Наконец кто-то решился заговорить:

– Мы... что-то должны вам, мастер Кельсер?

– Разумеется. Видите ли, мы с мастером Доксоном только что спасли ваши жизни. Ваш недалекий главарь около часа назад вышел из кантона финансов и отправился напрямик сюда. А за ним шло два шпиона братства, а следом за шпионами – прелан высокого ранга и... Стальной инквизитор.

Все молчали, словно онемев.

«Вседержитель!» – мысленно воскликнула Вин.

Она оказалась права... она просто не сумела вовремя сообразить. Если там был один из инквизиторов...

– С инквизитором я управился, – продолжил Кельсер и немного помолчал, давая ворам осмыслить услышанное.

Кто мог так легко сообщить, что «управился» с инквизитором? Об этих существах говорили, что они бессмертны, умеют заглядывать в человеческую душу, а главное, они – непобедимые воины...

– И я требую соответствующей платы за свою услугу, – закончил Кельсер.

Камон на этот раз не встал: он явно сильно ударился и теперь плохо соображал. Все остальные продолжали молчать. Наконец Милев – темнокожий мужчина, ближайший помощник Камона – взял со стола ящик с золотыми мерами и шагнул к Кельсеру, протягивая ему деньги.

– Это то золото, что Камон получил в кантоне, – пояснил Милев. – Три тысячи мер.

«Милев страшно хочет угодить ему, – подумала Вин. – Да, тут нечто большее, чем просто удача... или это такая удача, какой я не умею пользоваться».

Кельсер немного помолчал и взял ящичек.

– Ты кто?

– Милев, мастер Кельсер.

– Хорошо, главарь Милев, я приму плату, если ты еще кое-что для меня сделаешь.

– И что именно? – спросил Милев после небольшой паузы.

Кельсер кивнул в сторону чуть живого Камона:

– Разберись с ним.

– Разумеется, – ответил Милев.

– Я хочу, чтобы он жил, Милев, – пояснил Кельсер, поднимая палец и грозя новому вожаку, – но не хочу, чтобы он наслаждался жизнью.

Милев согласно кивнул.

– Мы заставим его попрошайничать на улице. Вседержитель не одобряет эту профессию... так что Камону нелегко придется в Лютадели.

«Милев все равно избавится от него, как только Кельсер отойдет достаточно далеко».

– Хорошо, – сказал Кельсер, открыл ящичек с монетами и стал отсчитывать золотые меры. – Ты весьма перспективный человек, Милев. Быстро соображаешь и не такой пугливый, как другие.

– Мне уже приходилось иметь дело с туманщиками, мастер Кельсер, – ответил Милев.

Кельсер кивнул.

– Докс, – сказал он, обращаясь к своему спутнику, – где у нас пройдет встреча?

– Я думал, что в лавке Колченога.

– Я не назвал бы это нейтральной территорией, – покачал головой Кельсер. – Особенно если он решил не иметь с нами дел.

– Верно.

Кельсер посмотрел на Милева:

– У меня в этом районе будет одно дельце. И было бы неплохо заручиться поддержкой местных. – Он держал пригоршню монет, примерно сотню мер. – Мы хотим арендовать на вечер твой тайный дом. Можно это устроить?

– Конечно, – ответил Милев, с готовностью принимая деньги.

– Вот и славно, – кивнул Кельсер. – Теперь уходите.

– Уходить? – неуверенно переспросил Милев.

– Ну да. Забирай своих людей, и бывшего главаря не забудь, и уходи. Мне нужно поговорить наедине с госпожой Вин.

В комнате снова повисла напряженная тишина. Похоже, не одну Вин удивило то, что Кельсеру известно ее имя.

– Ну, все слышали? – рявкнул Милев.

Он жестом приказал нескольким громилам подхватить Камона и погнал всех к лестнице. Вин с опаской наблюдала за ними. Этот Кельсер явно обладал властью, а инстинкты твердили ей, что с такими людьми следует держать ухо востро. Знал ли он о ее удаче? Очевидно, да, иначе зачем ему разговаривать с ней наедине?

«Как этот Кельсер намерен меня использовать?» – думала она, потирая ушибленное плечо.

– Кстати, Милев, – небрежно бросил Кельсер, – когда я говорил «наедине», я имел в виду, что за мной не будут шпионить те четверо, что прячутся за дальней стеной. Будь добр, заведи их с собой.

Милев побледнел.

– Слушаюсь, мастер Кельсер.

– Вот и хорошо. В переулке ты найдешь двух мертвых шпионов братства. Ради нас всех – окажи любезность, избавься от трупов.

Милев молча кивнул, поворачиваясь к выходу.

– Да, Милев... – добавил Кельсер. Милев обернулся. – Позаботься, чтобы никто из твоих людей не выдал нас. За твоей шайкой уже присматривает Стальное братство... не наживай себе еще и такого врага, как я.

Милев снова кивнул – резко, коротко – и исчез в лестничном колодце, плотно прикрыв за собой дверь. Несколько мгновений спустя Вин услышала шаги: кто-то выходил из тайной комнаты. Потом все стихло. Она осталась наедине с человеком, который умудрился напугать толпу воров и головорезов.

Вин посмотрела на дверь. Кельсер наблюдал за ней. Что он сделает, если она попытается сбежать?

«Он утверждает, что убил инквизитора, – думала Вин. – И... у него есть удача. Я должна остаться здесь, хотя бы для того, чтобы выяснить, что ему известно».

Улыбка Кельсера стала шире, и он расхохотался.

– Докс, это все слишком смешно!

Второй мужчина, которого Камон называл Доксоном, фыркнул и двинулся в другой конец комнаты. Вин напряглась, но он направлялся не к ней, а к бару.

– Ты и раньше был невыносим, Кел, – сказал Доксон. – Даже не знаю, что делать с твоей новой репутацией. Во всяком случае, не уверен, что смогу держаться подобающим образом.

– Ты просто завидуешь.

– Верно, – согласился Доксон. – Я ужасно завидую твоей способности управляться с мелкими жуликами. Но знаешь, я бы сказал, что ты чересчур жестоко обошелся с Камоном.

Кельсер сел за один из столов. Веселье его быстро угасло.

– Ты же видел, что он делал с девочкой.

– Вообще-то, нет, – сухо ответил Доксон, шаря на полках бара. – Кто-то загородил мне обзор.

Кельсер пожал плечами:

– Посмотри на нее, Докс. Бедняжку избили почти до потери сознания. Так что я не испытываю симпатии к толстяку.

Вин стояла на том же месте, внимательно наблюдая за чужаками. Теперь ее раны снова дали о себе знать пульсирующей болью. Между лопатками, наверное, будет гигантский синяк... да и лицо все еще горело от сильной пощечины. И голова немного кружилась.

Кельсер посмотрел на нее. Вин стиснула зубы. Боль. Она умеет справляться с болью.

– Тебе что-нибудь нужно, детка? – спросил Доксон. – Может, холодную примочку на лицо?

Вин не ответила, сосредоточив все внимание на Кельсере.

«Ну же, давай! Скажи, что тебе нужно. Начни свою игру».

Доксон, не дождавшись ответа, пожал плечами и отвернулся к бару. Через мгновение-другое он извлек пару бутылок.

– Что-то стоящее? – поинтересовался Кельсер, поворачиваясь в его сторону.

– А сам как думаешь? – усмехнулся Доксон. – Вкус у Камона не слишком изысканный, даже среди воров есть ценители получше. Так что это вино... самогон и тот приличнее.

Кельсер вздохнул:

– Ладно, все равно налей мне стаканчик. – Он снова посмотрел на Вин. – Ты хочешь чего-нибудь?

Вин промолчала.

Кельсер улыбнулся:

– Да не беспокойся ты... мы вовсе не такие страшные, как думают твои друзья.

– Вряд ли они ее друзья, Кел, – бросил из-за стойки бара Доксон.

– Верное замечание, – согласился Кельсер. – Ну, это не важно. Тебе незачем нас бояться, детка. Вот разве что Доксон дохнет на тебя...

Доксон закатил глаза:

– Ну да, или Кел возьмется шутить.

Вин стояла все так же неподвижно и молча. Она могла изобразить слабость, даже обморок, как она делала, общаясь с Камоном, но инстинкт подсказывал ей, что этих двоих на мякине не проведешь. Поэтому она просто стояла на месте, пытаясь оценить ситуацию.

Ее снова охватило спокойствие. Ей как будто предлагали расслабиться, проникнуться доверием, сделать то, что ей предложат...

«Нет!»

Она не двинулась с места.

Кельсер вскинул брови.

– Этого я не ожидал.

– Чего? – поинтересовался Доксон, наполняя вином стакан.

– Ничего, – отмахнулся Кельсер, все так же пристально глядя на Вин.

– Ты хочешь выпить или нет, девушка? – спросил Доксон.

Вин опять промолчала. Всю жизнь, сколько Вин себя помнила, она обладала удачей. Удача делала ее сильной, давала превосходство над другими ворами. Но Вин никогда не понимала, что это такое и как ей удастся применять удачу. И теперь логика и инстинкты твердили ей одно и то же: она должна выяснить, что известно чужаку.

Каким бы образом он ни намеревался ее использовать, каковы бы ни были его планы, она обязана все выдержать. Она должна разобраться, как он сумел обрести такую силу.

– Я буду эль, – сказала она наконец.

– Эль? – переспросил Кельсер. – Вот как?

Вин кивнула, осторожно поглядывая на него:

– Да, мне он нравится.

Кельсер почесал подбородок.

– С этим придется поработать, – заявил он. – Ну все равно садись.

Слегка поколебавшись, Вин прошла вперед и села за маленький стол напротив Кельсера. Ее раны болели, но она не собиралась показывать свою слабость. Слабость убивает. Она должна сделать вид, что не замечает боли. Впрочем, когда она села, ее голова почти перестала кружиться.

Мгновение спустя к ним присоединился Доксон; он поставил перед Кельсером стакан вина, а перед девушкой – кружку пива. Но она не стала пить.

– Кто ты такой? – тихо спросила она.

Кельсер приподнял одну бровь:

– А ты, похоже, не любишь ходить вокруг да около?

Вин не ответила.

Кельсер вздохнул:

– А я так старался быть загадочным!

Доксон тихонько фыркнул, и Кельсер улыбнулся:

– Меня зовут Кельсер. Можешь считать меня главарем воровской шайки... только моя команда – это нечто большее. Людям вроде Камона нравится думать, что они – хищники, которые кормятся от знати и разных подразделений братства.

Вин покачала головой:

– Не хищники. Падальщики.

Кто-нибудь мог подумать, что в непосредственной близости от самого Вседержителя любая преступность невозможна. Но Рин давно объяснил ей, что на самом деле все наоборот: вокруг Вседержителя собралась самая влиятельная и богатая знать. А там, где есть власть и богатство, есть и теневой мир, особенно с тех пор, как Вседержитель стал обращаться со знатными людьми совсем иначе, чем со скаа. Видимо, благодаря той привязанности, которую он испытывал к их предкам.

В любом случае воровские шайки вроде той, что возглавлял Камон, были крысами, кормившимися отбросами города. Как и крыс, их не удавалось полностью истребить, особенно в таком огромном и густонаселенном городе, как Лютадель.

– Падальщики, – с улыбкой повторил Кельсер: похоже, он часто улыбался. – Да, подходящее определение, Вин. Ну, мы с Доксом тоже падальщики... только уровнем повыше. Можно сказать, мы другой породы... или более честолюбивы.

Вин нахмурилась:

– Вы знатные люди?

– Вседержитель, нет! – воскликнул Доксон.

– Или по крайней мере, не чистой крови, – уточнил Кельсер.

– Полукровок не существует – так говорят, – осторожно произнесла Вин. – Братство охотится за ними.

Кельсер бросил на нее насмешливый взгляд:

– Полукровок вроде тебя?

Вин как будто ударили.

«Откуда он...»

– Даже Стальное братство совершает ошибки, Вин, – сказал Кельсер. – Если они не заметили тебя, могли не заметить и других.

Вин после паузы задумчиво произнесла:

– Милев. Он назвал тебя туманщиком. Это нечто вроде алломанта?

Доксон посмотрел на Кельсера.

– А она сообразительна, – с одобрением заявил невысокий мужчина.

– Да, в самом деле, – согласился Кельсер. – Милев назвал нас туманщиками, Вин, однако он поспешил одарить нас этим именем. По-настоящему ни Докс, ни я – не туманщики. Однако мы ведем с ними кое-какие дела.

Вин замерла под изучающими взглядами двух мужчин. Алломантия. Таинственная сила, которой обладают знатные люди... ее даровал им Вседержитель около тысячи лет назад в награду за их преданность. Это было основной государственной доктриной, даже скаа вроде Вин прекрасно ее знали. Аристократия обладала алломантией и особыми правами благодаря своим предкам, по той же причине скаа несли вечное наказание.

Но по правде говоря, Вин совершенно не представляла себе, что такое алломантия. Похоже, это имело какое-то отношение к боевым искусствам. Она слышала, что один туманщик, как называют обладающих алломантической силой, способен убить целую воровскую шайку. Впрочем, знакомые скаа рассказывали об этой силе шепотом и с опаской. И до нынешнего момента она не задумывалась о том, что алломантия – это, возможно, то же самое, что ее удача.

– Скажи-ка, Вин, – заговорил Кельсер, с любопытством наклоняясь вперед, – ты сама понимаешь, что сделала с поручителем в кантоне финансов?

– Я использовала свою удачу, – тихо ответила Вин. – Я заставила его немного успокоиться.

– Или стать менее подозрительным, – уточнил Кельсер. – Чтобы его легче было надуть. Вин кивнула.

Кельсер погрозил ей пальцем:

– Тебе следует многому научиться. Но первый урок я дам прямо сейчас. Никогда не используй свою эмоциональную алломантию против поручителей. Они обучены распознавать эту силу, они сразу видят, когда ими пытаются манипулировать. Даже высшей знати запрещено так или иначе воздействовать на чувства поручителей. Это именно из-за тебя поручитель послал за инквизитором.

– И молись, чтобы эта тварь окончательно потеряла твой след, – негромко добавил Доксон, прихлебывая вино.

Вин побледнела.

– Ты ведь убил инквизитора?

Кельсер покачал головой:

– Я просто отвлек его ненадолго... но и это уже достаточно опасно. Не беспокойся так, большинство слухов об инквизиторах – чистая выдумка. И раз уж он потерял тебя, то больше не найдет.

– Скорее всего, – тихо сказал Доксон.

Вин с опаской посмотрела на невысокого мужчину.

– Скорее всего, – согласился Кельсер. – Мы очень многого не знаем об инквизиторах, они, похоже, не подчиняются общим правилам. Эти штыри в глазах, например, должны были бы убить их. И все мои знания об алломантии никак не объясняют, почему они остаются в живых. Да... Если бы за тобой отправили обычного туманщика-ищейку, вообще не стоило бы беспокоиться. Но инквизитор... что ж, тебе придется быть осторожной. Хотя, конечно, это ты умеешь.

Вин нервно поерзала на табурете. Кельсер кивнул на ее кружку с пивом:

– Ты не пьешь.

– Вы могли что-нибудь туда подсыпать, – буркнула Вин.

– О, мне незачем заниматься подобными вещами, – с улыбкой сказал Кельсер, доставая что-то из кармана. – Ты просто сама, добровольно выпьешь вот эту таинственную жидкость.

Он поставил на стол маленький флакончик. Вин, нахмурившись, уставилась на него. В жидкости, на самом дне, осели какие-то темные крупинки.

– Что это? – спросила она.

– Если я скажу, никакой загадки не останется, – ответил Кельсер, посмеиваясь.

– В этом пузырьке, – вздохнув, сообщил Доксон, – спиртовой раствор и металлическая пыль.

– Металлическая? – недоуменно переспросила она.

– Здесь два из восьми основных алломантических металлов, – пояснил Кельсер. – Мы должны провести эксперимент.

Вин продолжала пристально смотреть на флакон. Кельсер пожал плечами.

– Ты выпьешь это, если хочешь побольше узнать о своей удаче.

– Сначала сам половину выпей, – потребовала Вин.

Кельсер вздернул брови:

– Похоже, у тебя паранойя.

Вин промолчала.

Наконец Кельсер, вздохнув, потянулся к флакону. Он вытащил пробку.

– Встряхни сначала, – сказала Вин. – Чтобы тебе досталась часть осадка.

Кельсер поднял глаза к потолку, но послушно встряхнул флакон, влил в себя половину его содержимого и со стуком поставил на стол.

Вин продолжала хмуриться. Потом перевела взгляд на Кельсера: тот улыбался. Он знал, что завоевал девочку. Он продемонстрировал ей свою силу, разбудил в Вин любопытство.

«Подчиняться владеющим силой можно только по одной причине: чтобы однажды научиться тому, что умеют они» – так говорил Рин.

Вин протянула руку, взяла флакон и решительно проглотила жидкость. И замерла, ожидая какого-то магического превращения или прилива сил... или хотя бы признаков отравления. Но ничего не почувствовала.

«Как-то это... скучно», – подумала она, откидываясь на спинку стула, и просто так, из любопытства, потянулась к своей удаче.

И тут же ее глаза изумленно расширились.

Удача была внутри, но она стала похожей на большой слиток золота. Запас силы был огромным, превосходившим понимание Вин. Прежде ей всегда приходилось экономить свою удачу, ограничивать себя, использовать ее по капельке. А теперь Вин ощущала себя как умирающая от голода женщина, внезапно попавшая на пир в знатный дом. Вин выпрямилась, ошеломленная, всматриваясь в огромное богатство внутри себя.

– Ну же, – негромко сказал Кельсер, – испытай ее. Пригаси меня.

Вин осторожно потянулась мыслью внутрь себя, касаясь неожиданно обретенной бездны удачи. Зачерпнув немножко, она бросила удачу в Кельсера.

– Неплохо. – Кельсер нетерпеливо наклонился вперед. – Но мы уже знаем, что ты умеешь это делать. Теперь проведем настоящую проверку, Вин. Способна ли ты проделать нечто другое? Ты можешь смягчить мои чувства, но можешь ли ты разжечь их?

Вин нахмурилась. Она никогда не использовала удачу подобным образом, она даже и не осознавала, что ей это доступно. А почему он так волнуется?..

Преисполнившись подозрения, Вин коснулась своего источника удачи и тут же заметила кое-что интересное. То, что она вначале приняла за один огромный источник силы, оказалось на самом деле двумя источниками. Это были два разных типа удачи.

«Восемь. Он сказал, металлов восемь. Но... что тогда делают остальные?»

Кельсер ждал. Вин потянулась ко второму, незнакомому источнику удачи и так же, как делала прежде, направила удачу на Кельсера.

Улыбка Кельсера растянулась до ушей, он выпрямился и посмотрел на Доксона:

– Вот так! Она это сделала!

Доксон покачал головой:

– Если честно, Кел, я не знаю, что и думать. Мне и одного тебя более чем достаточно. А уж если таких станет двое...

Вин подозрительно посмотрела на него, прищурившись:

– Двое каких?

– Даже среди знатных людей алломантия – редкость, Вин, – заговорил Кельсер. – По правде сказать, это наследственное искусство, и среди знати есть несколько сильных родов. Однако кровь еще не гарантирует обретения алломантической силы. Многие знатные люди владеют только одним из восьми базовых аспектов алломантии. И тех, кто это умеет, называют туманщиками. Иногда сила проявляется в скаа – но только в тех скаа, в которых течет благородная кровь, причем кровь ближайших предков. Один туманщик приходится примерно на... примерно на десять тысяч скаа-полукровок. Чем ближе родственник знатной крови и чем сильнее кровь, тем более вероятно, что скаа родится туманщиком.

– Кем были твои родители, Вин? – спросил Доксон. – Ты их помнишь?

– Меня вырастил мой сводный брат Рин, – смущенно ответила Вин.

Это была не та тема, которую стоило обсуждать с посторонними.

– Он что-нибудь рассказывал о твоих отце и матери? – задал Доксон новый вопрос.

– Так, немножко, – призналась Вин. – Рин говорил, наша мать была шлюхой. Не то чтобы она сама выбрала этот путь, просто в нижнем мире... – Она умолкла, не договорив.

Однажды мать пыталась убить ее, когда Вин была еще совсем маленькой. Вин почти не помнила этого. Ее спас Рин.

– А что насчет отца? – поинтересовался Доксон.

Вин посмотрела ему прямо в глаза:

– Он высший прелан Стального братства.

Кельсер негромко присвистнул.

– Подумать только – такой человек забыл о своем долге. Какая ирония!..

Вин уставилась в стол и наконец протянула руку, взяв свою кружку с пивом и сделав основательный глоток.

Кельсер улыбнулся:

– Большинство высших поручителей братства – очень знатные люди. Твой отец вместе с кровью передал тебе редкий дар.

– Так, значит... я одна из тех туманщиков, о которых ты говорил?

Кельсер отрицательно качнул головой:

– Вообще-то, нет. Как раз поэтому ты нас так и интересуешь. Туманщики обладают только одной алломантической силой. А ты только что доказала, что владеешь двумя. А если у тебя есть по крайней мере две из восьми, то ты можешь открыть в себе и остальные. Так уж устроено: если ты алломант, то ты обладаешь или всего одной силой, или получаешь их все. – Кельсер наклонился вперед. – В общем, Вин, ты – из тех, кого обычно называют рожденной туманом. Даже среди знати такие люди чрезвычайно редки. А уж среди скаа... ну, достаточно сказать, что я за всю жизнь видел только одного скаа – рожденного туманом.

В комнате стало намного тише. И намного спокойнее. Вин смотрела на свою кружку, не видя ее. Рожденные туманом. Она слышала разговоры о них, конечно. Легенды.

Кельсер и Доксон сидели молча, не мешая Вин думать. Но вот наконец она заговорила:

– Ну и... что все это значит?

Кельсер улыбнулся:

– Это значит, что ты, Вин, весьма необычная персона. У тебя есть сила, которой позавидуют даже высшие вельможи. И если бы ты родилась аристократкой, эта сила могла бы сделать тебя одной из самых влиятельных и смертельно опасных фигур во всей Последней империи. – Он опять наклонился поближе к Вин. – Но ты не аристократка. Ты не знатная леди, Вин. И ты не обязана играть по их правилам... а это делает тебя еще более могущественной.

4

Очевидно, следующая часть моего путешествия пройдет в высокогорьях Терриса. Говорят, это холодное, безжалостное место – земля, где горы сотворены из льда.

Наши слуги не отправятся в это путешествие. Нам, видимо, придется нанять террисийских носильщиков, чтобы они обо всем позаботились.

– Ты слышал, что он сказал?! Он задумал какое-то дело! – Глаза Улефа сверкали от возбуждения. – Вот интересно, на какой из Великих Домов он задумал напасть?

– Это будет один из самых могущественных, – заявил Дистен, охранник Камона.

У него не было одной кисти, но он обладал самыми зоркими глазами и самым острым слухом во всей шайке.

– Кельсер никогда не опускается до мелочей.

Вин сидела молча, ее кружка с элем – все та же, которую дал ей Кельсер, – стояла перед ней почти полная. Но теперь за ее столом было полно народу: Кельсер позволил ворам вернуться в их дом незадолго до того, как должно было начаться собрание, на котором он хотел присутствовать. Однако Вин предпочла бы остаться в одиночестве. Жизнь с Рином приучила ее к одиночеству, ведь, если кто-то становится слишком близок тебе, у него появляется больше возможностей предать тебя.

И даже после исчезновения Рина Вин предпочитала держаться сама по себе. Она не хотела куда-то бежать, однако не испытывала и потребности сближаться с другими членами воровской шайки. А они в ответ охотно оставляли ее в одиночестве. Положение Вин было сомнительным, и связываться с ней никому особо не хотелось, чтобы заодно с девушкой не попасть в неприятности. Только Улеф делал попытки подружиться с ней.

«Если ты позволишь кому-то подойти слишком близко, то тебе только больнее будет, когда этот человек предаст тебя». Голос Рина как будто шептал эти слова в голове Вин.

Но был ли Улеф ее настоящим другом? Он с такой легкостью предал ее! А остальные члены команды просто приняли как должное и избиение Вин, и ее мгновенное спасение, ни один и словом не обмолвился о том, что все они предали ее и отказались ей помочь. Они всего лишь поступали так, как требовали обстоятельства.

– Выживший в Хатсине давно уже не брался ни за какую работу, – сказал Хармон, старый взломщик с жидкой бородкой. – За последние годы его видели в Лютадели всего несколько раз. И вообще-то, он не соглашался на работу с тех пор, как...

– Так это в первый раз? – пылко перебил его Улеф. – Первый раз после того, как он сбежал из Ям? Тогда это должно быть нечто совершенно особенное!

– Он что-нибудь говорил об этом, Вин? – спросил Дистен. – Вин! – Он помахал перед ней искалеченной рукой, стараясь привлечь внимание.

– А? – встрепенулась Вин, поднимая взгляд.

Она уже слегка привела себя в порядок после побоев Камона, приняв от Доксона носовой платок, чтобы вытереть кровь с лица. Но с синяками, конечно, она ничего поделать не могла. В них все так же пульсировала боль. Вин только надеялась, что у нее ничего не сломано.

– Кельсер, – повторил Дистен. – Он что-нибудь говорил о том, какое дело задумал?

Вин покачала головой и посмотрела на окровавленный носовой платок, лежавший у нее на коленях. Кельсер и Доксон ушли совсем недавно, но обещали вернуться, когда она обдумает их слова. В их словах таился некий скрытый смысл, некое... обещание. Что бы они ни задумали, ее приглашали поучаствовать.

– И вообще, почему он выбрал именно тебя? – спросил Улеф. – Он что-нибудь говорил об этом?

Вот, значит, как они поняли: решили, что Кельсер выбрал ее посредником для общения с шайкой Камона... то есть Милева.

Дно Лютадели делилось на две части. Одну из них составляли воровские шайки вроде той, что собрал Камон. А другую... Другая часть состояла из особенных людей. Это были группы чрезвычайно умелых преступников, или чрезвычайно безрассудных, или же невероятно талантливых. Из алломантов.

Две эти составляющие никогда не смешивались: профессиональные воры предпочитали держаться сами по себе. Однако время от времени группы туманщиков нанимали воровские шайки для каких-нибудь не слишком сложных дел, и тогда они выбирали посредника, который работал с обеими командами. И Улеф решил, что Вин станет именно таким посредником.

Члены шайки заметили наконец, что Вин не хочет отвечать на вопросы, и перешли к другой интересной теме: туманщикам. Об алломантах воры говорили не слишком уверенно, понизив голос, а Вин с неловкостью слушала. Как можно представить, что она имеет отношение к тому, о чем люди говорят с благоговейным страхом? Ее удача... ее алломантия... была чем-то незначительным, чем-то таким, что помогало ей выживать, но все равно очень важным для нее.

«Но такая сила...» – подумала Вин, заглядывая в свои запасы удачи.

– Интересно, чем занимался Кельсер в последние годы? – сказал Улеф.

В начале общего разговора он вроде бы слегка смущался, глядя на Вин, но это быстро прошло. Да, он предал ее, но таково дно. Никаких друзей.

«Однако между Кельсером и Доксоном отношения как будто другие. Они, похоже, доверяют друг другу».

Может, так просто кажется? Или они составляют одну из тех редких шаек, где не принято предавать своих?

Но самым непонятным и тревожащим казалось Вин то, что Кельсер и Доксон были так откровенны с ней. Они как будто хотели доверять Вин, даже принять ее в свой круг, и это после такого короткого знакомства... Вин не верила в их искренность... на дне никто не выжил бы, придерживаясь такой тактики. И все же их дружелюбие привело ее в замешательство.

– Два года, – сказал Хруд, молчаливый плосколицый головорез. – По-видимому, он все это время готовился к делу.

– Ну, это должно быть нечто особенное! – предположил Улеф.

– Расскажите мне о нем, – тихо попросила Вин.

– О Кельсере? – уточнил Дистен.

Вин кивнула.

– А что, на юге о Кельсере ничего не знают?

Вин отрицательно покачала головой.

– Он был главарем лучшей шайки во всей Лютадели, – пояснил Улеф. – Просто легенда, даже среди туманщиков. Он ограбил несколько самых богатых Великих Домов в столице.

– И?... – вопросительно произнесла Вин.

– И кто-то его предал, – негромко сказал Хармон.

«Ну конечно, как же иначе!» – подумала Вин.

– Кельсера схватил сам Вседержитель, – продолжал Улеф. – И отправил его с женой в Ямы Хатсина. Но Кельсер сбежал оттуда. Он сбежал из Ям, Вин! Он единственный, кому это удалось!

– А его жена? – спросила Вин.

Улеф посмотрел на Хармона, но тот покачал головой:

– Ей не удалось.

«Значит, он тоже кого-то потерял. Как же он может все время смеяться? Да еще так искренне?»

– Именно там он заработал свои шрамы, понимаешь? – сказал Дистен. – Ну, на руках. Это из Ям, ему ведь пришлось карабкаться вверх по скалам, по отвесной стене, чтобы сбежать.

Хармон фыркнул:

– Да нет, он их заработал иначе. Он убил инквизитора, когда удирал... оттуда у него и шрамы.

– А я слышал, это следы зубов одного из тех чудищ, что охраняют Ямы, – вставил Улеф. – Кельсер сражался с ним, а потом сунул руки ему в пасть и задушил его изнутри. А руки ободрал о зубы.

Дистен нахмурился:

– Как можно задушить кого-то изнутри?

Улеф пожал плечами:

– Ну, я просто слышал такую историю.

– Он странный человек, – пробормотал Хруд. – Что-то с ним случилось там, в Ямах, что-то дурное. Он ведь прежде не был алломантом, как вы знаете. Когда он попал в Ямы, он был обычным скаа, а теперь... Теперь он наверняка туманщик – и не совсем человек. Он слишком много времени провел в тумане, вот в чем дело. Кое-кто поговаривает, что настоящий Кельсер давно мертв, а то, что носит его личину... короче, это не он.

Хармон покачал головой:

– Это просто сказки, которые так любят скаа на плантациях. Все мы выходим в туман.

– Но не в тот туман, что за городом, – настойчиво произнес Хруд. – Там есть туманные призраки, которые захватывают людей и отбирают у них лица. Это точно!

Хармон закатил глаза.

– Хруд прав в одном, – сказал Дистен. – Кельсер – не человек. Он, может, и не туманный призрак, но уже и не скаа. Я слышал, он проделывает такие вещи, которые могут только они. Те, что выходят ночью. Вы же сами видели, что он сотворил с Камоном.

– Рожденный туманом, – пробормотал Хармон.

«Рожденный туманом». Конечно, Вин слышала это название еще до того, как его обронил Кельсер. Да и кто не слышал? По сравнению со слухами о рожденных туманом байки про инквизиторов и туманщиков казались чистой правдой. Говорили, что рожденные туманом – посланцы тумана как такового, а великой силой их наделил не кто иной, как Вседержитель. Только самые высокопоставленные вельможи были рожденными туманом: они якобы являлись тайными убийцами, служившими Вседержителю, и выходили на улицы лишь по ночам. Рин всегда говорил ей, что это полная чушь, и Вин ему верила.

«Но Кельсер сказал, что я, как и он, одна из них».

Как это могло быть? Она ведь никто, просто дочь проститутки. Никто и ничто.

«Никогда не доверяй человеку, принесшему хорошие новости, – частенько повторял Рин. – Это самый древний и самый легкий способ обмануть кого угодно».

Да, но у нее есть удача. Алломантия. Вин все еще ощущала внутри тот запас, который возник благодаря флакончику Кельсера, и тут же испробовала свои силы на членах воровской шайки. Она обнаружила, что теперь у нее куда больше удачи и что она может воздействовать на людей намного сильнее.

Вин начала понемногу понимать, что ее прежняя цель – просто остаться в живых – уже не так воодушевляет. Она ведь могла сделать куда больше. Прежде она была рабыней Рина; потом – рабыней Камона. И она готова стать рабыней этого Кельсера, если он в итоге приведет ее к свободе.

Милев, сидевший за своим столом, посмотрел на карманные часы и встал:

– Ладно, пора двигать отсюда.

Комнату быстро прибрали, готовя ее к назначенному Кельсером собранию. Вин осталась на месте: Кельсер ясно дал всем понять, что она приглашена на эту встречу. Вин еще какое-то время сидела молча: помещение, на ее взгляд, стало куда более приятным, когда его покинула воровская братия. А немного погодя начали прибывать друзья Кельсера.

Первый, с коротко стриженными волосами, показался Вин здоровенным, как солдат. На нем была свободная рубаша без рукавов, выставлявшая напоказ руки с рельефными мышцами. Да, мускулы его впечатляли, но двигался он при этом плавно и грациозно.

С ним явился человек, одетый как вельможа – в сливового цвета жилет с золотыми пуговицами и черное пальто. Дополняла его облик шляпа с узкими полями и дуэльная трость. Он был старше солдата и слегка полноват. Войдя в комнату, он снял шляпу. Его черные волосы были уложены в безупречную прическу. Мужчины о чем-то говорили между собой, но, войдя в пустую комнату, сразу замолчали.

– А это, должно быть, наш посредник, – сказал наконец мужчина в дорогом костюме. – Кельсер уже здесь, милая?

Он говорил так, словно они с Вин были давними друзьями. И Вин вдруг почувствовала (вопреки собственному желанию), что ей нравится этот хорошо одетый, вежливый человек.

– Нет, – негромко ответила она.

До сих пор свободные штаны и рабочая рубаша вполне ее устраивали, но тут ей неожиданно захотелось иметь одежду получше. Внешний вид незнакомца как бы требовал более официальной обстановки.

– Следовало бы сообразить, что Кел непременно опоздает на встречу, которую сам назначил, – проговорил солдат, усаживаясь за один из столов поближе к центру комнаты.

– Да, действительно, – согласился мужчина в дорогой одежде. – Но полагаю, его опоздание нам не помешает. Я был бы не против что-нибудь выпить...

– Позвольте предложить вам, – быстро сказала Вин, вскакивая.

– Как это мило с твоей стороны, – улыбнулся нарядно одетый человек, садясь рядом с солдатом.

Он закинул ногу на ногу, а трость поставил рядом, опустив ладонь на набалдашник.

Вин приблизилась к бару и стала выбирать бутылку.

– Бриз... – предостерегающе произнес солдат, когда Вин нашла бутылку с самым дорогим из вин Камона и начала разливать его по стаканам.

– А? – недоуменно вскинул брови второй.

Солдат кивнул на Вин.

– Ну ладно, ладно, – со вздохом произнес мужчина в костюме.

Вин замерла, едва не пролив вино, и слегка нахмурилась.

«Что это я делаю?»

– Клянусь, Хэм, – сказал мужчина в костюме, – ты иной раз бываешь ужасным занудой.

– То, что ты способен воздействовать на кого-то, не означает, что именно это тебе и следует делать, Бриз.

Вин, ошеломленная, стояла на месте.

«Он... он бросил в меня удачу».

Когда Кельсер пытался управлять ею, она почувствовала его прикосновение и сумела воспротивиться. Но на этот раз она даже не успела осознать, что делает!

Она, прищурившись, посмотрела на мужчину в дорогом костюме:

– Ты – рожденный туманом.

Мужчина, которого звали Бриз, усмехнулся:

– Это вряд ли. Кельсер единственный скаа – рожденный туманом, другого тебе вряд ли удастся встретить, дорогая... И молись, чтобы никогда в жизни не столкнуться со знатным рожденным туманом. Нет, я обычный скромный туманчик.

– Скромный? – переспросил Хэм.

Бриз пожал плечами.

Вин посмотрела на отчасти наполненный вином стакан.

– Ты потянул за мои чувства. Я хочу сказать... своей алломантией.

– Скорее, я на них надавил, – уточнил Бриз. – Когда за чувства тянут, человек становится менее доверчивым и более решительным. А когда на них слегка давят, сглаживают, это располагает к тебе человека.

– Да какая разница... ты манипулировал мной, – произнесла Вин. – Ты заставил меня предложить тебе выпить.

– Я бы не сказал, что я тебя заставил, – возразил Бриз. – Я просто чуть-чуть изменил твои чувства, повернул их так, чтобы ты сделала то, что мне хотелось.

Хэм почесал подбородок:

– Ну не знаю, Бриз. Вообще-то, вопрос интересный. Воздействуя на ее эмоции, не лишил ли ты ее возможности выбора? Если бы, например, она кого-нибудь убила или что-то украла под твоим влиянием, чье это было бы преступление – твое или ее?

Бриз закатил глаза:

– Это не тема для обсуждения! И ты не должен думать о таких вещах, Хэммонд, это повредит твой мозг! Я лишь слегка приободрил ее, просто сделал это несколько необычным способом.

– Но...

– Я не намерен с тобой спорить, Хэм.

Мускулистый мужчина вздохнул с несчастным видом.

– Так ты дашь мне выпить? – с надеждой в голосе спросил Бриз, глядя на Вин. – Я хочу сказать, ты ведь уже взялась за дело, и тебе в любом случае надо вернуться и сесть где-нибудь...

Вин внимательно прислушалась к своим чувствам. Нет ли в ней неодолимого желания сделать то, о чем он просит? Может, он снова принялся манипулировать ею? Наконец она просто отошла от бара, оставив вино там, где оно стояло.

Бриз вздохнул. Но не встал и не взял выпивку сам.

Вин осторожно подошла к столу, за которым сидели мужчины. Она привыкла прятаться по углам – так, чтобы слышать все разговоры, но в то же время достаточно далеко, чтобы иметь шанс сбежать. Но она не сможет прятаться от этих двоих – во всяком случае, сейчас, пока никого другого в комнате нет. Она выбрала место за соседним столом и осторожно села. Ей нужно было многое узнать; до тех пор пока она ничего не знает, она будет находиться в весьма невыгодном положении в новом для нее мире туманщиков.

Бриз хихикнул:

– Немножко нервничаешь, малышка?

Вин не обратила внимания на его слова.

– Ты, – сказала она, посмотрев на Хэма. – Ты... тоже туманщик?

– Да, – кивнул тот. – Я громила.

Вин смущенно нахмурилась.

– Я поджигаю пьютер, – пояснил Хэм.

Но Вин и теперь ничего не поняла.

– Он может сделать себя намного сильнее, дорогая, – сказал Бриз. – Легко разбросать все вокруг... в основном людей, которые мешают нам заниматься своими делами.

– Ну не все так просто, – сказал Хэм. – Я обеспечиваю безопасность наших дел, поставляю главарю людскую силу и бойцов, когда это необходимо.

– И еще он попытается уморить тебя своей доморощенной философией, как только ему представится возможность, – добавил Бриз.

Хэм покачал головой:

– Если честно, Бриз, я иногда и сам не понимаю, почему я...

Он замолчал, потому что дверь открылась и вошел еще один человек.

Он был одет в тусклое желтовато-коричневое пальто, темно-коричневые брюки и простую белую рубашку. Однако его лицо оказалось куда выразительнее одежды: сплошь в каких-то узлах и шишках, как старое дерево, а в глазах светилось неодобрение и недовольство, какое бывает только во взгляде стариков. Но Вин не смогла бы определить его возраст: с одной стороны, он был достаточно молод, чтобы держаться прямо, не сутулясь, а с другой – достаточно стар, чтобы Бриз, человек средних лет, выглядел рядом с ним молодо.

Вновь прибывший оглядел Вин и остальных, недовольно фыркнул, прошел к столу в другом конце комнаты и сел. Он заметно прихрамывал.

Бриз вздохнул:

– Мне будет не хватать Капкана.

– Нам всем будет его не хватать, – тихо сказал Хэм. – Впрочем, Колченог очень хорош. Я с ним работал раньше.

Бриз внимательно посмотрел на новичка:

– Интересно, а смогу ли я заставить его принести мне выпивку?..

Хэм хихикнул:

– Готов заплатить за зрелище.

Вин поглядела на мужчину, сидевшего в отдалении: тот выглядел абсолютно спокойным и не обращал внимания на нее и остальных.

– А кто он?

– Колченог? – откликнулся Бриз. – Он, моя милая, курильщик. Именно он скрывает нас от глаз инквизиторов.

Вин закусила нижнюю губу, взглядом изучая Колченога и переваривая новые сведения. Мужчина бросил на нее короткий взгляд, и она тут же отвернулась. И сразу заметила, что на нее смотрит Хэм.

– Ты мне нравишься, малышка, – сказал он. – Другие посредники, с которыми я работал, были либо слишком напуганы, чтобы разговаривать с нами, либо злились из-за того, что мы вторглись на их территорию.

– Да, действительно, – согласился Бриз. – Ты не похожа на большинство огрызков. Конечно, ты бы мне понравилась еще больше, если бы все-таки принесла стаканчик вина...

Вин, не обратив на него внимания, уставилась на Хэма:

– Огрызки?..

– Так иные из слишком самоуверенных членов нашего сообщества называют мелких воришек, – пояснил Хэм. – Зовут их огрызками, поскольку обычно вовлекают их в... наименее интересные проекты.

– Тут нет ничего оскорбительного, – добавил Бриз.

– Ох, мне наплевать на оскорбления... – Вин умолкла на полуслове, ощутив неожиданное желание доставить удовольствие хорошо одетому человеку, и уставилась на Бриза. – Прекрати!

– Ну вот, видишь, – сказал Бриз, посмотрев на Хэма, – она ничуть не утратила способности выбирать.

– Ты безнадежен.

«Они считают меня обычным посредником, – подумала Вин. – Значит, Кельсер не рассказывал им обо мне. Но почему?»

Может, момент был неподходящим? Или это слишком важный секрет, чтобы делиться им вот так сразу? Насколько можно доверять этим людям? Но если они считают ее простым «огрызком», почему они так милы с ней?

– Кого еще мы ждем? – спросил Бриз, поглядывая на дверь. – То есть кроме Кела и Докса, я хочу сказать.

– Йедена, – ответил Хэм.

Бриз скривился:

– Ах вот как!..

– Разделяю твои чувства, но могу поспорить, он точно так же относится к нам.

– Я вообще не понимаю, почему его пригласили, – сказал Бриз.

Хэм пожал плечами:

– Очевидно, он играет определенную роль в планах Кела.

– Ну да, его хитроумные планы, – задумчиво протянул Бриз. – Что же это за дело, что это?..

Хэм тряхнул головой:

– Ну, Кел всегда был излишне склонен к театральным эффектам.

– Да уж, действительно.

Через несколько мгновений дверь распахнулась и вошел тот, о ком они говорили, – Йеден. Он оказался весьма скромным с виду человеком, и Вин совершенно не поняла, почему двое других так недовольны, что его пригласили на встречу. Йеден, с вьющимися каштановыми волосами, был одет в простую серую одежду скаа и залатанное, перепачканное золой коричневое пальто рабочего. Он неодобрительно осмотрел комнату, но не выказал и признака открытой враждебности, как Клабс, сидевший в другом конце комнаты и бросавший сердитые взгляды на любого, кто смотрел в его сторону.

«Не слишком большая компания, – подумала Вин. – С Кельсером и Доксоном получается всего шестеро».

Конечно, Хэм говорил, что он руководит группой «громил». Может, на собрание пришли только представители разных шаяк? Главари небольших специализированных групп? Некоторые воровские шайки работали именно так.

Бриз успел три раза посмотреть на карманные часы, прежде чем наконец явился Кельсер. Главарь туманщиков с шумом ворвался в дверь, а следом за ним не спеша вошел Доксон. Хэм сразу встал, широко улыбаясь, и за руку поздоровался с Кельсером. Бриз тоже поднялся, и, хотя его приветствие выглядело более сдержанным, Вин была вынуждена признать, что никогда не видела главаря, которого так радостно встречали бы его люди.

– Ах! – воскликнул Кельсер, глядя в дальнюю часть комнаты. – Колченог и Йеден тоже здесь. Значит, все собрались. Хорошо... я терпеть не могу ждать.

Бриз вопросительно поднял брови, когда они с Хэмом уселись снова, а Доксон занял место за этим же столом.

– Ну и как ты объяснишь свое опоздание?

– Мы с Доксоном навещали моего брата, – сказал Кельсер, направляясь в другой конец комнаты.

Он повернулся и прислонился спиной к стойке бара, внимательно оглядывая всех. Встретившись глазами с Вин, он подмигнул.

– Твоего брата? – переспросил Хэм. – А что, Марш тоже придет?

Кельсер и Доксон переглянулись.

– Не сегодня, – сказал Кельсер. – Но позже он присоединится к нам.

Вин посмотрела на остальных. Вид у них был откровенно недоверчивый.

«Похоже, у Кельсера проблемы с братом?»

Бриз поднял дуэльную трость и ткнул ею в сторону Кельсера.

– Хорошо, Кельсер, ты уже восемь месяцев держишь в тайне, что ты задумал. Мы только и знаем, что это нечто грандиозное, мы знаем, что ты весьма взволнован, и нас уже порядком достала вся эта секретность. Так почему бы тебе наконец не рассказать нам, в чем суть?

Кельсер улыбнулся. Он встал, выпрямившись во весь рост, и широким жестом указал на грязного, простоватого с виду Йедена.

– Господа, позвольте представить вам нашего нового нанимателя.

Это было откровенно шокирующее заявление.

– Он? – изумленно спросил Хэм.

– Он, – с кивком ответил Кельсер.

– А что? – впервые открыл рот Йеден. – Вам не по нраву работать с тем, у кого есть моральные принципы?

– Не в этом дело, дорогой мой, – сказал Бриз, кладя дуэльную трость себе на колени. – Видишь ли... мне почему-то казалось, что тебе не очень-то по нраву такие, как мы.

– Все верно, – ровным спокойным тоном ответил Йеден. – Вы себялюбивы, недисциплинированны, вы плевать хотели на остальных скаа. Вы хорошо одеты, но внутри вы грязны, как пепел.

Хэм фыркнул.

– Я уже догадываюсь, что работа будет иметь огромное значение для улучшения нашего морального облика.

Вин молча наблюдала за происходящим, покусывая нижнюю губу. Йеден явно был простым рабочим-скаа – возможно, из кузницы или с текстильной фабрики. Какое он имеет отношение к миру дна? И... как он собирается заплатить за услуги воровской шайки, в особенности такой непрустой, как команда Кельсера?

Наверное, Кельсер заметил ее смущение, потому что Вин вдруг обнаружила, что он смотрит на нее, пока остальные продолжают говорить.

– Я в недоумении, – сказал Хэм. – Йеден, мы все знаем, как ты относишься к ворам. Так что... почему ты решил нас нанять?

Йеден слегка покраснел.

– Потому что всем известно, как вы умеете работать, – сказал он в конце концов.

Бриз хихикнул:

– Да, понимаю. Как бы плохо ты ни относился к тому, что у нас нет морали, ты волей-неволей вынужден признавать наше искусство. Ну, что же это за работа? Чего хочет от нас скаа-мятежник?

«Скаа-мятежник?» – мысленно повторила изумленная Вин, и для нее тут же все встало на свои места, а непонятные намеки в разговоре сами собой прояснились.

Дно делилось на две части. Большинство его обитателей были ворами-одиночками, ворами из разношерстных шаяк, проститутками и попрошайками, пытавшимися выжить в стороне от основной массы скаа.

Но, кроме них, были еще и мятежники. Люди, выступавшие против Последней империи. Рин всегда называл их дураками, и точно так же относилось к ним большинство и обитателей нижнего мира, и законопослушных скаа, с которыми приходилось встречаться Вин.

Все глаза постепенно обратились к Кельсеру, а он опять прислонился к стойке бара.

– Мятежные скаа, благодаря любезности их лидера Йедена, наняли нас для одного весьма специфического дела.

– Какого? – спросил Хэм. – Грабежа? Убийства?

– Всего понемножку, – ответил Кельсер, – и в то же время ни того ни другого. Господа, мы еще ни разу не сталкивались с подобной работой. Ни одна из воровских шаяк не сталкивалась. Мы поможем Йедену опрокинуть Последнюю империю.

Воцарилось молчание.

– Прошу прощения? – произнес наконец Хэм.

– Ты все правильно расслышал, Хэм, – сказал Кельсер. – Это и есть то, что я задумал, – разрушение Последней империи. Или по крайней мере, центра, который ею управляет. Йеден нанял нас, чтобы мы собрали для него армию и предоставили возможность захватить город.

Хэм откинулся на спинку стула и переглянулся с Бризом. Потом они оба повернулись к Доксону, и тот торжественно кивнул. В комнате довольно долго висела тишина, а потом вдруг Йеден громко расхохотался.

– Мне ни за что не следовало соглашаться на это, – сказал он, качая головой. – Теперь, когда ты произнес все вслух, я понял, как глупо это звучит.

– Поверь, Йеден, – заявил Кельсер. – Эти люди привыкли осуществлять планы, на первый взгляд казавшиеся очень глупыми.

– Может, это и правда, Кел, – заговорил Бриз, – но в данном случае я, пожалуй, соглашусь с нашим вечно недовольным другом. Разгромить Последнюю империю... да мятежные скаа уже тысячу лет пытаются это сделать! Что заставляет тебя думать, будто мы сумеем добиться того, чего не смогли добиться остальные?

Кельсер улыбнулся:

– Мы преуспеем, Бриз, потому что мы дальновидны. А именно дальновидности всегда и не хватало мятежникам.

– Не понял? – негодуя произнес Йеден.

– К несчастью, это правда, – сказал Кельсер. – Мятежники проклинают таких, как мы, за жадность, но при всей их высокой нравственности – к которой, кстати, я отношусь с большим уважением – они так ничего и не добились. Йеден, твои люди скрываются в лесах и горах, рассчитывая, что однажды восстанут и начнут победоносную войну против Последней империи. Но вы же понятия не имеете, как разработать стратегию и претворить ее в жизнь.

Лицо Йедена потемнело.

– А ты понятия не имеешь, о чем говоришь!

– Вот как? – беспечно бросил Кельсер. – Скажи-ка, чего вы, мятежники, достигли за тысячу лет борьбы? Где ваши успехи, где ваши победы? Может, та резня в Тугьере три века назад, когда было уничтожено семь тысяч скаа? А может, я должен считать успехами то, что вы изредка нападаете на речные суда или похищаете мелких чиновников?

Йеден покраснел.

– Это лучшее, что мы можем сделать с имеющимися ресурсами. И нечего винить нас за неудачи... вини остальных скаа. Мы не в состоянии добиться от них даже помощи. Их унижали и избивали целое тысячелетие, в них совсем не осталось силы духа. Только один из тысячи соглашается хотя бы выслушать нас, не говоря уж о том, чтобы к нам присоединиться!

– Успокойся, Йеден, – сказал Кельсер, скидывая руку. – Я вовсе не пытаюсь оскорбить тебя. Мы заодно, помнишь? Ты и пришел ко мне потому, что тебе трудно набрать людей для армии.

– Я все больше и больше сожалею о том, что сделал, вор! – воскликнул Йеден.

– Ну ты ведь уже заплатил нам, – возразил Кельсер. – Так что отступать некуда. Мы снабдим тебя армией, Йеден. Люди, которых ты видишь в этой комнате, – самые искусные, самые умные и самые опытные алломанты в столице. Сам увидишь.

В комнате снова стало тихо. Вин сидела за своим столом, хмуро наблюдая за перепалкой.

«Что за игру ты затеял, Кельсер?»

За его словами о разгроме Последней империи явно что-то скрывалось. И больше всего это походило на то, что он намеревался обмануть мятежных скаа. Но... если ему уже заплатили, зачем продолжать игру?

Кельсер отвернулся от Йедена и посмотрел на Бриза и Хэма.

– Ну, господа, а вы что думаете?

Те переглянулись.

– Видит Вседержитель, я никогда не отказывался от вызова, – наконец произнес Бриз. – Но, Кел, я взываю к твоему разуму. Уверен ли ты, что мы на это способны?

– Абсолютно уверен, – заявил Кельсер. – Все предыдущие попытки свалить Вседержителя потерпели неудачу просто потому, что были неправильно организованы. Мы с вами воры, господа, и превосходные воры. Мы умеем забираться туда, куда забраться невозможно, и обманывать тех, кого прежде не удавалось обмануть. Мы знаем, что если взяться за невообразимую задачу, а потом разделить ее на части, то нетрудно справиться с каждой из частей. Мы знаем, как добиться желаемого. И все это делает нас незаменимыми в предстоящем деле.

Бриз нахмурился:

– И... сколько нам заплатят за то, что мы добьемся невозможного?

– Тридцать тысяч мер, – ответил Йеден. – Половину сейчас, половину – когда вы соберете армию.

– Тридцать тысяч? – недоверчиво повторил Хэм. – За такую гигантскую операцию? Да это даже расходов не покроет! Нам ведь придется шпионить среди знати, собирать слухи, нам понадобится парочка тайных домов, не говоря уж о том, что придется найти место, где можно будет спрятать и обучить целую армию...

– Нет смысла торговаться, вор! – резко перебил его Йеден. – Тридцать тысяч, возможно, и не кажутся большой суммой такому, как ты, но нам понадобилось несколько десятилетий, чтобы собрать ее. Мы не можем заплатить больше, потому что это все, что у нас есть.

– Это благое дело, господа, – заметил Доксон, впервые открыв рот за все время переговоров.

– Ну да, еще бы! – сказал Бриз. – Я, вообще-то, считаю себя достаточно добрым малым. Вот только... как-то все это выглядит... слишком альтруистично. Я уж молчу о том, что это просто глупо.

– Ну, – неторопливо произнес Кельсер, – мы можем получить кое-что еще, кроме платы. Вин вскинула голову, а Бриз улыбнулся.

– Сокровищница Вседержителя, – пояснил Кельсер. – По плану мы снабдим Йедена армией и поможем захватить столицу. И как только он доберется до дворца, он первым делом наложит руку на сокровищницу и воспользуется деньгами для дальнейших действий. Но в центральной части сокровищницы хранится...

– Атиум Вседержителя! – выдохнул Бриз.

Кельсер кивнул:

– По договору с Йеденом мы получим половину запасов атиума, найденных во дворце, как бы велики они ни были.

Атиум. Вин слышала об этом металле, но никогда не видела. Он был чрезвычайно редким, и предполагалось, что использовать его могут только очень знатные люди.

Хэм просиял.

– Ну что ж, – негромко сказал он, – это достаточно большой приз, чтобы поддаться искушению.

– Предполагается, что запасы атиума там огромны, – добавил Кельсер. – Вседержитель продает его очень маленькими кусочками и за каждый берет с вельмож фантастические суммы. Он просто вынужден иметь большой запас атиума, чтобы держать контроль над рынком и быть уверенным: что бы ни случилось, богатства у него достаточно.

– Верно, – кивнул Бриз. – Но уверен ли ты, что хочешь ввязаться в подобную затею вскоре после того... что случилось во время нашей последней попытки проникнуть во дворец?

– На этот раз мы все сделаем по-другому, – ответил Кельсер. – Господа, я буду с вами откровенен. Дело предстоит нелегкое, но мы можем справиться. План весьма прост. Мы найдем способ нейтрализовать гарнизон Лютадели и оставим столицу без блюстителей закона. А потом ввергнем город в хаос.

– У нас уже есть парочка вариантов, как именно это сделать, – сказал Доксон. – Но их мы обсудим позже.

– Да, – согласился Кельсер. – Итак, когда в столице начнутся беспорядки, Йеден со своей армией войдет в Лютадель и захватит дворец, взяв в плен Вседержителя. Пока Йеден будет охранять город и дворец, мы стащим атиум. Половину отдадим ему, а с остальным просто исчезнем. И пусть он сам управляется с тем, что ему досталось.

– Звучит так, будто это малость опасно для тебя, Йеден, – заметил Хэм, поглядывая на вождя мятежников.

Тот передернул плечами:

– Возможно. Но если у нас каким-то чудом получится захватить дворец, мы, во всяком случае, сделаем то, что никогда еще не удавалось мятежным скаа. Для моих людей смысл не в богатстве и даже не в том, чтобы остаться в живых после операции. Смысл в том, чтобы совершить нечто грандиозное, нечто прекрасное, чтобы дать скаа надежду. Но не думаю, что вы способны это понять...

Кельсер бросил на Йедена предостерегающий взгляд, и тот, фыркнув, замолчал и откинулся на спинку стула.

«Он что, воспользовался алломантией?» – с любопытством подумала Вин.

Ей приходилось видеть, как ведут себя наниматели, когда им нужна работа воровской шайки, но тут разворачивалось что-то особенное. Похоже, Йеден целиком находился во власти Кельсера...

Кельсер снова повернулся к Хэму и Бризу.

– Суть не только в том, чтобы продемонстрировать отчаянную храбрость. Если нам удастся украсть атиум, это станет смертельным ударом по финансам Вседержителя. Ему необходимы деньги, которые дает атиум... без них он просто не сможет платить своей армии. И даже если он сам ускользнет от нас... или мы решим напасть на город в его отсутствие, чтобы уменьшить риск, – все равно в финансовом смысле ему придет конец. Он не сумеет заставить солдат воевать с Йеденом. И если все сработает, мы в любом случае получим взбунтовавшуюся столицу, а знать без солдат не сможет противостоять силам мятежников.

– А колоссы? – негромко спросил Хэм.

Кельсер немного помолчал.

– Если он пошлет этих тварей на свою собственную столицу, то те разрушения, которые они устроят, могут оказаться намного опаснее финансовой нестабильности. В суматохе провинциальные лорды обязательно воспользуются случаем и объявят себя королями, а привести их в чувство Вседержителю не удастся без войска. Повстанцы Йедена вполне удержат Лютадель, а мы, друзья мои, станем очень-очень богатыми. У каждого будет все, о чем он только мечтал.

– Ты как будто забыл о Стальном братстве, – резко бросил Колченог, сидевший далеко в стороне и молчавший до сих пор. – Вряд ли инквизиторы позволят нам устроить безумный хаос в их упорядоченном мире.

Кельсер не спеша повернулся в сторону Колченога.

– Мы найдем способ совладать с братством. У меня уже есть наготове несколько вариантов. В любом случае с проблемами такого рода мы должны справиться. Нам придется избавиться от гарнизона Лютадели, ведь, если на улицах будут патрули, у нас ничего не получится. Мы найдем, как устроить беспорядки в городе, и обязательно отыщем возможность устранить с дороги поручителей. И если мы все сделаем правильно, то вынудим Вседержителя отправить в город дворцовую стражу, а может, даже инквизиторов – чтобы те навели порядок. Таким образом сам дворец окажется без прикрытия и у Йедена появится прекрасная возможность нанести удар. А потом будет уже не важно, что случится с братством или гарнизоном... у Вседержителя просто не останется денег, чтобы удержать власть над империей.

– Ну не знаю, Кел, – сказал Бриз, качая головой.

Его легкомыслие как ветром сдуло: он, похоже, всерьез обдумывал план Кельсера.

– Вседержитель откуда-то ведь брал атиум. Что, если он просто привезет новый запас? Хэм согласно кивнул.

– Никто ведь не знает, где находятся рудники, в которых добывают атиум.

– Я бы не сказал, что этого не знает никто, – с улыбкой произнес Кельсер.

Бриз и Хэм быстро переглянулись.

– Тебе известно? – спросил Хэм.

– Конечно, – ответил Кельсер. – Я отработал там целый год.

– Ямы Хатсина? – изумился Хэм.

Кельсер кивнул:

– Именно поэтому Вседержитель так заботится, чтобы оттуда никто не ушел живым: он не может допустить, чтобы его тайна стала широко известна. Это ведь не просто каторга, не просто адская дыра, куда скаа отправляют умирать. Это рудник.

– Ну конечно... – протянул Бриз.

Кельсер выпрямился и подошел к столу, за которым сидели Хэм и Бриз.

– У нас есть шанс, господа. Шанс совершить нечто великое... нечто, чего никогда не совершала ни одна воровская шайка. Мы можем ограбить самого Вседержителя! Но это не все. Ямы чуть не убили меня, но после побега я... стал видеть все несколько иначе. Я вижу скаа, работающих безо всякой надежды на перемены. Я вижу шайки воров, которые пытаются выжить, подбирая объедки со столов аристократов, и вижу, как их, а заодно и других скаа, постоянно убивают. Я вижу, как мятежные скаа пытаются сопротивляться Вседержителю, но ничего не добиваются. Мятежники погибают, потому что их отряды слишком неповоротливы и находятся далеко друг от друга. Каждый раз, когда где-то вспыхивает бунт, Стальное братство уничтожает бунтовщиков. Так не победить Последнюю империю, господа. Но небольшая команда – обладающая особыми умениями и искусствами – имеет надежду. Мы можем действовать, не опасаясь, что нас раскроют. Мы знаем, как ускользнуть от щупальцев Стального братства. Мы понимаем, как мыслит высшая знать и как использовать вельмож в своих интересах. Мы способны на это!

Он остановился перед столом, за которым сидели Бриз и Хэм.

– Не знаю, Кел, – задумчиво сказал Хэм. – Не то чтобы я не понимал, что тобою движет, просто... Все это кажется слегка безрассудным.

Кельсер улыбнулся:

– Я знаю. Но ты ведь все равно не откажешься?

Хэм помолчал немного, потом кивнул:

– Ты знаешь, я пойду с тобой, что бы ты ни задумал. Пусть это сумасшествие, но у тебя все планы такие. Вот только... скажи мне: ты серьезно рассуждал насчет того, чтобы свалить Вседержителя?

Кельсер кивнул, и Вин ему почти поверила.

Хэм решительно произнес:

– Ладно. Я с тобой.

– Бриз? – вопросительно произнес Кельсер.

Хорошо одетый вор с сомнением повел плечами:

– Я не знаю, Кел. Это уж как-то слишком, даже для тебя.

– Но ты нам нужен, Бриз, – напомнил Кельсер. – Никто не умеет гасить толпу так, как ты. И если мы хотим собрать армию, нам понадобятся твои алломанты – и твой талант.

– Что ж, тут ты прав, – пробормотал Бриз, – и все-таки...

Кельсер улыбнулся и поставил что-то на стол. Это был стакан, который Вин наполняла для Бриза. Она и не заметила, как Кельсер взял его с барной стойки.

– Посмотри на это как на вызов, Бриз, – сказал Кельсер.

Бриз глянул на стакан, перевел взгляд на Кельсера. И расхохотался, протянув руку к стакану.

– Отлично. Я в деле.

– Это невозможно, – слышался хриплый голос с другого конца комнаты.

Колченог сидел, скрестив руки на груди, и хмуро смотрел на Кельсера.

– Что ты задумал на самом деле, Кельсер?

– Я говорил правду, – ответил тот. – Я задумал украсть атиум Вседержителя и разрушить его империю.

– Ты не можешь этого сделать, – возразил Колченог. – Это чистый идиотизм. Инквизиторы подвешат всех нас на крюках, пропущенных сквозь горло.

– Возможно, – согласился Кельсер. – Но подумай о награде, если мы добьемся успеха. Богатство, власть и страна, где скаа будут жить как люди, а не как рабы.

Колченог громко фыркнул. Он встал, отшвырнув стул так, что тот с грохотом повалился на пол.

– Никакие сокровища не заменят тебе жизни! Вседержитель однажды уже пытался убить тебя – и я вижу, что ты не успокоишься, пока он не добьется своего.

С этими словами старик повернулся и, прихрамывая, вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

В воровской берлоге стало очень тихо.

– Похоже, нам понадобится другой курильщик, – сказал наконец Доксон.

– И ты позволишь ему так просто уйти? – резко спросил Йеден. – Он все знает.

Бриз хихикнул.

– А я-то думал, ты в нашей компании самый высокоморальный человек!

– Мораль не имеет к этому никакого отношения, – огрызнулся Йеден. – Позволять кому-либо такие поступки – просто глупость! Он может в любую минуту навести на нас поручителей!

Вин согласно кивнула, но Кельсер лишь покачал головой.

– Я не сторонник таких методов, Йеден. Я пригласил Колченога на встречу, где изложил некий опасный план, который кое-кто действительно может назвать глупым. И я не намерен подсылать к нему убийц, потому что он счел дело чересчур рискованным. А если ты будешь вытворять такое, очень скоро никто не станет слушать твои предложения.

– Кроме того, – добавил Доксон, – мы не стали бы приглашать на эту встречу кого бы то ни было, если бы сомневались, что нас не предадут.

«Это просто невозможно», – подумала Вин, наморщив лоб.

Должно быть, он блефует, чтобы поддержать боевой дух шайки, – нельзя же быть и впрямь таким доверчивым. В конце концов, разве они сами не говорили о том, что Кельсер несколько лет назад потерпел неудачу... в результате каких-то событий был отправлен в Ямы Хатсина... разве его не предали тогда? Может, на самом деле за Колченогом уже крадутся убийцы, прямо сейчас следят за тем, чтобы он не отправился к властям?..

– Ну хорошо, Йеден, – заговорил Кельсер, возвращаясь к делу. – Они согласны. План у нас есть. Ты остаешься с нами?

– А что, если я скажу «нет», ты вернешь деньги? – поинтересовался Йеден.

Единственным ответом ему был короткий смешок Хэма. Лицо Йедена потемнело, но он лишь покачал головой:

– Если бы у меня были другие варианты...

– Да перестань ты ныть! – сердито бросил Кельсер. – Ты теперь официально член воровской шайки, так что можешь сесть рядом с нами.

Йеден помедлил, потом вздохнул и, подойдя к столу, за которым сидели Бриз, Хэм и Доксон, опустился на стул рядом с продолжавшим стоять Кельсером. Вин все так же оставалась за соседним столом.

Кельсер повернулся и посмотрел на нее:

– А как насчет тебя, Вин?

Она недоуменно уставилась на него.

«Почему он спрашивает? Он ведь уже знает, что завоевал меня. Для меня их дело значения не имеет, если я научусь тому, что умеет он».

Кельсер выжидающе молчал.

– Я с вами, – сказала Вин, решив, что именно это он хочет услышать.

Должно быть, она угадала, потому что Кельсер улыбнулся и кивком указал ей на последний свободный стул.

Вин вздохнула, но подчинилась – встала и пересела за общий стол.

– Что это за дитя? – спросил Йеден.

– Она посредник, – сообщил Бриз.

Кельсер весело вскинул брови:

– Вообще-то, Вин – наш новобранец. Мой брат несколько месяцев назад поймал ее на том, что она гасила его чувства.

– Гасила? – пробормотал Хэм. – Ну, думаю, такие нам всегда пригодятся.

– Но на самом деле, – продолжил Кельсер, – она умеет и разжигать эмоции.

Бриз вытаращил глаза.

– Ты серьезно? – спросил Хэм.

Кельсер кивнул:

– Мы с Доксом проверили ее несколько часов назад.

Бриз хихикнул.

– А я тут уверял ее, что она в жизни не встретит другого рожденного туманом, кроме тебя!

– Второй рожденный туманом в команде, – одобрительно произнес Хэм. – Ну, это в известной мере увеличивает наши шансы.

– Что вы мелете? – злобно бросил Йеден. – Скаа не могут быть рожденными туманом! Я вообще не уверен, что они существуют! Я лично никогда ни одного не видел!

Бриз хмыкнул, опуская руку на плечо Йедена.

– Ты бы лучше не болтал так много, приятель, – предложил он. – Когда ты молчишь, то выглядишь не таким глупым.

Йеден стряхнул руку Бриза, а Хэм расхохотался. Но Вин сидела тихо, съжившись, пытаясь разобраться в том, что говорил Кельсер. Идея украсть запасы атиума выглядела соблазнительной, но захватывать ради этого столицу?.. Неужели эти люди действительно настолько безрассудны?

Кельсер придвинул к столу стул и сел на него верхом, положив локти на спинку.

– Ладно, – сказал он, – команда в сборе. В следующий раз мы проработаем детали, но я хочу, чтобы каждый из вас подумал о предстоящем деле. У меня имеются кое-какие идеи, но свежие мысли не помешают. Нам надо будет обсудить, каким образом мы удалим из города гарнизон и что нужно предпринять для того, чтобы ввергнуть столицу в хаос. Такой хаос, после которого Великие Дома уже не смогут мобилизовать свои силы и остановить армию Йедена.

Все, кроме Йедена, разом кивнули.

– Однако, прежде чем мы завершим сегодняшний разговор, – продолжил Кельсер, – я хотел бы сказать об еще одной части моего плана.

– Еще одной? – со смешком переспросил Бриз. – Тебе мало того, что ты хочешь украсть все состояние Вседержителя и разрушить его империю?

– Именно, – спокойно ответил Кельсер. – Если получится, я намерен убить его самого.

Все умолкли.

– Кельсер, – осторожно заговорил Хэм, – Вседержитель – это осколок вечности. Он – часть самого бога. Ты не можешь его убить. Даже захватить его в плен, скорее всего, нельзя.

Кельсер промолчал, однако в его глазах светилась отчаянная решимость.

«Ну вот, – подумала Вин, – так и есть, он просто сумасшедший».

– У Вседержителя небольшой должок передо мной, – наконец сказал Кельсер. – Он отнял мою Мэйр и чуть не лишил меня рассудка. И должен признаться, что отчасти мой план – это личная месть ему. Мы лишим его власти, дома и богатства. Однако все это будет иметь смысл лишь в том случае, если мы избавимся и от него самого. Возможно, запрем его в собственной башне-тюрьме... в любом случае нам необходимо будет как-то отрезать его от столицы. Однако я думаю, что есть вариант получше. В тех рудниках, куда он отправил меня, со мной кое-что случилось, и во мне пробудилась алломантическая сила. И теперь я намерен ее использовать, чтобы убить его.

Кельсер сунул руку в карман и, достав какой-то предмет, положил его на стол.

– На севере существует одна легенда, – продолжил он. – Она гласит, что Вседержитель не бессмертен... не совсем бессмертен. Говорят, его можно убить, если добыть нужный металл. Одиннадцатый металл. Вот этот.

Все уставились на вещицу, лежавшую на столе. Это была тонкая металлическая пластинка, размером примерно с мизинец Вин, плоская, серебристо-белая.

– Одиннадцатый металл? – неуверенно переспросил Бриз. – Я никогда не слышал такой легенды.

– Вседержитель старается, чтобы она не распространялась широко, – пояснил Кельсер. – Но она существует, только надо уметь слушать и знать, где спрашивать. Теория алломантии говорит нам о десяти металлах: восьми основных и двух высших. Однако есть еще один, неизвестный большинству. Он заключает в себе больше силы, чем все остальные, вместе взятые.

Бриз недоверчиво скривился. Однако Йеден, похоже, заинтересовался.

– И что, этот металл способен каким-то образом убить Вседержителя?

Кельсер кивнул:

– В том-то и заключается его слабость. Стальное братство убеждает нас, что он бессмертен, но даже его можно убить... Его способен убить алломант, который воспламенит вот это.

Хэм протянул руку и взял маленький кусочек металла:

– И где ты это раздобыл?

– На севере, – сказал Кельсер. – В краю у Дальнего Полуострова, там, где люди помнят, как называлось их прежнее королевство до Вознесения Вседержителя.

– И как он работает? – спросил Бриз.

– Точно не знаю пока, – честно ответил Кельсер. – Но намерен выяснить.

Хэм внимательно рассматривал похожий на фарфор металл, вертя его в пальцах.

«Убить Вседержителя?» – в ужасе подумала Вин.

Вседержитель был своего рода природной силой, как ветер или туман. Их нельзя убить. Они на самом деле и не живые. Они просто существуют.

– Ну как бы то ни было, – сказал Кельсер, забирая кусочек металла у Хэма, – вам незачем беспокоиться. Убийство Вседержителя – мое личное дело. Если окажется, что это действительно невозможно, мы постараемся как-нибудь выставить его из столицы, а потом ограбим. Я просто подумал, вам следует знать, что я хочу сделать.

«Я связалась с сумасшедшим», – смиренно подумала Вин.

Но это не имеет значения... если он готов научить ее алломантии.

5

Я даже не понимаю, что я, собственно, должен сделать. Мудрецы Терриса утверждают, что я узнаю о своем долге, когда придет время, но это не слишком утешает.

Бездна должна быть уничтожена, и, видимо, я один могу сделать это. Она и теперь разрушает наш мир. Если я не остановлю ее достаточно быстро, на земле не останется ничего, кроме костей и пыли.

– Ага!

С торжествующим криком Кельсер выскочил из-за стойки бара, и лицо у него было чрезвычайно довольным. В руке вор держал пыльную винную бутылку. Он поставил ее на барную стойку.

Доксон удивленно уставился на бутылку.

– Где ты ее отыскал?

– В потайном ящике, – ответил Кельсер, вытирая с бутылки пыль.

– Я думал, я все нашел, – сказал Доксон.

– Так и есть. Только в одном из них была фальшивая задняя стенка.

Доксон ухмыльнулся:

– Умно, ничего не скажешь.

Кельсер кивнул, откупоривая бутылку, и наполнил три стакана.

– Фокус в том, чтобы не прекращать поиски. Всегда находится еще какой-нибудь секрет. –

Он подхватил все три стакана и подошел к столу, где сидели Вин и Доксон.

Вин осторожно взяла предложенный стакан. Собрание недавно закончилось, Бриз, Хэм и Йеден ушли, обсуждая то, что сказал им Кельсер. Вин чувствовала, что и ей следовало бы уйти, но ей некуда было податься. Однако Доксон и Кельсер, похоже, восприняли то, что она осталась, как само собой разумеющееся.

Кельсер сделал большой глоток рубиновой влаги и улыбнулся:

– Вот это намного лучше!

Доксон согласно кивнул, но Вин пока что не решилась попробовать вино.

– Нам нужно найти другого курильщика, – заметил Доксон.

– Да, – согласился Кельсер. – Но остальные как будто нормально все восприняли.

– Бриз еще не до конца уверен, – сказал Доксон.

– Он не откажется. Бризу нравится, когда ему бросают вызов, а более дерзкого вызова он никогда еще не получал, – усмехнулся Кельсер. – Кроме того, он просто сойдет с ума, если будет знать, что мы взялись за какую-то работу без него.

– И все же он прав, проявляя осторожность. Я и сам немного тревожусь.

Кельсер кивнул, соглашаясь, и Вин тут же нахмурилась.

«Так, значит, они говорили всерьез? Или они продолжают спектакль ради меня?»

Конечно, они выглядели весьма уверенными. Но разрушить Последнюю империю? Да им скорее удастся уничтожить туман или заставить солнце не всходить по утрам!

– Когда вернутся твои друзья? – спросил Доксон.

– Через пару дней. К тому времени нам будет нужен другой курильщик. И еще мне понадобится дополнительное количество атиума.

Доксон вопросительно посмотрел на него:

– Уже?

Кельсер кивнул:

– Я почти все истратил на оплату контракта Ор-Сьера, а последний кусочек израсходовал на плантации Трестинга.

Трестинг. Так звали лорда, убитого в собственном особняке неделю назад.

«Какое отношение имеет к этому Кельсер? И что он говорит насчет атиума?»

Он утверждал, что Вседержитель сохраняет власть над знатью благодаря тому, что владеет монополией на этот металл...

Доксон поскреб бородку:

– Атиум раздобыть не так-то легко, Кел. Чтобы украсть последнюю частицу, понадобилось почти восемь месяцев подготовки.

– Просто тебе пришлось осторожничать, – сказал Кельсер, лукаво улыбаясь.

Доксон с явной опаской уставился на Кельсера. Тот улыбнулся еще шире. Тогда Доксон покачал головой и вздохнул, а потом посмотрел на Вин:

– Ты что-то совсем не пьешь.

Вин пожала плечами. Но Доксон ждал объяснения, и Вин пришлось ответить:

– Я предпочитаю не пить то, что не наливала своими руками.

Кельсер фыркнул:

– Она напоминает мне Вента.

– Вента? – Доксон хихикнул. – Наша подруга безумно недоверчива, но все-таки в своем уме. А Вент был такой дерганный, что мог испугаться собственного сердцебиения, честное слово!

Они оба расхохотались, но Вин почувствовала себя еще более неловко.

«Чего они от меня ждут? Может, я должна стать кем-то вроде подмастерья?»

– Ну ладно, – сказал наконец Доксон. – Ты намерен сообщить мне, как собираешься достать атиум?

Кельсер открыл было рот, чтобы ответить, но тут на лестнице загромыхали чьи-то шаги. Кельсер и Доксон обернулись к двери, а вот Вин заранее позаботилась о том, чтобы сесть правильно, то есть чтобы видеть всю комнату и двери, не делая при этом лишних движений.

Вин ожидала, что войдет кто-нибудь из воров, отправленный выяснить, закончил ли Кельсер свои дела. И была не на шутку удивлена, когда в проеме резко распахнувшейся двери появился сморщенный старик, которого звали Колченогом.

Кельсер улыбался, прищурившись.

«А он не удивился. Доволен, похоже, но не изумлен».

– Колченог, – только и сказал Кельсер.

Колченог остановился в дверях, неодобрительно рассматривая всех троих по очереди. Затем, прихрамывая, он вошел в комнату. За ним следовал тощий неловкий подросток.

Мальчик принес стул для Колченога и поставил его возле стола Кельсера. Колченог уселся, что-то тихо ворча. Наконец он, наморщив нос, внимательно посмотрел на Кельсера.

– Гасильщик ушел?

– Бриз? Да, ушел, – ответил Кельсер.

Колченог фыркнул и взглянул на бутылку с вином.

– Угощайся, – предложил Кельсер.

Колченог махнул рукой мальчику, приказывая принести стакан, и снова повернулся к Кельсеру.

– Мне нужно было убедиться, – сказал он. – Никогда не доверяй себе, если рядом гасильщик... особенно такой, как Бриз.

– Но ты курильщик, Колченог, – возразил Кельсер. – Что он сделает с тобой, если ты не захочешь?

Колченог передернул плечами:

– Мне не нравятся гасильщики. Это не просто алломантия... люди вроде него... Ты не можешь быть уверен, что, если они поблизости, тобой не манипулируют. С медью или без меди.

– Я бы не стал полагаться на подобное, желая добиться твоей верности, – сказал Кельсер.

– Ну, это я уже слышал, – проворчал Колченог, наблюдая, как мальчик наливает вино. – Однако мне нужна уверенность. Я должен поговорить с тобой без Бриза. – Он нахмурился, но почему – Вин не поняла, потом взял стакан и выпил половину одним глотком. – Хорошее вино, – сообщил он, довольно хрюкнув, и взглянул на Кельсера. – Итак, Ямы действительно свели тебя с ума?

– Целиком и полностью, – спокойно ответил Кельсер.

Колченог улыбнулся, но на его лице это выражение выглядело весьма жутко.

– Значит, ты намерен взяться за это? За твою так называемую работу?

Кельсер торжественно кивнул. Колченог допил вино.

– Значит, у тебя есть курильщик. Деньги тут ни при чем. Если ты и впрямь задумал устроить переворот, я в деле.

Кельсер ухмыльнулся.

– И нечего скалить зубы! – рявкнул Колченог. – Терпеть этого не могу!

– Да я бы не посмел.

– Ну что ж, – сказал Доксон, наполняя свой стакан, – проблема курильщика, значит, решена.

– Толку-то, – огрызнулся Колченог. – Все равно у вас ничего не получится. Я всю жизнь потратил на то, что прятал туманщиков от Вседержителя и его поручителей. А он все ловит их и ловит.

– Тогда зачем помогать нам? – спросил Доксон.

– Затем, – ответил Колченог, вставая, – что Вседержитель и до меня доберется рано или поздно. Так я хотя бы смогу плюнуть ему в рожу по пути на тот свет. Разрушить Последнюю империю... – Он усмехнулся. – В этом что-то есть. Пошли, малыш. Нам пора готовить лавку к приходу гостей.

Вин наблюдала, как Колченог дерганой походкой прошел к двери, как мальчик открыл дверь перед ним и захлопнул, выйдя. Потом она посмотрела на Кельсера:

– Ты знал, что он вернется.

Кельсер пожал плечами, встал и потянулся.

– Я надеялся. Люди – рабы своего воображения. А то, что я предлагаю... от такой затеи нелегко отказаться. По крайней мере, если ты стар, тебе скучно и тебя раздражает повседневная жизнь. Ну и ладно. Вин, я полагаю, ваша шайка владеет всем этим зданием?

Вин кивнула:

– Да, магазин наверху – только прикрытие.

– Хорошо.

Достав из кармана часы, Кельсер посмотрел на них и протянул Доксону.

– Скажи своим друзьям, что они могут вернуться, – велел он девушке. – Туман, наверное, уже надвигается.

– А мы? – спросил Доксон.

Кельсер усмехнулся:

– А мы поднимемся на крышу. Я же сказал, мне необходимо еще немного атиума.

* * *

Днем Лютадель казалась черной от золы и пепла и докрасна обожженной солнцем. Линии ее были резко очерчены, масштабы – подавляли.

Однако ночью туман делал все расплывчатым и неопределенным. Крепости Великих Домов превращались в призрачные силуэты, нависавшие над улицами. Сами улицы как будто становились намного уже, и даже проспекты делались безлюдными, опасными переулками. И знатные люди, и воры не решались выходить по ночам – только обладатель поистине храброго

сердца рискнул бы окунуться в эту угрожающую, таинственную тишину. Ночной город был миром отчаявшихся и безумцев, целиком во власти тумана и странных его обитателей.

«Странных вроде меня», – думал Кельсер.

Он стоял у низкого ограждения, опоясывавшего плоскую крышу воровской берлоги. Вокруг высились темные здания, и из-за тумана казалось, что все они движутся, шевелятся. Кое-где из окон сочился слабый свет, но крошечные огоньки выглядели как будто напуганными.

На Кельсера налетали порывы прохладного ветра, шевелившего покровы тумана; ветер, как легкое дыхание, касался щек Кельсера, влажных от осевших капель. В прошлом – задолго до того, как все пошло наперекосяк, – Кельсер всегда по вечерам, перед очередным делом, поднимался на крышу, желая посмотреть на город. И теперь он не осознавал, что вернулся к старой привычке, – пока не бросил взгляд в сторону, ожидая, что рядом окажется Мэйр, как это случалось прежде.

Но он увидел лишь пустоту. Он был один. Вокруг царила тишина. Туман занял место Мэйр. Занял – но не заменил ее.

Кельсер вздохнул и обернулся. Вин и Доксон стояли поодаль. Обоим явно не нравилось находиться в тумане, но они справлялись со своим страхом. В нижнем мире долго не продержишься, если не научишься нырять в туман, терпеть его.

Но Кельсер научился куда большему чем просто «терпеть» туман. Ему в последние годы так часто приходилось плавать в его плотных клубах, что теперь ночью, в объятиях тумана, он стал чувствовать себя спокойнее, чем днем.

– Кел, – негромко сказал Доксон, – тебе действительно необходимо торчать на самом краю? Может, твои планы и безумны, но я не хочу, чтобы они кончились тем, что ты расшибешься вдребезги о мостовую.

Кельсер улыбнулся.

«Он до сих пор не воспринимает меня как рожденного туманом, – подумал он. – Им всем понадобится время, чтобы привыкнуть к этому».

Много лет назад он стал самым прославленным воровским главарем в Лютадели и добился этого, даже не будучи алломантом. Мэйр была ищейкой, но они с Доксоном – всего лишь людьми. Один – полукровка, не обладающий силой, второй – беглый скаа с плантации. И все равно вместе они ставили на колени Великие Дома, дерзко грабя наиболее могущественных людей Последней империи.

А теперь Кельсер стал чем-то неизмеримо большим. Когда-то он лишь мечтал об алломантии, желая обладать такой же силой, как Мэйр. Она умерла до того, как он пробудился. Теперь она не увидит, на что он способен...

Ведь и раньше высшая знать боялась Кельсера. Понадобилась ловушка, расставленная самим Вседержителем, чтобы поймать его. А сейчас... вся Последняя империя содрогнется, прежде чем он покончит с ней.

Он еще раз окинул взглядом столицу, глубоко вдохнув влажный воздух, потом отошел от края крыши и направился к Доксону и Вин. Они не взяли с собой фонарей: слабого света звезд, пробивавшегося сквозь туман, было, как правило, вполне достаточно.

Кельсер снял пальто и жилет, отдал их Доксону и выдернул из-за пояса полы рубашки, чтобы они болтались свободно. Ткань была темной, что позволяло стать практически невидимым ночью.

– Хорошо, – сказал Кельсер. – С кого мне следует начать?

Доксон нахмурился:

– Ты уверен, что действительно хочешь этого?

Кельсер лишь улыбнулся в ответ. Доксон вздохнул:

– Домá Урбейн и Теньерт недавно ограбили, хотя искали не атиум.

– Какой из Домов сейчас самый сильный? – спросил Кельсер, опускаясь на корточки и развязывая мешок, лежавший у ног Диксона. – Кто вообще не ожидает удара?

Доксон немного помолчал.

– Венчер, – сказал он наконец. – Последние несколько лет они на самом верху. Держат постоянную охрану в несколько сотен человек, к тому же у них добрых две дюжины туманщиков.

Кельсер кивнул:

– Отлично, значит, туда я и направлюсь. У них наверняка есть атиум. – Он открыл мешок и достал оттуда темно-серый плащ.

Этот плащ, большой и широкий, не был сшит из одного куска ткани. Наоборот, он состоял из сотен длинных, похожих на ленты полос. Они скреплялись между собой на плечах и груди, а дальше лежали свободно, хотя частично накладывались одна на другую.

Кельсер надел это странное одеяние, завязав у горла. Полосы ткани шевелились, извиваясь, как туман.

Доксон тихонько вздохнул:

– Никогда не видел так близко кого-нибудь в этой одежде.

– А что это? – негромко спросила Вин, и ее голос в тумане прозвучал как шелест.

– Плащ рожденных туманом, – ответил Доксон. – Они все носят такие. Это что-то вроде членского билета в их клубе.

– Его цвет и конструкция предназначены для того, чтобы скрывать человека в тумане, – пояснил Кельсер. – А заодно он предупреждает городских стражников и других рожденных туманом: не беспокойте! – Он резко повернулся вокруг собственной оси, и полосы ткани эффектно взлетели в воздух. – Думаю, мне он к лицу.

Доксон демонстративно прикрыл глаза.

– Хорошо, – сказал Кельсер, наклоняясь и доставая из мешка тканый пояс. – Дом Венчер. Мне следует знать еще что-то?

– Предполагается, что в кабинете лорда Венчера есть сейф, – сообщил Доксон. – Видимо, там он и держит запасы атиума. Кабинет на третьем этаже, через три комнаты от южного балкона. Но будь осторожен, в Доме Венчер, кроме стражи и туманщиков, есть еще около дюжины туманных убийц.

Кельсер кивнул, прилаживая пояс, – на нем не было пряжки, зато были две пары небольших ножен. Достав из мешка стеклянные кинжалы, Кельсер проверил, нет ли зазубрин, и сунул их в ножны. Потом сбросил ботинки и снял носки, оставшись стоять босиком на холодных камнях. Вместе с ботинками он избавился от последней частицы ненужного металла, и теперь у него были только монеты в кошельке и три флакона с металлами на поясе. Он выбрал самый большой из них, выпил содержимое, а пустой флакон протянул Доксону.

– Ну, я пойду? – вопросительно произнес он.

Доксон кивнул:

– Удачи.

Стоявшая рядом Вин с огромным интересом наблюдала за приготовлениями Кельсера. Тот бросил на нее быстрый взгляд. Девушка казалась тихой, застенчивой малышкой, но в ней скрывалась сила, которая поражала даже рожденного туманом. Да, конечно, она немного страдала паранойей, но была не робкого десятка.

«Тебе тоже выпадет шанс, детка, – подумал Кельсер. – Просто не сегодня».

– Ну что ж, – сказал он, доставая из кошелька монету и швыряя ее вниз. – Похоже, мне пора. Увидимся позже в лавке Колченога.

– Конечно.

Кельсер повернулся и пошел к краю крыши. А потом прыгнул с нее.

Туман закружился возле него. Кельсер воспламенил сталь, второй из базовых алломантических металлов. Светящиеся голубые лучи рассекли воздух, но видел этот свет только сам Кельсер. Каждый луч начинался в его груди, рядом с металлом-источником. Линии были неяркими, и это означало, что они указывают на небольшие металлические предметы: дверные петли, гвозди и прочую ерунду. Когда туманчик поджигал сталь или железо, голубые лучи устремлялись к любым металлическим предметам, если те находились достаточно близко и были достаточно велики.

Кельсер выбрал тот луч, что тянулся прямо вниз, к брошенной им монете. Разжигая сталь, он оттолкнулся от монеты.

Его падение тут же остановилось: Кельсера подбросило в воздухе, повлекло прочь от монеты. Он оглянулся по сторонам, выбрал оконную задвижку, мимо которой пролетал, и оттолкнулся от нее, чтобы изменить направление полета. И мягко двинулся через улицу, к зданию, стоявшему напротив воровской берлоги.

Он легко приземлился на крышу, пригнулся и быстро перебежал на противоположную сторону. У края он помедлил, всматриваясь в клубящийся туман. Воспламенив олово, Кельсер почувствовал, как оно ожило в груди, обостряя его ощущения. И сразу туман показался не таким плотным. Это не значило, что ночь стала светлее, просто теперь Кельсер видел и ощущал много лучше. Он даже различал вдали, на севере, большое строение. Крепость Венчер.

Кельсер не стал гасить олово – оно тлело медленно, так что можно было не опасаться, что оно закончится. Пока Кельсер стоял, туман понемногу обволок его тело. Пряди тумана извивались, образуя медленный водоворот возле Кельсера. Туман знал его, туман стремился к нему. Туман чувствовал алломантию.

Кельсер оттолкнулся от металлической каминной трубы позади и отправил тело в длинный прыжок. Одновременно он бросил монету, и крошечный кусочек металла сверкнул в темноте. Он оттолкнулся от монеты до того, как та упала на землю, и от удара она с бешеной силой впечаталась в мостовую. В ту же секунду Кельсер устремился вверх, закончив прыжок длинной дугой.

Он опустился на другую крышу – деревянную, с высоким коньком. Отталкиваться от стали и притягиваться к железу – первое, чему научил его Джемел. «Когда ты отталкиваешься от чего-то, ты как бы бросаешь на этот предмет весь свой вес, – объяснял безумный старик. – А свой вес ты изменить не можешь – ты же алломант, а не какой-нибудь северный мистик. Не притягивайся к чему-то, что весит меньше тебя самого, если, конечно, не хочешь, чтобы эта штука полетела в тебя. И не отталкивайся от того, что намного тяжелее тебя, если не хочешь улететь в противоположном направлении».

Кельсер почесал шрамы и плотнее закутался в плащ. Доски крыши царапали босые ступни. Кельсеру частенько хотелось, чтобы олово обостряло не все ощущения – или, по крайней мере, не все сразу. Ему необходимо было улучшенное зрение, чтобы видеть в темноте, и усиленный слух. Однако из-за тлеющего олова ночь казалась куда более холодной, поскольку и кожа приобрела повышенную чувствительность, а уж босые ноги замечали каждый крошечный камешек, с которым сталкивались, и каждую неровность деревянной крыши.

Перед Кельсером высилась крепость Венчер. Она полыхала на фоне темного города. Высшая знать жила иначе, чем простые люди, она могла позволить себе такую роскошь, как масляные лампы и свечи, и это означало, что жизнь богачей не зависела от милостей природы и погоды.

Крепость с первого взгляда поражала величием. Ее окружала мощная стена, однако само здание походило скорее на произведение искусства, чем на укрепленный замок. Прочные арочные опоры поддерживали конструкцию со всех сторон, а над ними красовались затейливые окна и тонкие шпили. Окна на верхних этажах сверкали цветными стеклами, и сейчас сквозь них лился свет, пестрыми пятнами окрашивавший туман.

Кельсер поджег железо, заставив его как следует разгореться, и стал исследовать пространство в поисках крупных металлических предметов. Он был слишком далеко от крепости, чтобы использовать разные мелочи вроде монет или дверных задвижек. Он нуждался в крупном якоре, чтобы преодолеть оставшееся расстояние.

Большинство голубых линий было слабыми. Кельсер отметил, что две из них движутся, – видимо, они тянулись к паре стражников, топтавшихся на стене. Кельсер чувствовал их латы и оружие. Прекрасно разбираясь в алломантии, большинство знатных людей продолжало одевать свою стражу в металл и вооружать металлом. Туманщики, умеющие отталкиваться от металлов и притягиваться к ним, были редким явлением, не говоря уже о настоящих рожденных туманом. И многие лорды считали неразумным оставлять своих солдат без защиты из-за столь малой части населения.

К тому же высшая знать полагалась на другие средства противодействия алломантам. Кельсер улыбнулся этой мысли. Доксон говорил, что лорд Венчер держит команду туманных убийц; если это правда, Кельсер, скорее всего, столкнется с ними еще до рассвета. Он оставил солдат и сосредоточился на плотном голубом луче, тянувшемся к высокой крыше здания. Кельсер разжег железо, глубоко вздохнул и потянул за этот луч.

И резко взлетел в воздух.

Он продолжал жечь железо, приближаясь к крепости с ужасающей скоростью. Слухи утверждали, что рожденные туманом умеют летать, но на самом деле все было куда проще. Когда туманщик притягивался к металлу или отталкивался от него, это, скорее, напоминало падение... только в другом направлении. Алломанту приходилось тянуться к якору из всех сил, и из-за этого он несся с пугающей быстротой.

Кельсер летел к крепости, а вокруг клубился туман. Он уже без труда различал крепостную стену, но его тело начало понемногу снижаться. Опять его подводил слишком большой вес. Даже самая быстрая из стрел все равно постепенно теряет скорость и падает на землю...

Из-за своего веса Кельсер начал снижаться по дуге, не достигнув крыши. Он приближался к каменной стене, летя на несколько десятков футов ниже, чем нужно, но с той же бешеной скоростью.

Глубоко вздохнув, Кельсер воспламенил пьютер – он увеличивал силы точно так же, как олово обостряло чувства. Он развернулся в воздухе и врезался в каменную стену ногами. Даже его усиленные мышцы противились такому обращению, однако Кельсер остановился, не сломав ни единой косточки. Он сразу же устремился к крыше, швырнув вниз монетку и оттолкнувшись от нее ровно в тот момент, когда уже начал падать. Оглядевшись, он поискал что-нибудь металлическое наверху, нашел свинцовый переплет на витражном окне и потянулся к нему.

Упавшей на землю монетки оказалось достаточно, чтобы компенсировать его немаленький вес. Кельсер сиганул вверх, отталкиваясь от монеты и одновременно подтягиваясь к окну. Потом, погасив оба металла, он несколько последних футов пролетел по инерции сквозь темный туман. Кельсер ухватился за ограждение верхней галереи, перевалился через каменную балюстраду и тихо спрыгнул на крышу.

Меньше чем в трех шагах от него стоял ошеломленный стражник. Кельсер тотчас же прыгнул, потянув за стальную кирасу, и сбил стражника с ног. Выхватив один из стеклянных кинжалов, Кельсер дождался момента, когда железное притяжение сблизило его с противником. Когда его ноги ударили упавшего человека в грудь, присел и перерезал тому горло одним движением, исполненным пьютерной силы.

Стражник дернулся и затих. Кельсер мягко отпрыгнул в сторону, прислушиваясь к звукам ночи и ожидая, что кто-то забьет тревогу. Вокруг стояла тишина.

В горле стражника что-то булькнуло, но Кельсер на него уже не смотрел. Этот человек, похоже, был мелким дворянином. То есть врагом. Если бы на его месте оказался солдат-скаа,

предавший свой народ за несколько монет... тогда Кельсер с еще большим удовольствием отправил бы его в вечность.

Он оттолкнулся от лат умирающего, чтобы перепрыгнуть с открытой галереи на собственную крышу. Бронзовая крыша была холодной, и голые ноги скользили по ее поверхности. Кельсер направился к южной стороне здания, ища балкон, о котором говорил Доксон. Он не слишком беспокоился, что его могут заметить. Да, он пришел выкрасть атиум, десятый и самый могущественный из общеизвестных алломантических металлов. Но его второй целью было устроить побольше шума.

Нужный балкон Кельсер отыскал без труда. Широкий и просторный, он явно предназначался для проведения небольших приемов. Сейчас там никого не было, кроме двух стражей. Кельсер, пригнувшись, подошел к самому краю: плащ делал его почти невидимым. Стражи беспечно болтали прямо под ним.

«Пора немножко пошуметь», – решил Кельсер.

Он спрыгнул на балкон точно между стражниками. Разжигая пьютер, чтобы усилить тело, он оттолкнулся сталью от обоих мужчин. Его сдавило алломантической отдачей, а стражников отбросило в противоположные стороны. Они закричали от испуга, когда непонятная сила внезапно перекинула их через перила балкона прямо в темноту.

Они так и кричали всю дорогу до земли. Кельсер рывком распахнул балконную дверь, позволив туману пробраться внутрь. Усики тумана поползли в темное помещение.

«Третья комната», – мысленно повторил Кельсер и двинулся вперед короткими перебежками.

Вторым помещением оказалась тихая оранжерея. Вдоль нее стояли в низких широких кадках ухоженные кусты и маленькие деревца, а одна стена представляла собой сплошное окно от пола до потолка – через него к растениям проникал солнечный свет. Хотя было темно, Кельсер знал, что эти растения отличаются цветом от привычных коричневых, – они могли быть белыми, красноватыми, а может, и светло-желтыми. То, что выращивалось для знатных людей, всегда представляло собой редкость.

Кельсер быстро миновал оранжерею и остановился перед следующей дверью, заметив под ней полосу света. Он погасил олово, чтобы слишком чувствительные глаза не пострадали от яркого освещения, и распахнул дверь.

Он стремительно вошел, щурясь и сжимая в руках стеклянные кинжалы. Комната оказалась пустой. Это, безусловно, был кабинет: рядом с книжными полками на стенах висели горящие фонари, в углу стоял письменный стол.

Кельсер спрятал ножи, поджег сталь и сосредоточился на поиске металлов. В одном из углов кабинета стоял большой сейф, но он был уж слишком на виду. Другой источник металлической энергии прятался в восточной стене. Кельсер подошел, пробежался пальцами по штукатурке. Как и большинство стен в крепостях знатных людей, эта была украшена фреской в пастельных тонах. На картине не жились под красным солнцем существа из неведомых стран. Фальшивая панель занимала около двух квадратных футов, и ее края были искусно замаскированы живописью.

«Всегда находится какой-нибудь секрет», – подумал Кельсер.

Он не стал ломать голову над тем, как открыть хитроумные запоры. Он просто воспламенил сталь и потянул на себя тот сгусток металла, который, как он полагал, был замком потайного сейфа. Замок сначала сопротивлялся, даже прижал Кельсера к стене, но Кельсер поджег пьютер и дернул посильнее. Замок щелкнул, панель распахнулась, открыв небольшой сейф, встроенный в стену.

Кельсер улыбнулся. Сейф выглядел достаточно маленьким, чтобы его мог унести человек, наполненный силой пьютера, – если, конечно, удастся вытащить его из стены.

Кельсер подпрыгнул, потянув сейф силой стали, и уперся ногами в стену по обе стороны открывшейся ниши. Продолжая тянуть, он заставил пьютер вспыхнуть. Сила хлынула в ноги, и вслед за пьютером зажглась сталь – только так можно было выдернуть сейф из стены.

Он даже закричал от напряжения. Интересно, что сдастся раньше – сейф или его ноги?

Сейф слегка подался. Кельсер потянул так, что мышцы, казалось, вот-вот лопнут. Одно бесконечно долгое мгновение ему чудилось, что ничего не происходит. Потом сейф вздрогнул и выскочил из стены. Кельсер полетел на пол спиной вперед, но успел оттолкнуться от сейфа. Он неуклюже приземлился, обливаясь потом, а сейф с грохотом рухнул на деревянный пол, и во все стороны брызнули мелкие щепки.

В кабинет ворвалось двое испуганных стражников.

– Как раз вовремя, – заметил Кельсер, поднимая руку и силой железа дергая на себя меч одного из солдат.

Меч вырвался из ножен, кувыркнулся и понесся к Кельсеру острием вперед. Кельсер погасил железо, шагнул в сторону и схватил летевший по инерции меч за рукоять.

– Рожденный туманом! – завизжал стражник.

Кельсер улыбнулся и прыгнул вперед.

Стражник выхватил из ножен кинжал – Кельсер тотчас же выдернул его алломантическим рывком, а потом развернулся и отсек голову мужчины от тела. Второй стражник, ругаясь, торопливо расстегивал ремни кирасы.

Завершая замах, Кельсер толкнул свой меч, и тот, вырвавшись из пальцев, со свистом понесся ко второму стражнику, чья кираса упала на пол одновременно с телом его напарника. Мгновением позже меч Кельсера вонзился в теперь ничем не защищенную грудь мужчины. Тот пошатнулся и молча упал.

Кельсер резко отвернулся от трупов – взметнулись ленты плаща. На этот раз гнев разгорелся не слишком жарко, его и сравнить нельзя было с той яростью, что охватила Кельсера в ночь убийства лорда Трестинга. Но он до сих пор ощущал ее отзвуки, он чувствовал, как начинают чесаться шрамы, стоит лишь вспомнить крики женщины, которую он любил. И вообще, с точки зрения Кельсера, каждый, кто поддерживал и защищал Последнюю империю, тем самым терял право на жизнь.

Он воспламенил пьютер, наполняя тело физической мощью, присел на корточки и поднял сейф. Сначала Кельсер пошатнулся под его тяжестью, но тут же восстановил равновесие и медленно пошел назад, к балкону. Может, в сейфе был атиум, может, и нет. В любом случае у Кельсера не было времени разбираться.

Он уже дошел до середины оранжереи, когда услышал позади шаги. Он оглянулся и увидел, что кабинет наполнился людьми. Восемь одетых в свободные серые одеяния мужчин, вооруженных дуэльными тростями и щитами вместо мечей. Туманные убийцы.

Кельсер уронил сейф на пол. Туманные убийцы не владели алломантией, но их специально обучали сражаться с туманщиками и рожденными туманом. В их одежде не было ни грамма металла, и они были готовы к любым трюкам с его стороны.

Кельсер отступил на шаг и с улыбкой расправил плечи. Восемь убийц рассыпались по кабинету, ступая уверенно и тихо.

«Это должно быть интересно».

Туманные убийцы бросились в атаку, парами проникая из кабинета в оранжерею. Кельсер выхватил кинжалы, увернулся от первой атаки и полоснул первого убийцу по груди. Однако тот успел отскочить и замахнулся тростью, вынудив Кельсера отпрыгнуть.

Кельсер разжег пьютер, и сильные ноги позволили ему отпрыгнуть далеко назад. Одной рукой он выхватил из кошелька горсть монет и швырнул в противников, применив силу стали. Металлические диски, сверкая, понеслись вперед, однако враги Кельсера были готовы к этому:

они подняли щиты – и монеты отскочили от дерева, оставив на нем глубокие засечки, но не повредив людям.

Кельсер бросил взгляд на других туманных убийц, вошедших в оранжерею и приближавшихся к нему. Они и не рассчитывали победить в продолжительной схватке, их тактика основывалась на том, чтобы навалиться на него всем вместе и закончить дело побыстрее или, в худшем случае, продержаться до тех пор, пока в битву не вступят алломанты. Кельсер приземлился и посмотрел на сейф.

Он не мог уйти без сейфа. И он должен был завершить бой как можно скорее. Вызвав вспышку пьютера, Кельсер прыгнул вперед, пытаясь достать кинжалом одного из убийц, но не смог пробить защиту противника. И сам едва успел уйти от удара дуэльной тростью по голове.

Трое туманных убийц зашли сзади, отрезав дорогу к балкону.

«Отлично!» – подумал Кельсер, стараясь следить за всеми восемью сразу.

Они приближались к нему с осторожностью, действуя слаженно, как единая команда.

Стиснув зубы, Кельсер снова вызвал вспышку пьютера и заметил, что она вышла тусклой. Пьютер выгорал быстрее других базовых металлов.

«Некогда об этом думать».

Те, что были позади, напали, и Кельсер отпрыгнул в сторону, подтянувшись к сейфу так, чтобы очутиться в центре помещения. Как только его ноги коснулись пола, он сразу оттолкнулся и взлетел в воздух. Поджав под себя ноги, он перескочил через нападавших сзади и оказался рядом с кадкой, в которой росло какое-то дерево. Развернувшись и одновременно усилив горение пьютера, он вскинул руку, чтобы защититься от неизбежного удара.

В руку тут же врезалась дуэльная трость. Боль обожгла, но кость, усиленная пьютером, выдержала. Кельсер без промедления выбросил вперед другую руку и вонзил кинжал в грудь противника.

Тот отшатнулся, застигнутый врасплох, и рукоять кинжала вырвалась у Кельсера из пальцев. Другой убийца бросился в атаку, но Кельсер ушел от удара и сорвал с пояса кошель. Туманный убийца ожидал, что Кельсер ударит его вторым кинжалом, но Кельсер швырнул в его щит мешочек с монетами.

А потом толкнул монеты.

Убийца закричал, могучий стальной удар отбросил его. Кельсер поджег сталь и толкнул снова, так что его самого откинуло назад... и кстати, потому что в этот момент двое других как раз попытались напасть на него. Кельсер врезался спиной в дальнюю стену, но продолжал толкать, направляя врага – вместе со щитом и монетами – к огромному окну оранжереи.

Стекло разлетелось, и на его осколках вспыхнули отблески света. Перекошенное лицо туманного убийцы исчезло в темноте за разбитым окном, и туман – бесшумный и зловещий – пополз в оранжерею.

Однако оставшиеся шестеро продолжали неуклонно наступать, и Кельсер заставил себя не замечать боли в руке, когда ему пришлось согнуться, уходя от двойного удара. Он метнулся в сторону, мимо какого-то маленького деревца, но тут его поджидал третий убийца; удар трости пришелся по ребрам Кельсера.

Его отбросило на одну из кадок. Он споткнулся и рухнул у входа в освещенный кабинет, выронив кинжал. Упал на колени, задыхаясь от боли и схватившись за ушибленный бок. У любого другого после такого удара были бы сломаны все ребра; но даже у Кельсера должен был остаться здоровенный синяк.

Шестеро туманных убийц неуклонно приближались, расходясь веером, чтобы отрезать ему все пути. Кельсер с трудом поднялся на ноги, перед глазами все плыло от боли и напряжения. Стиснув зубы, он достал флакончик с металлами. Залпом осушив флакон, Кельсер снова наполнился силой пьютера, а потом поджег олово. Свет едва не ослепил его, боль в руке и боку ощутимо усилилась, но зато в голове мгновенно прояснилось.

Шестеро туманных убийц двигались синхронно, готовясь к атаке.

Кельсер взмахнул рукой, поджигая железо и оглядываясь в поисках металла. Ближайшим к нему металлическим предметом оказалось тяжелое серебристое пресс-папье на письменном столе в кабинете. Кельсер притянул его и повернулся лицом к приближавшимся убийцам, приняв угрожающую стойку.

– Ну хорошо... – прорычал он.

Внутри его яростно вспыхнула сталь. Прямоугольный слиток металла вырвался из его пальцев и со свистом рассек воздух. Идущий первым вскинул щит, но слишком медленно. Пресс-папье с хрустом ударило его в плечо, и убийца, вскрикнув, упал.

Кельсер увернулся от посоха, отскочив в сторону, и один из убийц оказался между ним и упавшим на пол. Воспламенив железо, он потянул пресс-папье на себя. Оно свистнуло и врезалось в висок второго убийцы. Тот рухнул, а пресс-папье полетело дальше.

Один из оставшихся с проклятиями бросился в атаку. Кельсер оттолкнул летящее пресс-папье, направляя его прочь от себя и от убийцы, который поднял щит. Кельсер услышал, как тяжелый серебряный предмет упал на пол за его спиной, и тут же, разжигая пьютер, перехватил в воздухе занесенную дуэльную трость.

Туманный убийца закричал, тщетно пытаясь вырвать свое оружие из усиленной пьютером руки противника. Но Кельсеру трость была и не нужна; он просто резко потянул на себя пресс-папье, лежавшее позади, а в последний момент развернулся вместе с туманным убийцей, подставив того под удар.

Убийца свалился на пол.

Кельсер снова вызвал вспышку пьютера, готовясь к новому нападению. Тотчас же на его спину обрушилась трость. Кельсер упал на колени, и доски пола треснули под ним, но горящее олово позволило ему не потерять сознания. Боль болью, но его ум был предельно ясен. Он снова рванул на себя пресс-папье, выдернув его из тела умирающего, и отшатнулся в сторону, чтобы не пострадать от собственного импровизированного оружия.

Двое убийц припали к полу. Пресс-папье ударило в один из щитов, но Кельсер не стал нажимать на него, чтобы самому не лишиться равновесия. Вместо этого Кельсер воспламенил железо и опять притянул к себе многострадальное пресс-папье. В очередной раз уклонившись от встречи с ним, он лишь почувствовал, как тяжелое серебро просвистело над головой. А потом с хрустом ударило того, кто подкрадывался к Кельсеру сзади.

Кельсер стремительно развернулся, поджигая железо, а следом за ним сталь, чтобы мощным ударом пресс-папье добить оставшихся двоих. Они шарахнулись в сторону, однако Кельсер отпустил пресс-папье, и оно упало на пол перед ними. Убийцы с тревогой посмотрели на опасную безделушку – и отвлеклись от Кельсера, который тут же прыгнул, силой стали отталкиваясь от серебра и пролетая над головами мужчин. Они выругались, разворачиваясь. А Кельсер, приземлившись, снова дернул пресс-папье, и оно врезалось в затылок одного из туманных убийц.

Тот упал без звука. Пресс-папье несколько раз кувыркнулось в воздухе, и Кельсер схватил холодный, скользкий от крови предмет. Туман, пробравшийся сквозь разбитое окно, подполз к его ногам, обвиваясь вокруг лодыжек. Кельсер опустил руку, указывая на последнего убийцу.

Кто-то из поверженных врагов застонал.

Оставшийся убийца отступил назад, уронил оружие и бросился бежать. Кельсер улыбнулся.

Пресс-папье внезапно выскочило из его руки и улетело в разбитое окно. Кельсер выругался, оборачиваясь: в кабинет вбегали новые люди. Судя по одежде, аристократы. Алломанты.

Некоторые из них вскинули руки, и рой монет понесся к Кельсеру. Он воспламенил сталь и отшвырнул монеты. Уцелевшие стекла зазвенели, посыпались осколки и щепки – все помещение наполнилось взбесившимися летающими монетами. Кельсер почувствовал, как дер-

нулся кармашек на поясе, – это выскочил наружу последний оставшийся флакон с металлами, притянутый кем-то из кабинета. Кое-кто из мужчин покрепче выдвинулся вперед, пригибаясь, чтобы избежать столкновения с монетами. Это были громилы – поджигатели пьютера, как Хэм.

«Пора удирать», – подумал Кельсер, отмахиваясь от очередной волны монет и скрипя зубами от боли в боку и руке.

Он оглянулся: у него в запасе оставалось несколько секунд, но до балкона ему было не добраться. Когда в его поле зрения появились еще несколько туманчиков, Кельсер глубоко вздохнул и бросился к огромному, от пола до потолка, разбитому окну. Он прыгнул в туман, перевернулся в воздухе и решительно потянул на себя сейф, лежавший на полу оранжереи.

Кельсер дернулся в воздухе, его занесло, но он не отпускал сейф. И почувствовал, как тот поехал к нему. Кельсер ударился о стену, но продолжал тянуть, прилипнув снизу к подоконнику. Он едва не лопался от напряжения.

Сейф подполз к окну. Покачнувшись, он вывалился наружу и полетел на Кельсера. Вор усмехнулся, погасил железо, обеими ногами оттолкнулся от стены и нырнул в туман, как сумасшедший пловец. Он несясь сквозь тьму спиной вперед, краем глаза успев заметить чье-то взбешенное лицо в проеме разбитого окна.

Аккуратно притягиваясь к сейфу, Кельсер падал. Вокруг клубился туман, мешая видеть и рождая ощущение, что он вовсе не падает, а висит в пустоте.

Достигнув сейфа, он развернулся и, оттолкнувшись, понесся вверх.

Сейф ударился о камни мостовой. Кельсер легонько оттолкнулся от него, замедля падение, и завис в воздухе в нескольких футах над сейфом. Мгновение-другое он парил, и ленты его плаща полоскались на ветру. Потом он опустился на землю.

Железный ящик разбился от удара. Кельсер отбросил в сторону вырванную дверцу. Его слух, обострившийся благодаря олову, улавливал на верхнем этаже здания тревожные крики. В сейфе он нашел небольшой кошелек с драгоценными камнями и пару долговых расписок на сумму в десять тысяч мер; все это он рассовал по карманам. Он еще раз обшарил сейф, внезапно встревожившись, что все его ночные труды окажутся напрасными. Но наконец пальцы нащупали то, что он искал, – маленький мешочек в самой глубине сейфа.

Кельсер распустил шнурки и увидел темные, похожие на бусинки кусочки металла. Атиум. Шрамы Кельсера заныли, он вспомнил время, проведенное в Ямах Хатсина.

Он завязал мешочек и встал. Весело глянул на неестественно выгнутое тело на мостовой – это были останки того туманного убийцы, которого он выкинул из окна. Рядом с трупом валялся кошелек. Кельсер силой железа подхватил монеты.

Нет, ночь прошла не напрасно. Даже если бы он не достал атиум, все равно любая ночь, увенчанная разгромом Великого Дома, была просто великолепна. Так считал Кельсер.

Зажав в одной руке мешок с монетами, а в другой – атиум, Кельсер снова разжег пьютер; без алломантической подпитки он бы, наверное, уже потерял сознание от боли. А потом он устремился в ночь, спеша к лавке Колченога.

6

Я никогда этого не хотел, честное слово. Но кто-то должен остановить Бездну. И, судя по всему, Террис – единственное место, откуда это можно сделать.

Впрочем, здесь я полагаюсь не на слова мудрецов. Я просто чувствую теперь нашу цель, я ее ощущаю, хотя другим это не удастся. Мой разум воспринимает ее как далекую пульсацию где-то в горах...

Вин проснулась в тихой комнате; красные лучи утреннего солнца пробивались сквозь щели в ставнях. Вин несколько мгновений лежала неподвижно, ощущая беспокойство. Что-то не так. И дело было не в том, что она проснулась в незнакомом месте, – путешествия с Рином приучили ее к кочевой жизни. Миг спустя она поняла, в чем дело.

Комната была пуста.

Не только пуста, но еще и просторна. Огромна. И вдобавок... уютна. Вин лежала на настоящей кровати с пологом, простынями и мягким одеялом. Комнату украшал крепкий деревянный шкаф, здесь даже был на полу круглый коврик. Возможно, кто-то другой счел бы обстановку убогой, но Вин она казалась роскошной.

Она села, хмурясь. Это как-то неправильно – иметь отдельную комнату. Вин привыкла к битком набитым спальным помещениям. Даже в путешествиях она ночевала в переулках с нищими или в пещерах мятежников, и всегда рядом был Рин. Ей постоянно приходилось прилагать огромные усилия, чтобы хоть немножко побыть одной. И вдруг одиночество досталось ей вот так запросто... Это как будто обесценивало те годы, когда Вин наслаждалась краткими моментами уединения.

Она выскользнула из постели, но ставни открывать не стала. Солнечный свет был слабым, то есть утро едва начиналось, однако Вин слышала, что по коридору уже ходят люди. Она подкралась к двери, чуть приотворила ее и выглянула наружу.

Накануне ночью, когда Кельсер ушел, Доксон отвел Вин в лавку Колченога. Час был поздний, и Колченог сразу же разослал их по спальням. Однако Вин не стала ложиться. Она дождалась, пока все заснут, и отправилась изучать новое место.

Лавка оказалась большой и походила, скорее, на гостиницу. На первом этаже располагались торговое помещение и просторная мастерская, а на втором этаже Вин обнаружила несколько длинных коридоров, куда выходили двери спален. Был еще и третий этаж, и там двери располагались на большем расстоянии друг от друга, что говорило об ином размере комнат. Вин не стала простукивать стены в поисках потайных люков или фальшивых перегородок – шум обязательно разбудил бы кого-нибудь, – но опыт подсказывал ей, что берлога не будет настоящей берлогой, если в ней нет хотя бы потайного подвала и нескольких смотровых ниш.

В целом Вин была, конечно, поражена. Плотницкие инструменты и наполовину законченные вещи внизу говорили о большом количестве заказов. Убежище выглядело надежным, хорошо оборудованным и содержалось в порядке. Глядя в приоткрытую дверь, Вин увидела группу тощих молодых людей, вышедших из коридора напротив и спустившихся по лестнице, к мастерской. Одеты они были очень просто.

«Подмастерья, плотники или столяры, – подумала Вин. – Этим Колченог и занимается... он же скаа-ремесленник».

Большинство скаа занимались тяжелым трудом на плантациях, и даже те, кто жил в городе, в основном выполняли самую грязную работу. Однако некоторым, наиболее талантливым, дозволялось осваивать ремесла. Но и тут они оставались всего лишь скаа: платили им мало и заставляли выполнять все прихоти знати.

Но все же у них была некоторая свобода, способная вызвать зависть у других скаа.

Колченог, судя по всему, был известным столяром. Как же такой человек – живший, по меркам скаа, на удивление хорошо – мог рискнуть и связаться с преступным миром?

«Он туманщик, – подумала Вин. – Кельсер и Доксон называли его курильщиком».

Наверное, ей придется самой разбираться во всем этом. Опыт подсказывал ей, что Кельсер, скорее всего, постарается скрывать от нее знания как можно дольше, скармливая ей лишь жалкие крохи. Он уже накрепко привязал к себе Вин, и с его стороны было бы не слишком умно сразу дать ей то, чего она так желала.

В коридоре опять послышались шаги, и Вин прильнула к щели.

– Пора привести себя в порядок, Вин, – сказал Доксон, проходя мимо ее двери.

Он был одет в рубашку и свободные брюки «дворянского» покроя и выглядел бодрым и собранным. Приостановившись, он продолжил:

– Вон в той комнате в конце коридора для тебя приготовлена ванна, и я попросил Колченога раздобыть тебе новую одежду. Для начала сойдет, а потом мы подберем тебе костюм получше. Можешь побольше времени провести в ванне – Кел собирался устроить собрание после полудня, но мы не сможем начать, пока не придут Бриз и Хэм.

Доксон улыбнулся, бросив на нее взгляд сквозь приоткрытую дверь, и пошел дальше. Вин покраснела оттого, что ее застукали за подсматриванием.

«Они наблюдательные люди. Следует об этом помнить».

В коридоре стало совсем тихо. Вин выскользнула из комнаты и осторожно пошла в указанном направлении. Там она с изумлением обнаружила, что для нее действительно приготовлена ванна с теплой водой. Хмурясь, Вин внимательно изучила комнату с кафельными стенами и металлическую ванну. От воды приятно пахло: так мылись только знатные дамы.

«Здесьние обитатели больше похожи на аристократов, чем на скаа», – подумала Вин.

Она просто не знала, как ко всему этому отнестись. Однако от нее явно ожидали, что она будет вести себя так же, как другие, поэтому она заперла дверь на задвижку, сбросила одежду и забралась в ванну.

* * *

Просто смешно, как теперь от нее пахло.

Хотя запах, исходивший от кожи, был очень легким, Вин все равно время от времени улавливала его. Так пахли знатные дамы, проходившие мимо нее на улицах, так пахло из надушенных ящиков комодов, которые вскрывали ловкие пальцы ее брата-взломщика. С каждым часом запах становился слабее, но продолжал тревожить Вин. Он слишком отличал ее от других скаа. И если в этом доме ожидают, что она будет принимать ванну регулярно, она попросит, чтобы в воду ничего не добавляли.

Завтрак тоже превзошел все ожидания. Несколько женщин-скаа, разного возраста, трудились в кухне Колченога, готовя закуски, – в тонкие лепешки они заворачивали вареный ячмень и овощи. Вин постояла в дверях кухни, наблюдая за женщинами. Ни от одной из них не пахло так, как от нее, хотя все они были намного ухоженнее обычных скаа.

Во всем доме витал дух чистоты. Накануне ночью, в темноте, Вин этого не заметила, но теперь видела, что полы здесь отмыты до блеска. У всех рабочих – и у кухарок, и у подмастеров – белые лица и руки. Это казалось Вин очень странным. Она привыкла к тому, что ее собственные пальцы всегда черны от пепла; во время путешествий с Рином, стоило ей умыться, она тотчас же заново пачкала щеки сажей. Умытое лицо привлекало слишком много внимания на улицах.

«Здесь даже по углам пепла нет, – подумала Вин, рассматривая полы. – И в комнатах тоже».

Ей никогда прежде не приходилось жить в подобном месте. Это было все равно что попасть в дом знатного человека.

Она снова посмотрела на кухарок. Они носили простые серые и белые платья, а головы у всех были повязаны шарфами, из-под которых сзади спадали длинные волосы, забранные в хвост. Вин ощупала собственную голову. Она стриглась коротко, как мальчик, – в последний раз ее стриг, особо не утруждаясь, один из воров. Она была не такая, как эти женщины, – она всегда была другой. Под руководством Рина Вин жила и выглядела так, чтобы остальные смотрели на нее в первую очередь как на вора, а уже потом как на девушку.

«Но что будет теперь? Кем я стала?»

От нее пахло духами, но одета она была в ржаво-коричневые свободные брюки и простую рубашку на пуговицах, как подмастерье, и чувствовала себя не в своей тарелке. А это плохо: когда она ощущала неловкость, то и выглядела неловкой. Это делало ее еще более заметной.

Вин заглянула в мастерскую. Подмастерья уже принялись за работу, трудясь над разнообразной мебелью. Они располагались в дальней мастерской, а сам Колченог работал в главном помещении, собирая детали мебели воедино с явным знанием дела.

Задняя дверь кухни внезапно распахнулась. Вин инстинктивно скользнула в сторону и прижалась к стене.

В дверном проеме стоял Хэм, освещенный красными лучами солнца. На нем были свободная рубашка без рукавов и жилет, в руках он держал несколько больших пакетов. На нем, как и на всех остальных, не было ни пятнышка сажи.

Хэм прошел в мастерскую.

– Ну, – сказал он, бросая пакеты, – кто-нибудь знает, какую комнату мне отвели?

– Я спрошу мастера Кладента, – предложил один из подмастерьев, быстро выходя в соседнее помещение.

Хэм улыбнулся, потягиваясь, и повернулся к Вин:

– С добрым утром. Вин! Знаешь, тебе незачем прятаться от меня. Мы теперь одна команда.

Вин слегка расслабилась, но осталась стоять на месте, за рядом почти законченных стульев.

– А ты тоже будешь жить здесь?

– Это очень выгодно – жить рядом с курильщиком, – ответил Хэм, заходя в кухню.

Через несколько мгновений он вернулся, держа четыре большие лепешки с овощами.

– Кто-нибудь знает, где сейчас Кел?

– Спит еще, – сообщила Вин. – Он вчера вернулся очень поздно и пока что не выходил.

Хэм фыркнул, впиваясь зубами в одну из лепешек.

– А Докс?

– В комнате на третьем этаже, – ответила Вин. – Он встал рано, спустился поесть, потом вернулся наверх.

Она не стала добавлять, что успела заглянуть в замочную скважину его двери и увидела, что он сидит за столом и что-то пишет.

Хэм вскинул брови:

– А ты всегда за всеми следишь?

– Да.

Хэм помолчал и усмехнулся:

– Ты странный ребенок, Вин.

Вернулся подмастерье, и Хэм, собрав пакеты, ушел следом за юношей вверх по лестнице. Вин стояла неподвижно, прислушиваясь к их шагам. Они остановились примерно в середине первого коридора – возможно, рядом с ее комнатой.

Запах вареного ячменя привлек ее внимание. Вин заглянула в кухню. Хэм ввалился туда и взял еды. А ей можно сделать то же самое?

Стараясь выглядеть уверенной, Вин вошла в кухню. Гора свернутых лепешек лежала на большом блюде, – наверное, они предназначались для подмастерьев. Вин осторожно схватила две лепешки. Ни одна из женщин не сказала ни слова поперек, а кое-кто даже уважительно кивнул Вин.

«Я теперь важная персона», – подумала Вин, чувствуя себя не слишком уютно.

Интересно, они знают, что она... рожденная туманом? Или просто относятся к ней уважительно, как к госте?

Решившись, Вин взяла третью лепешку и ускользнула в свою комнату. Вообще-то, она взяла еды больше, чем могла съесть, но она собиралась выбрать из лепешек начинку, а хлеб припрятать на всякий случай.

* * *

В дверь постучали. Вин чуть приоткрыла ее, осторожно и нешироко. Снаружи стоял молодой человек – тот самый, что приходил с Колченогом в берлогу Камона накануне вечером.

Высокий, худой, немного неловкий, одетый во все серое. Ему было, наверное, лет четырнадцать, хотя из-за роста он казался старше своих лет. И еще он как будто нервничал.

– Да? – вопросительно произнесла Вин.

– Э-э...

Вин нахмурилась:

– В чем дело?

– Тебя ждут, – сказал он с заметным восточным акцентом. – Тама, на самой верхотуре. Мастер Джампс, на третьем этаже. Ну, я пойду, пожалуй что.

Юноша покраснел, развернулся и поспешил прочь, взбежав вверх по лестнице.

Вин постояла немного в дверях, озадаченная.

«Что бы это значило?» – гадала она, всматриваясь в полутемный коридор.

Юноша, похоже, ожидал, что она пойдет следом за ним. Еще немного подумав, Вин решилась. По лестнице она поднялась очень осторожно.

Из-за открытой двери в конце коридора слышались голоса. Вин подошла и заглянула внутрь. Комната оказалась роскошной: там были ковры и удобные с виду кресла. У стены находился горящий камин, а кресла были расставлены широким полукругом перед большой грифельной доской на специальной подставке.

Кельсер стоял у камина, опершись локтем о полку и держа бокал с вином, и что-то говорил. Просунув голову дальше, Вин обнаружила, что Кельсер разговаривает с Бризом. Гасильщик явился около полудня, и половине подмастерьев Колченога пришлось разгружать его пожитки. Вин из своего окна наблюдала, как подмастерья таскают наверх багаж, замаскированный под ящики с обрезками древесины. Сам Бриз и пальцем не пошевелил, чтобы помочь им.

Хэм тоже был здесь, и Доксон, и даже Колченог устроился в большом мягком кресле – подальше от Бриза. Юноша, пригласивший Вин, сел на стул рядом с Колченогом и изо всех сил старался не смотреть в ее сторону. В последнем из занятых кресел Вин увидела Йедена, по-прежнему одетого как скаа-рабочий. Он сидел прямо, не опираясь на спинку, как будто не одобрял мягкой мебели. Его лицо было темным от сажи, как и полагалось рабочему.

В комнате оставалось еще два свободных кресла. Кельсер наконец заметил стоявшую в дверях Вин и ободряюще улыбнулся ей.

– А вот и она! Входи.

Вин еще раз внимательно оглядела комнату. В ней имелось окно, но ставни были закрыты, потому что приближались сумерки. Свободные кресла стояли поблизости от Кель-

сера. Смирившись, Вин вошла и села рядом с Доксоном. Кресло оказалось огромным, и Вин забралась в него с ногами.

– Ну вот, теперь все в сборе, – сказал Кельсер.

– А для кого еще одно кресло? – спросил Хэм.

Кельсер улыбнулся, подмигнул, но на вопрос не ответил.

– Что ж, давайте поговорим. Нам предстоит та еще работенка, и чем скорее мы набросаем план, тем лучше.

– Я думал, у тебя уже есть план, – осторожно произнес Йеден.

– Только общее представление, – ответил Кельсер. – Я знаю, что должно произойти, и у меня есть несколько идей относительно того, как этого добиться. Невозможно собрать команду вроде нашей и просто сообщить каждому, что ему делать. Следует поработать над этим вместе, начав со списка проблем, которые надо решить, чтобы наш план осуществился.

– Ладно, – сказал Хэм, – тогда для начала разберемся с этим общим представлением. Суть плана, как я понимаю, в том, чтобы собрать армию для Йедена, устроить беспорядки в Лютадели, захватить дворец, украсть у Вседержителя атиум, а потом поглядеть на то, как разваливается государство?

– Совершенно верно, – согласился Кельсер.

– Тогда, – заявил Хэм, – нашей главной проблемой является гарнизон. Если в Лютадели необходим настоящий хаос, то нам совершенно ни к чему двадцать тысяч солдат, готовых навести порядок. Не говоря уже о том, что войска Йедена просто не попадут в город, пока на стенах будут находиться вооруженные защитники Лютадели.

Кельсер кивнул. Взяв кусок угля, он написал в верхней части доски: «Гарнизон».

– Что еще?

– Нам нужен способ начать в столице упомянутые беспорядки, – сказал Бриз, небрежно качнув бокалом вина. – Инстинкты тебя не подвели, друг мой. Этот город – ключевая позиция, поскольку именно здесь располагается братство и здесь же соприкасаются маленькие торговые империи Великих Домов. И если мы хотим лишить Вседержителя власти, мы должны разгромить Лютадель.

– И кстати, знать – это второй пункт, – добавил Доксон. – Великие Дома имеют в городе свои отряды, не говоря уже об их алломантах. И если мы собираемся отдать город Йедену, нам придется разобратся со всеми вельможами.

Кельсер кивнул и написал на доске рядом с «Гарнизоном»: «Хаос» и «Великие Дома».

– Братство, – сказал Колченог, откинувшись на спинку кресла так, что Вин почти перестала видеть его раздраженное лицо. – Никаких перемен в во власти не будет до тех пор, пока Стальные инквизиторы имеют хоть какое-то влияние.

Кельсер написал на доске: «Братство».

– Что еще?

– Атиум, – высказался Хэм. – Нам будет необходимо очень быстро захватить дворец, как только начнется всеобщая суматоха, да еще сделать так, чтобы никто другой не успел забраться в сокровищницу.

Кельсер опять кивнул и написал: «Атиум. Охрана сокровищницы».

– Надо придумать, как собрать армию для Йедена, – напомнил Бриз. – Придется действовать тихо, но быстро и найти место для обучения людей – такое, где их не обнаружит Вседержитель.

– И еще неплохо бы убедиться в том, что мятежные скаа действительно согласны войти в Лютадель, – с усмешкой сказал Доксон. – Конечно, захват дворца и грабеж сокровищницы – это звучит восхитительно, но будет еще восхитительнее, если Йеден и его люди и впрямь окажутся готовыми взять власть и управлять страной, когда все кончится.

На доске появились слова: «Войско» и «Мятежные скаа».

– И еще, – сказал Кельсер, – я намерен добавить сюда «Вседержитель». Мы ведь собираемся по меньшей мере выпроводить его из города, если больше ничего не удастся. – Добавив к списку «Вседержитель», Кельсер оглянулся на остальных. – Я ничего не забыл?

– Ну, – сухо произнес Йеден, – если ты перечисляешь проблемы, с которыми нам необходимо справиться, то тебе следовало бы написать в самом начале, что все мы абсолютно безумны... хотя я сомневаюсь, что от такой записи будет польза.

Все засмеялись, а Кельсер написал на доске: «Скверный нрав Йедена». Потом отступил на несколько шагов, изучая взглядом список.

– Когда все вот так разберешь на части, выглядит не очень-то и страшно.

Вин нахмурилась, пытаясь понять, пошутил Кельсер или нет.

Список не просто обескураживал – он пугал. Двадцать тысяч имперских солдат? Объединенные отряды и мощь высшей знати? Братство? Люди говорили, что один-единственный Стальной инквизитор сильнее, чем тысяча солдат.

Но еще больше пугало Вин то, что все смотрели на список как на простое перечисление фактов. Да как они подумать могли о том, чтобы бунтовать против Вседержителя? Он был... богом. Он властвовал над миром. Он был творцом, защитником и карающей дланью человечества. Он спас их от Бездны, а потом наслал на них пепел и туман в наказание за недостаток веры. Вин была не очень-то религиозна (умные воры знали, как избежать столкновения со Стальным братством), но даже она верила легендам.

А эти люди рассматривали список «проблем» со спокойной решимостью. И на их лицах светилась мрачная радость, как будто они прекрасно знали, что скорее солнце взойдет среди ночи, чем они повергнут в прах Последнюю империю, и все же намеревались попытаться.

– Великий Вседержитель! – едва слышно прошептала Вин. – Да вы всерьез? Вы действительно намерены это сделать?

– Не стоит клясться его именем, Вин, – сказал Кельсер. – Даже богохульство делает ему честь, ведь тем самым ты признаешь эту тварь своим божеством.

Вин замолчала, съезжившись в кресле.

– Ну, идем дальше, – продолжил Кельсер, беспечно улыбаясь. – У кого есть предложения, как именно решить наши задачи? Кроме нрава Йедена, конечно. Мы все знаем, что он безнадёжен.

В комнате стало тихо: все задумались.

– Мысли? – спросил Кельсер. – Точки зрения? Впечатления?

Бриз пожал плечами:

– Теперь, сидя здесь, я поневоле думаю, что наше дитя не зря напугалось. Работка устрашающая.

– Но ее можно выполнить, – возразил Кельсер. – Давайте начнем с обсуждения того, как взбудоражить город. Что мы можем сотворить такое, чтобы знать потеряла рассудок и чтобы даже дворцовая гвардия ринулась в город, подставившись под наши войска? Что-то, что отвлекло бы братство и самого Вседержителя, в то время как мы бросим в атаку свою армию?

– Ну, мне приходит на ум только всеобщий бунт, – сказал Хэм.

– Не получится, – твердо заявил Йеден.

– Почему? – спросил Хэм. – Ты же знаешь, как власти обращаются с людьми. Скаа живут в трущобах, целыми днями работают на фабриках и в кузницах и при этом едва не умирают от голода.

Йеден покачал головой:

– Разве ты не понимаешь? Мятежники уже тысячу лет пытаются добиться восстания в Лутадели. Но ни разу ничего не вышло. Люди слишком забыты... у них нет ни воли, ни надежды, они не в силах сопротивляться. Именно поэтому я пришел к вам с просьбой собрать армию.

Все замолчали. Однако Вин задумчиво кивнула. Она была согласна с Йеденом: она это видела, она это чувствовала. Никто не мог бороться с Вседержителем. Даже живя среди воров, приютившись на самом краю общества, она это знала. Никакого бунта просто не может быть.

– Боюсь, он прав, – сказал Кельсер. – Скаа не станут восставать, по крайней мере в нынешней ситуации. И если мы собираемся устроить переворот, мы должны сделать это без помощи народа. Мы сумеем, возможно, набрать здесь какое-то количество солдат, но не стоит рассчитывать на все городское население.

– Может, устроим какое-нибудь грандиозное бедствие? – предложил Хэм. – Пожар, например?

– Это может на некоторое время приостановить торговлю, но сомневаюсь, что мы добьемся нужного эффекта, – возразил Кельсер. – Кроме того, слишком многие скаа поплачутся своей жизнью. Гореть-то будут трущобы, а не каменные крепости знати.

Бриз вздохнул:

– Ну хорошо, тогда что мы можем сделать, по-твоему?

Кельсер улыбнулся, в глазах у него плясали искры.

– А что, если мы натравим Великие Дома друг на друга?

Бриз на миг застыл.

– Война между Домами... – пробормотал он наконец, с задумчивым видом делая глоток вина. – Такое уже случалось в городе, только очень давно.

– А это значит, что недовольства накопилось достаточно и момент настал, – сказал Кельсер. – Высшая знать становится невероятно могущественной, сам Вседержитель с трудом удерживает власть над ней. Именно поэтому у нас есть шанс ослабить его хватку. Великие Дома Лютадели – наш главный ключ. Они держат всю имперскую торговлю, не говоря уже о том, что поработили абсолютное большинство скаа. – Кельсер ткнул пальцем в доску – между строчками «Хаос» и «Великие Дома». – Если мы сумеем столкнуть лбами Великие Дома Лютадели, мы перевернем весь город. Рожденные туманом начнут убивать глав Домов. Банкротства пойдут одно за другим. А от этого недалеко и до открытых столкновений на улицах. Часть нашего договора с Йеденом состоит в том, что мы даем ему возможность захватить город, – и вот она, эта возможность. Хотите придумать лучше?

Бриз кивнул с усмешкой:

– В этом что-то есть... Мне лично нравится идея заставить лордов убивать друг друга.

– Тебе всегда нравится, когда твою работу делает кто-то другой, – заметил Хэм.

– Мой дорогой друг, – возразил Бриз, – весь смысл жизни в том и состоит, чтобы так или иначе заставлять других делать то, что должен делать ты. Разве ты не знаком с основами экономики?

Хэм вскинул брови:

– Ну, вообще-то, я...

– Это был риторический вопрос, Хэм, – перебил его Бриз, закатив глаза.

– Как раз риторические вопросы интереснее всего, – парировал Хэм.

– Отложим философию до лучших времен, – сказал Кельсер. – Вернемся к делу. Что вы думаете о моем предложении?

– Может получится, – заявил Хэм, откидываясь на спинку кресла. – Вот только не думаю, что Вседержитель позволит ситуации зайти так далеко.

– А это уже наша задача – сделать так, чтобы у него не осталось выбора, – произнес Кельсер. – Известно, что он позволяет знати ссориться между собой – возможно, для того, чтобы Великие Дома не сумели объединиться. И мы просто раздуем тлеющие угли, а потом как-нибудь заставим гарнизон города ввязаться в свару. Когда Великие Дома начнут драться всерьез, Вседержитель уже не сможет остановить их... если, конечно, не пошлет дворцовую гвардию. Чего мы и добиваемся.

– Но он может заодно вызвать армию колоссов, – напомнил Хэм.

– Верно, – согласился Кельсер. – Но колоссы расположены довольно далеко от столицы – это стоит учесть. Ты же понимаешь, колоссы – отличные бойцы, но их следует держать подальше от цивилизации. Столица Последней империи не защищена по-настоящему, поскольку Вседержитель слишком уверен в своих силах... И действительно, с чего бы ему беспокоиться? Вот уже несколько веков ему не приходилось сталкиваться с серьезными угрозами. В большинстве городов для поддержания порядка хватает и небольших отрядов.

– Ну, двадцать тысяч солдат гарнизона вряд ли можно назвать «небольшим отрядом», – возразил Бриз.

– Подумай, много ли это по сравнению со всем народом, – напомнил Кельсер, наизусть поднимая палец. – Да и вообще, Вседержитель держит большую часть войск в дальних областях империи, где наиболее сильна угроза бунтов. Именно потому мы нанесем удар здесь, в самой Лютадели, – и именно поэтому добьемся успеха.

– В том случае, если справимся с городским гарнизоном, – уточнил Доксон.

Кельсер кивнул, повернулся к доске и под «Хаосом» и «Великими Домами» дописал строчку: «Междоусобная война».

– Хорошо. Давайте теперь поговорим о гарнизоне. Что будем делать?

– Вообще-то, – задумчиво протянул Хэм, – если учитывать исторический опыт, то наилучший способ справиться с большим количеством вражеских солдат – это иметь много собственных. Мы намерены снабдить Йедена армией – так почему не бросить ее на гарнизон? Разве не для этого предназначены армии?

– Ничего не выйдет, Хэммонд, – сказал Бриз.

Он заглянул в свой опустевший бокал и протянул его юноше, сидевшему рядом с Колченогом. Тот сразу же поспешил налить Бризю еще вина.

– Если мы хотим управиться с гарнизоном, – продолжил Бриз, – нам понадобятся собственные силы по меньшей мере такой же численности. Но скорее, нам потребуется гораздо больше людей, потому что наши солдаты будут неопытными новобранцами. Может, мы и сумеем собрать для Йедена армию, может, она и окажется достаточно большой, чтобы какое-то время удерживать город. Но найти столько людей, чтобы справиться с гарнизоном в его собственных укреплениях? Если наш план именно таков, лучше сразу от него отказаться.

Все опять замолчали. Вин замерла в кресле, по очереди изучая взглядом мужчин. Слова Бриза произвели впечатление. Хэм открыл было рот, но тут же закрыл его и углубился в размышления.

– Отлично, – заговорил наконец Кельсер. – Забудем на минутку о гарнизоне. Поговорим о нашей собственной армии. Как собрать достаточное количество людей и спрятать их от Вседержителя?

– Тут возникает немало трудностей, – проговорил Бриз. – Вседержитель не зря так уверенно чувствует себя в Центральном доминионе. По рекам и каналам постоянно движутся патрули, а деревни и плантации расположены чуть ли не в дне пути друг от друга. В такой густонаселенной местности вряд ли удастся собрать армию без лишнего шума.

– У мятежников есть пещеры на севере, – сказал Доксон. – Можно спрятать часть людей там.

Йеден побледнел:

– Ты знаешь о пещерах Аргуа?!

Кельсер демонстративно поднял глаза к потолку:

– Даже Вседержитель знает о них, Йеден! Просто мятежники не настолько опасны, чтобы заставить его действовать.

– Сколько вас там? – спросил Хэм. – То есть сколько вас вообще? В Лютадели и в других местах, включая пещеры? Может, начнем с тех, что есть?

Йеден пожал плечами:

– Полагаю, человек триста... включая женщин и детей.

– А сколько человек можно спрятать в пещерах?

Йеден снова пожал плечами и промолчал.

– Там, разумеется, можно укрыть куда больше народа, – сказал Кельсер. – Тысяч десять, я думаю. Я там бывал... бунтовщики уже долгие годы прячут у себя разных людей, и Вседержитель никогда не пытался уничтожить их убежища.

– Догадываюсь почему, – хмыкнул Хэм. – Сражение в пещерах – дело неблагодарное, особенно для нападающих. А Вседержитель избегает битв, обреченных на поражение, – он ведь до безумия тщеславен. Значит, десять тысяч. Это серьезно. Десять тысяч легко возьмут дворец, да и укрепленный город смогут удержать.

Доксон повернулся к Йедену:

– Когда ты говорил об армии, что ты имел в виду? Какое количество?

– «Десять тысяч» – звучит неплохо, – сказал Йеден. – И это даже больше, чем я себе представлял.

Бриз осторожно покрутил в пальцах бокал, устроив маленький винный водоворот.

– Терпеть не могу спорить, – вздохнул он, – это Хэм у нас любитель, но... я просто вынужден вернуться к предыдущей проблеме. Десять тысяч человек. Они даже не напугают гарнизон. Мы ведь говорим о двадцати тысячах хорошо вооруженных, отлично обученных солдат.

– Он прав, Кел, – подтвердил Доксон.

Он нашел где-то небольшой блокнот и делал в нем заметки по ходу собрания.

Кельсер нахмурился.

– Как ни крути, Кел, а гарнизон – крепкий орешек, – добавил Хэм. – Может, лучше сосредоточиться на лордах? Устроим такой бардак, что даже гарнизон не сможет подавить его?

Кельсер покачал головой:

– Сомнительно. Это и есть главная обязанность гарнизона – поддерживать порядок в столице. Если мы не сумеем нейтрализовать его, то никогда не осуществим задуманное. – Он помолчал и посмотрел на Вин. – А ты что думаешь, Вин? У тебя есть предложения?

Вин похолодела. Камон никогда не интересовался ее мнением. Что Кельсер от нее хочет? Она вжалась в кресло, когда заметила, что остальные тоже повернулись и смотрят на нее.

– Я... – протянула Вин.

– Не мучай бедняжку, Кел! – сказал Бриз, взмахнув рукой.

Вин согласно кивнула, но Кельсер не отстал.

– Нет, в самом деле, – настаивал он. – Скажи, что ты думаешь, Вин. Представь, что столкнулась с серьезным врагом и он тебе угрожает. Что ты сделаешь?

– Ну, – осторожно начала Вин, – вам его не победить, это точно. Даже если вы каким-то чудом выиграете, то будете слишком потрепаны, чтобы после драться с кем-то еще.

– Резонно, – заметил Доксон. – Но возможно, у нас не будет выбора. Нам ведь нужно как-то избавиться от гарнизона.

– А если он просто уйдет из города? – спросила Вин. – Это же выход? Если бы я задумала что-то грандиозное, я бы для начала попыталась отвлечь солдат, чтобы они оставили меня в покое.

Хэм хихикнул.

– Да, хорошо бы гарнизон сам ушел из Лютадели. Вседержитель иногда отправляет отдельные отряды в патруль, но весь гарнизон покидал столицу только однажды, насколько мне известно, – полвека назад, когда в Куртелайне взбунтовались скаа.

Доксон покачал головой:

– Идея Вин слишком хороша, чтобы отбросить ее сразу. Верно, мы не можем сражаться с гарнизоном – по крайней мере, в стенах города. А значит, мы должны заставить его покинуть Лютадель.

– Да, – согласился Бриз. – Нужна только особая ситуация, действительно требующая вмешательства столичного гарнизона. Если не возникнет настоящей угрозы, Вседержитель не вышлет из города весь гарнизон. А если опасность окажется слишком велика, он взбесится и отправит колоссов.

– Бунт в одном из ближайших городов? – предположил Хэм.

– Тут встает прежняя проблема, – возразил Кельсер, качая головой. – Если мы не можем поднять скаа здесь, то в другом городе мы тем более не заставим их бунтовать.

– А как насчет ложного выпада? – спросил Хэм. – Мы ведь предполагаем собрать значительное количество собственных солдат. Если они сделают вид, что пытаются захватить какой-то город, возможно, Вседержитель отправит на помощь свой гарнизон?

– Сомневаюсь, чтобы он послал его в другой город, – ответил Бриз. – Ведь таким образом он оставит без защиты Лютадель.

Все в очередной раз замолчали, мысленно перебирая варианты. Вин огляделась по сторонам и заметила, что Кельсер смотрит на нее.

– Еще идеи? – спросил он.

Вин слегка поежилась, опуская взгляд.

– А далеко отсюда Ямы Хатсина? – спросила она наконец.

Все замерли. Потом Бриз расхохотался:

– Вот это потрясающее коварство! Вельможам ведь неизвестно, что в Ямах добывается атиум, так что Вседержитель не сможет поднять шум, иначе все узнают, что это за шахты. Значит, он не пошлет туда колоссов. И единственным оружием останется гарнизон!

Кельсер улыбался, его глаза сияли.

– Чтобы устроить нападение на Ямы, не понадобится много людей. Тысячи человек вполне хватит. Мы отправим их туда, а когда гарнизон покинет столицу, выведем вторую, большую часть армии – и захватим саму Лютадель! Когда гарнизон обнаружит, что его надули, то не успеет вовремя вернуться и помешать нам проникнуть за городские стены.

– Но сможем ли мы удержать победу? – с опаской спросил Йеден.

Хэм с жаром кивнул:

– С десятью тысячами скаа я смогу оборонять город от гарнизона. Вседержителю придется вызывать колоссов.

– Но мы к тому времени уже добудем атиум, – подхватил Кельсер. – А Великие Дома окажутся не в состоянии остановить нас, они будут слишком слабы из-за междоусобиц.

Доксон что-то быстро записал в блокноте.

– Тогда нам действительно понадобятся пещеры Йедена. Они удачно расположены, даже немного ближе к Лютадели, чем к Ямам. Если наша армия выступит оттуда, то будет в столице раньше, чем гарнизон вернется из Ям.

Кельсер кивнул. Доксон продолжал записывать.

– Тогда я начну собирать припасы в пещерах или даже съезжу туда и осматрю их как следует.

– Да, но как доставлять туда солдат? – спросил Йеден. – Пещеры в неделе пути от столицы... а скаа не позволяется путешествовать по собственному желанию.

– Я уже нашел кое-кого, кто нам поможет, – сообщил Кельсер, записывая на доске под «Гарнизон Лютадели»: «Ямы Хатсина». – У меня есть приятель, который будет доставлять людей на север по воде.

– Предположим, – продолжал Йеден, – ты сумеешь выполнить свое первое и главное обещание. Я заплатил тебе за то, чтобы ты собрал для меня армию. Десять тысяч человек

– это огромное количество, но я до сих пор не слышал приемлемого объяснения тому, как ты намерен побудить их к восстанию. Я ведь уже объяснял тебе, что мы столкнулись с этой проблемой, когда пытались набирать рекрутов в Лютадели.

– Нам ведь не нужно, чтобы нас поддержало все население, – ответил Кельсер. – Необходим лишь небольшой процент... а в Лютадели почти миллион рабочих. Это самая легкая часть плана, поскольку в наших рядах находится один из величайших в мире гасильщиков. Бриз, я рассчитываю на тебя и твоих алломантов. Вы заставите людей проснуться и наберете нам отличных рекрутов.

Бриз сделал глоток вина.

– Кельсер, милый мой, мне бы хотелось, чтобы ты не употреблял слово «заставить», говоря о моих талантах. Я просто подбадриваю людей.

– Отлично, можешь подбодрить для нас целую армию? – спросил Доксон.

– Сколько у меня времени? – поинтересовался Бриз.

– Год, – ответил Кельсер. – Мы планируем восстание на следующую осень. И даже если Вседержитель соберет все силы, чтобы выбить нас из города, мы все равно сможем продержаться до зимы.

– Десять тысяч человек, – с улыбкой произнес Бриз, – которых нужно набрать из числа покорных скаа меньше чем за год. Интересная задачка.

Кельсер хихикнул.

– Раз тебе интересно, значит ты согласен. Начни с Лютадели, потом пройдишь по окрестным городам. Нам нужны люди, которых легко перебросить в пещеры.

Бриз кивнул.

– Нужно еще оружие и продовольствие, – сказал Хэм. – И мы должны обучить людей.

– Насчет оружия у меня есть одна мысль, – сообщил Кельсер. – А что касается инструкторов... можешь их найти?

Хэм помолчал.

– Думаю, да, – сказал он наконец. – Я знаю нескольких солдат-скаа, сражавшихся на стороне Вседержителя во время одного из бунтов.

Йеден побледнел:

– Предатели?!

Хэм пожал плечами.

– Большинство из них не слишком гордятся собой, – сказал он. – Но при этом хотят есть. Жизнь – сложная штука, Йеден.

– Мои люди ни за что не станут работать с ними, – отрезал Йеден.

– Придется, – сердито бросил Кельсер. – Большинство бунтов скаа провалилось именно потому, что люди не умели сражаться. Но мы намерены предоставить тебе армию хорошо обученных, подготовленных солдат – и будь я проклят, если позволю отправить на бойню тех, кто не знает, с какой стороны братья за меч! – Кельсер помолчал и посмотрел на Хэма. – Но я бы посоветовал тебе поискать людей, затаивших злобу на Последнюю империю. Я не доверяю тем, чья преданность зависит от количества золотых мер в кошельке.

Хэм кивнул, а Йеден умолк. Кельсер снова повернулся к доске и под словом «Войско» написал: «Хэм: военная подготовка» и «Бриз: набор рекрутов».

– А что все-таки с оружием? – спросил Бриз. – Как ты намерен вооружить десять тысяч человек, не возбудив подозрений Вседержителя? За перевозками оружия он следит очень пристально.

– Мы и сами можем изготовить оружие, – подал голос Колченог. – У меня достаточно лишней древесины, чтобы делать пару боевых посохов в день. Пожалуй, и стрелами я сумею вас обеспечить.

– Благодарю за предложение, Колченог, – кивнул Кельсер. – Думаю, это хорошая идея. Однако нам понадобятся не только посохи. Нам будут нужны мечи, щиты и латы – и чем скорее, тем лучше, чтобы сразу начать обучение солдат.

– Ну и как ты собираешься все это раздобыть? – спросил Бриз.

– У Великих Домов масса оружия, – задумчиво произнес Кельсер. – Им не приходится ломать голову над тем, как вооружить свиту.

– И ты хочешь их обокрасть?

Кельсер покачал головой:

– Нет, постараемся действовать легально. Купим оружие. Точнее, найдем сочувствующего лорда, который купит для нас все необходимое.

Колченог расхохотался:

– Лорд, сочувствующий скаа? Такого никогда не будет!

– Ну, «никогда» осталось в прошлом, – беспечно бросил Кельсер. – Я уже нашел того, кто готов помочь нам.

Все умолкли. В полной тишине слышно было, как негромко потрескивают горящие поленья. Вин шевельнулась, оглядывая всех по очереди. Да, слова Кельсера поразили их.

– И кто это? – спросил наконец Хэм.

– Его зовут лорд Рену, – ответил Кельсер. – Он приехал несколько дней назад. Остановился в Феллисе: его влияния недостаточно, чтобы устроиться в Лютадели. Кроме того, я думаю, благоразумнее заниматься подобными делами подальше от Вседержителя.

Вин задумчиво вскинула голову, уставившись в потолок. Феллис был маленьким провинциальным городком в часе езды от Лютадели: они с Рином работали там, прежде чем перебраться в столицу. Как Кельсеру удалось привлечь на свою сторону этого лорда Рену? Может, он подкупил вельможу или узнал о нем нечто скандальное?..

– Я слыхал об этом Рену, – медленно проговорил Бриз. – Он с запада и вроде как обладает немалой властью в Крайнем доминионе.

Кельсер кивнул:

– Да, лорд Рену недавно решил добиться для своей семьи более высокого общественного положения. Официальная версия такова: он прибыл на юг с торговыми целями. Он надеется, что если доставит на север отличное южное оружие, то сможет заработать достаточно денег – а заодно обзаведется достаточным количеством связей, – чтобы построить для себя крепость в Лютадели к концу текущего десятилетия.

Все снова замолчали.

– Но, – нарушил молчание Хэм, – на самом деле оружие окажется у нас?

Кельсер кивнул:

– Нам придется подделать накладные – на всякий случай.

– Это весьма странно, Кел, – сказал Хэм. – Знатная семья, которая действует заодно с нами...

– Но... – смущенно пробормотал Бриз. – Кел, ты же ненавидишь лордов!

– Этот не такой, как все, – ответил Кельсер с хитрой улыбкой.

Все озадаченно уставились на него. Никому не хотелось иметь дело со знатными людьми, Вин это видела и отлично понимала. А то, что Рену обладал большой властью, только ухудшало ситуацию.

Вдруг Бриз рассмеялся. Откинувшись на спинку кресла, он залпом допил вино.

– Ты просто сумасшедший! Ты его убил. Я о Рену... ты его убил и заменил каким-то самозванцем!

Улыбка Кельсера стала шире. Йеден выругался, а Хэм просто усмехнулся:

– Ах вот оно что!.. Ну, в этом есть смысл. По крайней мере, с точки зрения Кельсера Безрассудного.

– Рену устроил временную резиденцию в Феллисе, – сказал Кельсер. – Он будет нашим прикрытием, если нам понадобится сделать что-то официально. Например, закупить вооружение и припасы.

Бриз задумчиво кивнул:

– Да, это работает.

– Сработает? – повторил Йеден. – Ты убил вельможу! К тому же могущественного!

– Мы, вообще-то, собираемся разрушить всю империю, Йеден, – напомнил Кельсер. – Рену – не последняя благородная жертва в нашем маленьком предприятии.

– Да, но подменять его самозванцем! Слишком опасно.

– Ты нанял нас, потому что хотел достигнуть необычайной цели, мой дорогой, – проговорил Бриз. – Но необычайная цель требует и необычайного риска.

– Впредь мы постараемся свести его к минимуму, Йеден, – пообещал Кельсер. – Мой актер очень хорош. Однако многое нам придется делать самим.

– А если я прикажу тебе чего-то не делать? – спросил Йеден.

– Мы можем прикрыть лавочку в любой момент, – сказал Доксон, не отрываясь от записей. – Но пока мы в деле, Кельсер составляет планы и разрабатывает детали. Мы всегда так работаем: ты знал это, когда нанимал нас.

Йеден уныло покачал головой.

– Ну? – сказал Кельсер. – Мы продолжаем или нет? Тебе решать, Йеден.

– Говори свободно, если хочешь отступить, друг мой, – с надеждой в голосе произнес Бриз. – Не бойся обидеть нас. Лично я ничего не имею против тех денег, что ты уже нам заплатил.

Вин видела, что Йеден слегка побледнел. По ее мнению, ему вообще повезло, что Кельсер не прирезал его, получив деньги. Но она уже понемногу начала понимать, что дело вовсе не в деньгах.

– Это безумие, – сказал Йеден.

– То, что мы собрались свергнуть Вседержителя? – уточнил Бриз. – Ты прав.

– Ладно, – решил наконец Йеден. – Продолжаем.

– Вот и хорошо, – кивнул Кельсер и написал на доске под словом «Войско»: «Кельсер: вооружение». – Личина Рену позволит нам проникнуть в высшее общество Лютадели. А это очень важно: нам необходимо провести разведку настроений Великих Домов, если мы хотим спровоцировать войну.

– Войну между лордами будет не так легко затеять, как ты думаешь, Кельсер, – предостерег Бриз. – Большинство семей держится осторожно и обособленно.

Кельсер улыбнулся:

– Значит, очень хорошо, что ты с нами, Бриз. Ты большой мастер заставлять людей делать то, что тебе хочется... и вместе мы обязательно придумаем, как стравить высшую знать. Серьезные войны между домами, как следует из истории, случаются примерно раз в два столетия. Наша умелая компания лишь сделает новую войнушку серьезнее предыдущих, и я не думаю, что кто-то сможет нам в этом помешать. Честно говоря, я уже начал...

Бриз вытаращил глаза и оглянулся на Хэма. Громила что-то проворчал себе под нос, достал из кармана золотую монету в десять мер и бросил ее через комнату довольному гасильщику.

– Что это значит? – удивился Доксон.

– Мы поспорили, – объяснил Бриз, – о том, имеет ли Кельсер отношение к ночным событиям.

– Каким событиям? – спросил Йеден.

– Кто-то вломился в Дом Венчер, – ответил Хэм. – В городе поговаривают, что некто якобы послал троих рожденных туманом убить самого Страффа Венчера.

Кельсер фыркнул.

– Трех? Страфф слишком много о себе возомнил. Меня вообще не интересовала его персона. Я ходил за атиумом... и просто постарался, чтобы меня заметили.

– Венчер понятия не имеет, кого подозревать, – сказал Бриз. – Но поскольку в деле замешан рожденный туманом, все уверены, что затея принадлежит одному из Великих Домов.

– Чего я и добивался, – с довольным видом сообщил Кельсер. – Высшая знать серьезно относится к нападениям рожденных туманом... между Домами существует негласное соглашение не использовать их в борьбе друг против друга. Еще несколько таких ударов – и они начнут грызться, как взбесившиеся звери.

Он повернулся к доске и под строчкой «Великие Дома» добавил две надписи: «Бриз: планирование» и «Кельсер: переполох».

– В любом случае, – продолжил он, – мы должны следить за новостями, чтобы знать, какие Дома заключат союз между собой. Поэтому нам нужно заслать шпионов.

– Разве это действительно необходимо? – смущенно спросил Йеден.

Хэм кивнул:

– Это часть любой работы в Лютадели. Если существуют важные сведения, узнать их можно только от могущественных людей. Рядом с ними всегда следует держать подходящего человека.

– Да, и это нетрудно, – добавил Бриз. – Твоему самозванцу всего-то и нужно, что посещать разные приемы.

Кельсер отрицательно покачал головой.

– К несчастью, лорд Рену не сможет лично приехать в Лютадель.

Йеден нахмурился.

– Почему? Твоего актера лучше не рассматривать вблизи?

– Он выглядит в точности как лорд Рену, – отмахнулся Кельсер. – Вообще-то, он абсолютная копия лорда Рену. Вот только его не стоит подпускать близко к инквизиторам...

– Ах! – судорожно вздохнул Бриз, и они с Хэмом переглянулись. – Так он из тех... Тогда понятно.

– Что такое? – нервно спросил Йеден. – Что это значит?

– Тебе лучше не знать, – сказал Бриз.

– Лучше не знать?!

Бриз развел руками:

– Ты ведь расстроился, узнав, что Кельсер заменил лорда Рену самозванцем? Ну а это в десятки раз хуже. Поверь, чем меньше ты узнаешь, тем спокойнее будет твой сон.

Йеден посмотрел на Кельсера: тот широко улыбался. Йеден побледнел и осторожно откинулся на спинку кресла.

– Наверное, ты прав... – пробормотал он.

Вин сосредоточенно разглядывала всех по очереди. Похоже, они знали, о чем шла речь. Ладно, надо будет найти возможность и самой как следует рассмотреть этого лорда Рену.

– В общем, – снова заговорил Кельсер, – мы должны засылать кого-то на светские приемы. Значит, Докс будет изображать племянника и наследника лорда Рену, отпрыска семьи, недавно завоевавшей благосклонность Вседержителя.

– Эй, погоди-ка! – вскинулся Доксон. – Мы так не договаривались!

Кельсер пожал плечами:

– Нам нужен кто-то, кто будет дурачить знать. Полагаю, ты вполне подходишь на эту роль.

– Нет, я не могу, – сказал Доксон. – Я засветился во время работы с Эйзером, пару месяцев назад.

Кельсер нахмурился.

– Что такое? – спросил Йеден. – На этот раз мне позволено узнать, о чем вы?

– Он имеет в виду, что за ним следит братство, – пояснил Бриз. – Он изображал из себя лорда, и его засекли.

Доксон кивнул.

– Да уж, меня видел сам Вседержитель, а он ничего не забывает. Даже если я сумею избежать встречи с ним, все равно кто-нибудь со временем узнает меня.

– Значит... – пробормотал Йеден.

– Значит, – сказал Кельсер, – нам необходим кто-то другой, чтобы притворяться наследником лорда Рену.

– Вот только на меня смотреть не надо, – испуганно произнес Йеден.

– Поверь, – невыразительно проговорил Кельсер, – больше некому. Колченог не в счет... его слишком хорошо знают все ремесленники Лютадели.

– Я тоже пас, – заявил Бриз. – У меня уже есть несколько фальшивых знатных имен. Наверное, я мог бы воспользоваться одним из них, но только не на большом приеме и не на балу... Представь, я встречу с кем-то, кто знает меня под другим именем!

Кельсер задумался.

– Я бы мог, – предложил Хэм. – Но ты знаешь, актер из меня никудышный.

– А как насчет моего племянника? – предложил Колченог, кивком указывая на молодого человека рядом с собой.

Кельсер оглядел юношу с головы до пят:

– Как тебя зовут, сынок?

– Лестиборнес.

Кельсер усмехнулся:

– Длинновато. А прозвища у тебя нет?

– Не-а, нетути.

– Ладно, мы над этим поработаем, – решил Кельсер. – Ты всегда говоришь с восточным акцентом?

Юноша пожал плечами, явно нервничая из-за того, что оказался в центре внимания.

– Ну так я малой был, пообвылся, чего тут...

Кельсер оглянулся на Доксона, и тот покачал головой:

– Нет, Кел, вряд ли он подойдет.

– Согласен. – Кельсер повернулся к Вин и улыбнулся. – Похоже, осталась только ты. Сумеешь изобразить знатную леди?

Вин слегка побледнела.

– Вообще-то, брат учил меня кое-чему... Но я никогда не пыталась...

– Ты справишься, – решил Кельсер и сделал еще одну надпись на доске под словами «Великие Дома»: «Вин: проникновение в тыл противника». – Хорошо. Йеден, тебе, пожалуй, пора начинать думать над тем, как ты будешь управлять империей.

Йеден кивнул. Вин стало немного жаль этого человека: его замыслы были такими грандиозными, что он буквально сгибался под их тяжестью. И в то же время ей трудно было симпатизировать ему, ведь Кельсер только что и ее саму вовлек в это невероятное предприятие.

«Изображать знатную даму? – подумала она. – Наверняка кто-то другой справился бы гораздо лучше...»

Бриз наблюдал за Йеденом, видя, что тому откровенно не по себе.

– Слушай, милый друг, ну что ты распереживался? – спросил Бриз. – Тебе же не придется на самом деле управлять столицей. Скорее всего, нас переловят и казнят задолго до того, как мы чего-нибудь добьемся.

Йеден вымученно улыбнулся:

– А если не переловят? Что помешает вам прирезать меня и забрать империю себе?

Бриз закатил глаза:

– Мы воры, дорогой мой, а не политики! Судьбы народов – не то, на что мы готовы тратить время. Мы будем счастливы, заполучив атиум!

– Ну да, счастливы и богаты, – добавил Хэм.

– Эти слова – синонимы, Хэммонд, – усмехнулся Бриз.

– Кроме того, – уточнил Кельсер, – мы не собираемся отдавать тебе всю империю... Я лично надеюсь, что она просто развалится, как только пошатнется Лютадель. У тебя будет этот город и, возможно, неплохой кусок Центрального доминиона, если ты, конечно, сумеешь подкупить местные войска, чтобы они встали на твою сторону.

– А... Вседержитель? – спросил Йеден.

Кельсер улыбнулся:

– Я не отказался бы от мысли лично разделаться с ним... Мне только нужно выяснить, как работает одиннадцатый металл.

– А если ты этого не узнаешь?

– Ну, тогда, – пробормотал Кельсер, добавляя к надписям на доске еще одну, под словами «Мятежные скаа»: «Йеден: подготовка и управление», – мы просто постараемся выманить его из города. Может, он отправится вместе со своей армией к Ямам, чтобы присмотреть за всем лично?

– И что тогда? – спросил Йеден.

– Ты найдешь способ нейтрализовать его. Ты ведь нанимал нас не для убийства Вседержителя, Йеден... это моя личная идея.

– Я бы на твоём месте не слишком беспокоился, Йеден, – добавил Хэм. – Что может Вседержитель без денег и армии? Он, конечно, сильный алломант, но он не всемогущ.

Бриз засмеялся.

– Хотя, если подумать, враждебно настроенное и свергнутое с трона ложное божество – неважный сосед. Тебе придется что-то с ним сделать.

Йедену идея явно не понравилась, но он не стал спорить.

Кельсер развел руками:

– Что ж, похоже, это все.

– Угу, – вздохнул Хэм, – а как насчет братства? Не следует ли нам подумать о том, как избежать внимания инквизиторов?

Кельсер улыбнулся:

– Предоставим это моему брату.

– Мечтать не вредно, – послышался из дальнего конца комнаты незнакомый голос.

Вин соскочила с кресла и стремительно развернулась к двери. Там стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, он застыл как величественное изваяние. Одет просто: в рубаху, широкие штаны и свободную куртку, какие носили скаа. Руки демонстративно сложены на груди. Вин всмотрелась в его суровое лицо с резкими чертами. Что-то в нем было знакомое...

Она оглянулась на Кельсера. Конечно. Сходство очевидно.

– Марш?! – воскликнул Йеден, вставая. – Марш, это ты?! Он обещал, что ты будешь участвовать в деле, но я... я... Рад, что ты вернулся.

На лице Марша ничего не отразилось.

– Я пока не уверен, что «вернулся», Йеден. Если не возражаете, я бы хотел поговорить наедине с младшим братишкой.

Похоже, на Кельсера не произвел ни малейшего впечатления его строгий тон. Он спокойно кивнул:

– Пожалуй, на сегодня достаточно, друзья.

Все неторопливо поднялись, и каждый, выходя, старательно огибал Марша. Вин последовала за остальными и аккуратно прикрыла за собой дверь. Она не спеша направилась к своей комнате, стараясь, чтобы все это заметили.

Но не прошло и трех минут, как она уже стояла под дверью гостиной и внимательно вслушивалась в голоса, доносившиеся изнутри.

7

Рашиек высок ростом, как и большинство террисийцев. Он молод, но другие носильщики явно его уважают. Он обладает неким особым обаянием, и придворные дамы называли бы его интересным, хоть и несколько грубоватым.

Я не могу взять в толк, однако, как мог заслужить всеобщее почтение человек, чьи речи переполнены ненавистью. Он никогда не видел Хленнума, но проклинает этот город. Он совершенно не знает меня, но я уже вижу гнев и враждебность в его глазах.

Три года не слишком изменили Марша внешне. Он выглядел все тем же властным, суровым человеком, каким Кельсер знал его с детства. В его взгляде по-прежнему светилось разочарование, а голос звучал так же неодобрительно.

И все же, если Доксон сказал правду, три года назад Марш стал почти что другим человеком. Кельсер до сих пор с трудом верил, что брат отказался руководить мятежными скаа. Он всегда со страстью относился к своему делу...

Видимо, теперь эта страсть угасла. Марш зашел в комнату, критически оглядел надписи на доске. Его одежду слегка запачкал пепел, но лицо было относительно чистым – во всяком случае, для скаа. Он постоял немного, изучая заметки Кельсера. Потом повернулся и бросил на кресло лист бумаги.

– Что это? – спросил Кельсер, поднимая лист.

– Имена одиннадцати человек, которых ты убил прошлой ночью, – ответил Марш. – Я подумал, ты захочешь их знать.

Кельсер смял лист и швырнул в очаг, где потрескивали поленья.

– Они служили Последней империи.

– Они были людьми, Кельсер! – резко бросил Марш. – Живыми людьми, имели семьи. Некоторые из них были скаа.

– Это предатели.

– Это люди, – повторил Марш. – Люди, которые всего лишь пытались принять жизнь такой, какая она есть.

– Ну, я делаю то же самое, – сказал Кельсер. – Какая удача – именно мне судьба предоставила возможность сбрасывать таких, как они, с крыш. Если уж они хотят сражаться со мной по тем же правилам, что и аристократы, то пусть и умирают соответственно.

Лицо Марша потемнело.

– Как ты можешь столь легкомысленно говорить о смерти?

– Да так, Марш, – пожал плечами Кельсер. – Чувство юмора – это все, что у меня осталось. Чувство юмора и решимость.

Марш негромко фыркнул.

– Тебе следовало бы радоваться, – продолжал Кельсер. – Я десятки лет выслушивал твои лекции и наконец-то решил сделать нечто, достойное моих талантов. И теперь, когда ты пришел, чтобы помочь, я уверен...

– Я здесь не для того, чтобы помогать, – перебил его Марш.

– Тогда зачем ты явился?

– Задать тебе вопрос. – Марш шагнул вперед и остановился прямо перед Кельсером.

Они были почти одного роста, но поскольку Марш всегда держался очень прямо, то казался намного выше.

– Как ты смеешь заниматься этим? – тихо спросил он. – Я всю жизнь посвятил тому, чтобы разрушить Последнюю империю. Пока ты со своими друзьями-воришками веселился, я

был в бегах. Пока вы задумывали очередное ограбление, я организовывал налеты на лордов. Пока ты жил в роскоши, я видел, как храбрые и достойные люди умирали от голода. – Марш наклонился и ткнул пальцем в грудь Кельсера. – Да как ты смеешь?! Как ты смеешь превращать восстание в очередную «работенку»? Как ты смеешь использовать великую мечту ради собственного обогащения?

Кельсер отвел руку Марша:

– Деньги тут ни при чем.

– Вот как? – язвительно спросил Марш, кивнув на надпись «Атиум» на доске. – Зачем ты затеял эту игру, Кельсер? Зачем втянул Йедена да еще делаешь вид, будто он тебя «нанял»? Ты изображаешь из себя защитника скаа? Но мы с тобой отлично знаем, какова твоя подлинная цель.

Кельсер стиснул зубы, чувствуя, как его покидают последние капли веселости. «Брат всегда умел вывести меня из себя...»

– Ты совсем не знаешь меня нынешнего, Марш, – тихо произнес он. – Дело не в деньгах... У меня уже было денег больше, чем вообще может истратить человек. Смысл этого дела в другом.

Марш стоял все так же близко, глядя Кельсеру в глаза, как будто пытался разглядеть правду где-то внутри.

– Ты всегда был отличным лжецом, – сказал он наконец.

Кельсер тяжело вздохнул:

– Прекрасно, думай как хочешь. Но избавь меня от проповедей. Возможно, когда-то ты и мечтал разрушить Последнюю империю... но теперь ты превратился в хорошего послушного скаа, работающего в собственной лавке и виляющего хвостом перед знатными людьми, когда те устаивают тебя визитом.

– Я трезво взглянул на вещи, – отрезал Марш. – Как раз это тебе никогда не удавалось. Даже если ты всерьез строишь планы, ты все равно потерпишь поражение. Каждый раз, когда начинался бунт – с налетами, грабежами и убийствами, – он заканчивался поражением. И самые отчаянные наши усилия не вызывали у Вседержителя даже легкого раздражения.

– Ох, – сказал Кельсер, – я-то как раз отлично умею раздражать. Вообще-то, я не просто раздражаю – я способен взбесить кого угодно, это все знают. Почему бы мне не воспользоваться своим даром ради благой цели, а?

Марш вздохнул, отворачиваясь:

– Да при чем тут «хорошее», Кельсер? Это же просто месть. Ты все такой же. Я верю, что ты не гонишься за деньгами... Я даже верю, что ты действительно намерен собрать для Йедена армию, за которую он тебе заплатил. Но я никогда не поверю, что тебя и впрямь все это волнует.

– Вот здесь ты ошибаешься, Марш, – тихо произнес Кельсер. – И всегда ошибался, когда думал обо мне так.

Марш нахмурился:

– Возможно. Но как все началось? Йеден сам пришел к тебе или ты явился к нему?

– Да какая разница? – отмахнулся Кельсер. – Послушай, Марш, мне нужен кто-то, кто может проникнуть в братство. Ничего не выйдет, если мы не найдем способ присматривать за инквизиторами.

– И ты действительно рассчитываешь, что я тебе помогу?

Кельсер кивнул.

– Именно потому ты пришел, что бы ты ни говорил. Ты однажды сказал, что считаешь меня способным на великие дела, если, конечно, я выберу достойную цель. Ну вот, цель найдена... и ты мне поможешь.

– Теперь это не так легко, Кел, – сказал Марш, качая головой. – Одни люди изменились. Другие... других уже нет.

Кельсер надолго замолчал. Повисла тишина, и даже огонь в очаге начал затухать.

– Мне ведь тоже ее не хватает, – едва слышно прошептал Кельсер.

– Да, понимаю... Но давай взглянем правде в глаза, Кел. Несмотря ни на что... я иногда жалею, что именно тебе удалось выжить в Ямах Хатсина.

– Я сожалею об этом каждый день.

Марш повернулся и бросил на Кельсера холодный, оценивающий взгляд. Взгляд охотника, бронзового туманщика. Как бы то ни было, Кельсер, похоже, добился одобрения Марша.

– Я ухожу, – сказал Марш. – Но ты, кажется, был вполне искренен. Я вернусь и послушаю, какой еще безумный план ты состряпаешь. А потом... ну, потом увидим.

Кельсер улыбнулся. Несмотря на суровую внешность, Марш был хорошим человеком – лучшим из всех, кого встречал Кельсер. Но когда Марш повернулся к выходу, Кельсер вдруг заметил тень, мелькнувшую в щели под дверью. Он мгновенно воспламенил железо, и светящиеся голубые лучи вырвались из его тела, устремившись к ближайшим источникам металла. Марш, разумеется, не имел при себе ни единой металлической крошки – даже мелкой монетки в карманах. Человеку, который выглядит хотя бы относительно состоятельным, опасно ходить по районам города, населенным скаа.

Но кое-кто другой еще не знал, что не следует носить с собой ничего металлического. Голубые лучи были тонкими и слабыми, они не пробивали дерево насквозь, однако их силы хватило, чтобы Кельсер засек пряжку на поясе некоей особы, быстро и бесшумно удиравшей по коридору.

Кельсер улыбнулся. Весьма одаренная девочка. Однако годы, проведенные на улице, не прошли даром. Кельсер лишь надеялся, что, развивая ее таланты, он постепенно поможет ей залечить и душевные раны.

– Я приду завтра, – сказал Марш, на секунду задержавшись в дверях.

– Только не слишком рано, – подмигнул Кельсер. – У меня были планы на вечер.

* * *

Вин притаилась в своей комнате, в темноте, прислушиваясь к удаляющимся шагам в коридоре. Она скрючилась возле двери, решив подождать, – ведь следом мог пройти и второй собеседник. Но в коридоре было тихо, и она облегченно вздохнула.

И тут же в дверь постучали – в нескольких дюймах над ее головой.

От изумления Вин едва не упала.

«А он молодец!» – подумала она.

Она быстро взъерошила волосы и потерла кулаками глаза, стараясь придать себе заспанный вид. Расстегнув рубашку, она подождала, пока стук повторится, и лишь тогда открыла дверь.

Кельсер прислонился к дверному косяку. В спину ему светила та единственная лампа, что горела в коридоре. Высокий мужчина критически оглядел растрепанную Вин.

– Ну? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал сонно.

– Что ты думаешь о Марше?

– Не знаю, – ответила Вин. – Я не успела его рассмотреть, ты же всех выгнал.

Кельсер улыбнулся:

– Не желаешь признавать, что я тебя поймал?

Вин чуть не улынулась в ответ. Ее спасла лишь выучка Рина. «Больше всего бойся тех, кто хочет добиться твоего доверия». Голос брата как будто прозвучал в ее голове. Да, этот голос усилился с тех пор, как Вин встретила с Кельсером, и все ее инстинкты были на взводе.

Кельсер какое-то время изучающе смотрел на нее, потом отступил на шаг.

– Застегни рубашку и пошли со мной.

Вин нахмурилась:

– Куда мы пойдем?

– Начнем тебя учить.

– Прямо сейчас? – изумилась Вин, оглядываясь на окно.

В щелях ставен не видно было ни малейшего признака света.

– Конечно, – усмехнулся Кельсер. – Прекрасная ночь для прогулки.

Вин привела в порядок одежду и вышла в коридор. Если Кельсер действительно собрался учить ее, она не станет жаловаться, который бы ни был теперь час. Они спустились на первый этаж. В мастерской стояла темнота, в тени притаились наполовину готовые стулья и прочая мебель. Однако в кухне горел яркий свет.

– Погоди-ка минутку, – бросил Кельсер, направляясь к кухне.

Вин замерла в тени и лишь вытянула шею, заглядывая в освещенное помещение. Там за большим столом сидели Доксон, Бриз, Хэм и Колченог со своими подмастерьями. На столе Вин увидела эль и вино, хоть и в небольшом количестве: мужчины ели пышные ячменные лепешки и тушеные овощи.

Из кухни доносился смех. Не тот грубый хохот, к которому Вин привыкла в берлоге Камона, а совсем другой – мягкий, говорящий об искреннем веселье и прекрасном настроении.

Вин и сама не понимала, почему не решается войти. Она колебалась... как будто смех представлял собой некий барьер и намного безопаснее было оставаться в темной пустой мастерской. Она наблюдала и не могла подавить в себе желание очутиться там, рядом со всеми...

Кельсер вернулся очень быстро. Он держал в руках свой мешок и еще какой-то небольшой узелок. Вин с любопытством посмотрела на узелок, и Кельсер, улыбнувшись, протянул его.

– Подарок, – сообщил он.

В узле оказалась одежда – мягкая, скользящая между пальцами, – и Вин почти сразу поняла, что это. Плащ рожденного туманом. Как и плащ Кельсера, он был сшит из отдельных полос ткани.

– Ты удивлена, – заметил Кельсер.

– Я... его не заработала.

– При чем тут «заработала»? – пробормотал Кельсер, надевая собственный плащ. – Ты есть то, что ты есть, Вин.

Она немного помедлила, потом набросила плащ и завязала его у горла. Плащ вызывал странные ощущения. Он давил на плечи, но ничуть не мешал движениям, легко спадая вдоль тела. Ленты были сшиты внахлест, и Вин могла стягивать их как угодно туго. Она почувствовала себя как будто в надежной броне.

– Ну как тебе? – спросил Кельсер.

– Хорошо, – просто ответила Вин.

Кельсер кивнул, доставая из мешка несколько стеклянных флаконов. Два из них он протянул Вин:

– Выпей один, второй оставь на всякий случай. Я тебя потом научу смешивать металлы.

Вин быстро осушила один флакон, а второй засунула в кармашек на поясе.

– Я велел сшить для тебя новую одежду, – сказал Кельсер. – Ты должна привыкнуть носить такие вещи, в которых нет ни крупицы металла: пояса без пряжек, башмаки без заклепок, штаны без крючков. Может, потом, когда ты немного пообвыкнешься, сообразим тебе платье.

Вин слегка покраснела. Кельсер засмеялся:

– Я просто дразню тебя. Но как бы то ни было, ты теперь вступаешь в новый мир и, вероятно, скоро обнаружишь, что иногда лучше выглядеть как благородная дама, чем как воришка.

Вин кивнула и направилась следом за Кельсером к выходу. Кельсер распахнул дверь, открыв взгляду темную шевелящуюся стену тумана. И шагнул прямо в нее. Глубоко вздохнув, Вин последовала за ним.

Кельсер закрыл дверь. Мощенная булыжником дорога как будто скрадывала звук шагов, и Вин ощущала вокруг влагу. Ничего не было видно, улица словно исчезала в пустоте, она стала дорогой в вечность... И неба над головой не было, лишь на сером фоне кружили серые облака.

– Ну хорошо, давай понемногу начинать, – сказал Кельсер.

Его голос прозвучал очень громко. В тоне Кельсера слышалась уверенность, как будто он бросал вызов туману. Вин такой уверенности не чувствовала.

– Сейчас будет твой первый урок, – продолжил Кельсер, шагая по улице. – Но не алломантии, а отношения к миру. – Кельсер сделал широкий жест рукой. – Все это, Вин... все это принадлежит нам. Ночь, туман – они наши. Скаа боятся тумана до смерти. Воры и солдаты выходят по ночам, но им тоже страшно. Знать делает вид, что ей плевать на все, но и в лордах туман порождает смущение. – Он обернулся и посмотрел на Вин. – Туман – твой друг, девочка. Он прячет тебя, он защищает тебя... и он дает тебе силу. Братство внушило скаа некую идею... Оно утверждает, что рожденные туманом – потомки тех немногих людей, которые сохраняли верность Вседержителю до Вознесения. Правда, есть и другие легенды, их рассказывают только шепотом; и они гласят, что рожденные туманом – нечто такое, над чем даже Вседержитель не властен, нечто возникшее в тот самый день, когда туман впервые опустил на мир.

Вин осторожно кивнула. Ее поразило, что Кельсер говорит обо всем этом столь откровенно. По обе стороны улицы высились здания, битком набитые спящими скаа, но Вин казалось, что они с Кельсером совершенно одни. Одни в этом перенаселенном городе, одни во всей Последней империи.

Кельсер шел все дальше, и его бодрая походка как-то плохо сочеталась с туманной мглой.

– А мы разве не должны опасаться солдат? – тихо спросила Вин.

Ворам всегда приходилось держаться осторожно, чтобы не нарваться на ночной патруль. Кельсер покачал головой:

– Если даже мы окажемся настолько беспечны, что нас заметят, ни один имперский патруль не осмелится побеспокоить рожденного туманом. Они увидят наши плащи и тут же сделают вид, что нас здесь нет. Помни, почти все рожденные туманом – члены Великих Домов, а остальные принадлежат к чуть менее знатным семьям Лютадели. В любом случае все они – очень важные особы.

Вин нахмурилась:

– Значит, стражники просто не обратят внимания на рожденного туманом?

Кельсер пожал плечами:

– Это, видишь ли, дурной тон – признавать, что некто крадущийся по крышам на самом деле является знатным и уважаемым господином, если не госпожой. Рожденные туманом настолько редки, что на них нельзя распространять обычные светские правила и предубеждения. Они всегда жили двойной жизнью. С одной стороны, они аристократы, допущенные ко двору, а с другой – шалашные по ночам алломанты. И каждая семья тщательно охраняет тайну своего рожденного туманом. Это, кстати, служит неизменной пищей для сплетен и обсуждений в высшем свете.

Кельсер повернул за угол, и Вин, все еще нервничая, поспешила за ним. Она не знала, куда он ее ведет, а ночью так легко заблудиться... А может, он не вел ее к какой-то конкретной цели, а просто знакомил с туманом?

– Ладно, – сказал Кельсер, – давай учиться использовать базовые металлы. Ты ощущаешь свой металлический запас?

Вин немного помолчала. Сосредоточившись, она отчетливо различила восемь источников силы внутри себя – и каждый из них был мощнее тех двух, на которые успел указать ей Кельсер. С того дня она не использовала удачу. Она начала осознавать, что всегда обладала оружием, силы которого по-настоящему не понимала, – оружием, которое случайно привлекло к ней внимание Стального инквизитора.

– Начинай поджигать их, по одному, – сказал Кельсер.

– Поджигать?..

– Так мы называем активацию алломантических способностей, – пояснил Кельсер. – Ты «поджигаешь» металл, связанный с конкретной силой. Ты сейчас поймешь, что я имею в виду. Начни с тех металлов, с которыми ты пока незнакома, а с приглушением и разжиганием эмоций мы поработаем в другой раз.

Вин кивнула, остановившись посреди улицы. Очень осторожно она потянулась мыслью внутрь себя, к новым источникам силы. Один из них показался ей смутно знакомым. Может, она и прежде его использовала, сама того не замечая? А что он делает?..

«Проверить это можно только одним способом...»

Не слишком хорошо представляя, что, собственно, должна делать, Вин ухватила за источник силы, пытаясь извлечь его на свет.

И в то же мгновение в ее груди вспыхнул жар. Ничего неприятного, Вин просто отчетливо и ясно ощущала его. А вместе с теплом пришло что-то еще... как будто все ее тело налилось здоровьем и мощью. Вин словно бы стала крупнее, сильнее...

– Ну, что случилось? – спросил Кельсер.

– Я как-то по-другому себя чувствую, – ответила Вин.

Она подняла руку, и ей показалось, что мышцы реагируют быстрее.

– Тело какое-то другое. Я больше не ощущаю усталости, и я вроде как начеку.

– Ага, – бросил Кельсер, – это пьютер. Он увеличивает твои физические возможности, делает тебя намного сильнее, ты лучше сопротивляешься усталости и боли. Реакции тоже ускорились. В общем, теперь твое тело выносливее и крепче.

Вин для проверки несколько раз наклонилась в разные стороны. Ее мышцы, казалось, не увеличились, но появилось что-то новое... не только в мускулах, но и в костях, в коже... Вин снова заглянула внутрь себя и почувствовала, как источник физической силы уменьшается.

– Он догорает, – сказала Вин.

Кельсер кивнул:

– Да, пьютер горит довольно быстро. В том флаконе, что я дал тебе, был запас пьютера примерно на десять минут непрерывного горения... хотя он кончается быстрее, если заставлять его вспыхивать ярко, и медленнее, если использовать осторожно.

– Вспыхивать ярко?..

– Ты сможешь раздувать горение уже подожженных металлов, когда научишься, – пояснил Кельсер. – Они от этого сгорают быстрее, становятся трудноуправляемыми, зато дают дополнительный прилив сил.

Вин нахмурилась, пытаясь проделать то, о чем сказал Кельсер. С некоторым усилием она как бы разворошила пламя в своей груди, и остатки пьютера ярко вспыхнули.

Это было похоже на глубокий вдох перед отчаянным прыжком. Внезапный прилив энергии и силы. Ее тело напряглось в ожидании, и на мгновение Вин почувствовала себя непобедимой. Но еще через мгновение все прошло, и мышцы медленно расслабились.

«Интересно», – подумала Вин, отметив, как быстро сгорел пьютер в этой вспышке.

– Ты должна еще кое-что знать об алломантических металлах, – заговорил Кельсер, когда они отправились дальше. – Чем они чище, тем эффективнее. Смеси, которые мы разливаем по флаконам, содержат чистейшие металлы, продающиеся специально для алломантов. Сплавы вроде пьютера изготовить куда сложнее, потому что процентное соотношение металлов должно

быть точно выверенным. И если ты будешь невнимательна при покупке металлов, тебе могут всучить совсем неправильный сплав.

Вин немножко подумала.

– Хочешь сказать, кто-то может надуть меня?

– Не намеренно, – ответил Кельсер. – Если разобраться, слова вроде «латунь», «пьютер» и «бронза» не вполне отражают суть вещей. Взять, к примеру, пьютер – обычно так называют сплав олова со свинцом, с добавлением меди или серебра, в зависимости от того, для чего он нужен. А вот в алломантическом пьютере девяносто один процент олова и девять процентов свинца. И если ты хочешь выжать максимум из металла, то должна использовать именно этот сплав.

– А... что будет, если поджечь неправильный сплав? – спросила Вин.

– Если в сплаве допущена небольшая ошибка, ты получишь определенный эффект, – ответил Кельсер. – Но если ошибка велика, ты можешь причинить себе вред, воспламенив его.

Вин задумчиво кивнула:

– Я... думаю, что и раньше поджигала этот металл. Время от времени, понемножку.

– Металлический осадок, – сказал Кельсер. – Ты пила воду, в которой много металла, или ела что-то из металлической посуды.

Верно, подумала Вин. В берлоге Камона было несколько кружек из металла, похожего на олово.

– Ну хорошо. Погаси пьютер. Попробуем поджечь какой-нибудь другой металл, – предложил Кельсер.

Вин так и сделала. Погасив пьютер, она почувствовала себя слабой, уставшей и беззащитной.

– Теперь, – сказал Кельсер, – ты должна научиться разделять металлы на пары.

– Как те два, что воздействуют на чувства? – спросила Вин.

– Совершенно верно. Найди металл, связанный с пьютером.

– Я его уже вижу, – пробормотала Вин, сосредоточиваясь.

– Для каждой из сил существует по два металла, – продолжил Кельсер. – Один толкает, другой тянет... Второй – это обычно сплав, включающий первый. Если говорить об эмоциях, то их ты тянешь цинком, а толкаешь латунью. Ты только что использовала пьютер, чтобы подтолкнуть свое тело. Он – источник физической силы.

– Так Хэм делает? – спросила Вин. – Поджигает пьютер?

Кельсер кивнул:

– Туманщиков, поджигающих пьютер, называют громилами. Наверное, это звучит грубо, но они обычно довольно грубые люди. Наш дорогой Хэммонд – исключение из правил.

– А что делает другой металл, влияющий на тело?

– Попробуй – увидишь.

Вин мгновенно последовала его совету – и мир вокруг как будто осветился. Или нет, не так. Вин вдруг стала лучше видеть, хотя туман никуда не делся. Он просто как бы утратил плотность, и редкие огни вокруг стали ярче.

Изменилось и еще кое-что. Вин ощутила свою одежду. Она понимала, что, конечно, всегда ощущала ее, просто никогда не обращала внимания. А теперь Вин чувствовала каждый шов, особенно там, где ткань слишком плотно прилегала к коже.

Потом свело от голода живот. Вообще-то, она давно привыкла не замечать голод, но сейчас... это было нечто особенное. Кожа стала влажной, в воздухе запахло грязью, сажей, отбросами...

– Олово обостряет чувства, – сказал Кельсер, и Вин показалось, что он говорит слишком громко. – Это один из наиболее медленно горящих металлов... Того олова, что было во флаконе, хватит, чтобы поддерживать остроту ощущений в течение нескольких часов. Большин-

ство рожденных туманом поджигает олово, когда отправляется на прогулку... и я поджег, как только мы вышли из лавки.

Вин кивнула. Богатство ощущений переполняло ее. Она слышала в темноте непонятный тихий треск, неторопливые шаги, и ей хотелось спрятаться, потому что казалось: шаги рядом, кто-то крадется за ней...

«Похоже, к этому надо хорошенько привыкнуть...»

– Оставь его гореть, – сказал Кельсер, жестом предлагая отправиться дальше. – Тебе нужно освоиться. Только не позволяй олову гореть все время и слишком ярко. Не только потому, что его надо беречь, но... если металлы горят постоянно, с людьми происходят странные вещи.

– Странные? – повторила Вин.

– Металлы – особенно олово и пьютер – испытывают твоё тело на прочность. Алломантическая вспышка делает испытание серьезнее. Если оно станет слишком серьезным или затянется надолго, что-то может и сломаться.

Вин кивнула, не разобравшись, о чем речь. Кельсер замолчал, и они просто пошли дальше, а Вин исследовала свои новые ощущения и тот необычный мир, который открыло перед ней олово. Прежде поле ее зрения было ограничено. А теперь она видела весь город, окутанный одеялом кружащегося тумана. Она узнавала вдали крепости, похожие на небольшие темные горы, различала свет в окнах – как будто маленькие дырочки в саване ночи. А наверху... она увидела огни в небесах. Вин остановилась, восторженно задрала голову. Они выглядели неяркими и размытыми даже для ее обостренного оловом зрения, но они там были... Сотни. Тысячи. Маленькие, как искры на фитилях потушенных свечей.

– Звезды, – тихо произнес Кельсер, подходя к Вин. – Их нечасто можно разглядеть, даже с помощью олова. Должно быть, сегодня особенно ясная ночь. Раньше люди могли смотреть на них каждый вечер... до того, как пришел туман, до того, как Пепельные горы стали выбрасывать в небо дым и золу.

Вин удивленно посмотрела на него:

– Откуда ты знаешь?

Кельсер улыбнулся:

– Вседержитель из всех сил старается уничтожить воспоминания о тех днях, но они живы.

Он повернулся, так и не ответив на ее вопрос, и пошел вперед. Вин поспешила за ним. Благодаря олову туман уже не казался таким злобещим. Теперь она понимала, почему Кельсер так спокойно и уверенно ходит по ночному городу.

– Ну ладно, – сказал наконец Кельсер, – давай испытаем еще один металл.

Вин кивнула. Оставив олово медленно тлеть, она выбрала другой металл и воспламенила его. И тут же случилось нечто странное: из ее груди вырвалось множество слабых лучей голубого света. Вин застыла на месте, уставившись на собственную грудь и задохнувшись от изумления. Большинство голубых линий были очень тонкими, как хлопковые нити, но две оказались толстыми, как шерстяная пряжа. Кельсер хмыкнул.

– Оставь пока этот металл и его напарника в покое. Они немного сложнее прочих.

– Но что?..

Вин проследила взглядом за голубыми линиями. Они показывали на разные предметы. Двери, окна... две уткнулись в самого Кельсера.

– Мы с ним разберемся, – пообещал Кельсер. – Погаси его пока и опробуй два последних.

Вин погасила странный металл и, не обратив внимания на его пару, выбрала один из оставшихся. И сразу ощутила вибрацию. Вин замерла, ясно различая некий пульс, который невозможно услышать... Но она чувствовала, как энергия короткими толчками проносится сквозь нее. Она как будто исходила от Кельсера. Вин вопросительно посмотрела на него.

– Это, наверное, бронза, – сказал Кельсер. – Внутренний металл, он притягивает, тянет. Он позволяет узнать, есть ли рядом кто-то из алломантов. Его используют охотники вроде моего брата. Обычно от него нет особой пользы... если, конечно, ты не Стальной инквизитор, который ищет туманщиков-скаа.

Вин побледнела.

– Инквизиторы пользуются алломантией?

Кельсер кивнул:

– Да, они все охотники... Вот только я не знаю, то ли они стали инквизиторами, потому что родились охотниками, то ли посвящение в инквизиторы дарует такую силу. Поскольку их главная обязанность – искать полукровок, которые пользуются алломантией, для них это полезное умение. К несчастью, полезное для них оказывается очень вредным для нас.

Вин хотела было кивнуть, но застыла на месте. Пульсирующая энергия угахла.

– Что случилось? – спросила она.

– Я воспламенил медь, напарницу бронзы, – ответил Кельсер. – Когда ты поджигаешь медь, то скрываешь свою силу от других алломантов. Можешь попробовать зажечь ее сейчас, если хочешь, но ничего особенного не почувствуешь.

Вин так и поступила. Но единственным, что она ощутила, была слабая вибрация внутри.

– Медь – жизненно важный металл, – сказал Кельсер. – Она спрячет тебя от инквизиторов. Но пожалуй, сегодня ночью нам не о чем тревожиться – любой инквизитор примет нас за знатных рожденных туманом, которые вышли немного попрактиковаться. Однако, если ты будешь одета как скаа и тебе понадобится зажечь один из металлов, позаботься сначала воспламенить медь.

Вин согласно кивнула.

– На самом-то деле, – продолжил Кельсер, – многие рожденные туманом никогда и не гасят медь. Она тлеет очень медленно и делает тебя невидимым для других алломантов. Она скрывает тебя от бронзы, а заодно не позволяет воздействовать на твои чувства.

Вин насторожилась.

– Так и знал, что ты заинтересуешься, – сказал Кельсер. – Любой, кто поджигает медь, невосприимчив к алломантии, влияющей на чувства. К тому же горение меди создает вокруг тебя большое облако. Это облако – его называют медным – скрывает от охотников всех, кто входит в него, но, правда, не спасает их от эмоциональной алломантии, как спасает тебя.

– Колченог, – пробормотала Вин. – Так вот чем занимается курильщик?

– Совершенно верно. Если кого-то из наших замечают охотники, им стоит просто вернуться в убежище. Они могут спокойно тренироваться, развивать свои способности, не боясь, что их обнаружат. Ведь, если от какой-то лавчонки в квартале скаа будет исходить волна алломантии, ее моментально засекут инквизиторы.

– Но ты же умеешь поджигать медь, – сказала Вин, – зачем тебе курильщик в команде?

– Да, я умею поджигать медь, – согласился Кельсер. – И ты тоже. Мы оба можем пользоваться всеми силами, но не можем находиться в нескольких местах одновременно. Хороший главнокомандующий должен уметь распределять обязанности, особенно когда задумано такое серьезное дело, как наше. Стандартный прием – всегда вешать медное облако над убежищем. Колченог не в состоянии поддерживать его постоянно: кое-кто из его подмастерьев – тоже курильщики. Когда ты нанимаешь человека вроде Колченога, вполне естественно, что он обеспечивает тебя и базой, и командой курильщиков, достаточно умелых, чтобы постоянно обновлять защиту.

Вин кивнула. Однако ее куда больше заинтересовала способность меди ограждать от воздействий на чувства. Надо будет запастись медью, раз уж ее придется жечь постоянно.

Они снова двинулись в путь, и Кельсер не спешил, давая Вин возможность привыкнуть к олову. Но Вин думала о другом. Что-то казалось ей неправильным. Почему Кельсер рассказывает ей все это? Что-то он уж слишком легко расстается с секретами...

«Кроме одного, – тут же вспомнила она, наполняясь подозрениями. – Что за металл с голубыми лучами? О нем Кельсер до сих пор ничего не сказал».

Может, это и есть то, что Кельсер хотел скрыть, некая сила, с помощью которой он намеревается управлять Вин?

«Наверное, это очень сильный металл. Самый сильный из восьми».

Они все шли и шли по тихим улицам, и Вин осторожно потянулась мыслью внутрь себя. Краем глаза следя за Кельсером, она подожгла неизвестный металл. И снова во все стороны от нее разбежались голубые лучи.

Эти странные нити двигались вместе с ней. Один конец каждой касался ее груди, а другой оставался привязанным к чему-то вдали. Вин шла, и по мере ее движения возникали новые лучи, а прежние угасали. Лучи были разной толщины, одни ярче, другие бледнее.

Удивленная Вин мысленно пощупала нити, пытаясь разгадать их тайну. Сосредоточившись на одной, особенно тонкой и с виду совершенно безобидной, Вин обнаружила, что может ощущать ее отдельно от прочих. Вин казалось даже, что она может взяться за этот тоненький лучик. И тогда она мысленно потянула за нить.

Нить вздрогнула – и что-то помчалось к Вин из темноты. Вин взвизгнула, пытаясь отпрыгнуть в сторону, но предмет, оказавшийся ржавым гвоздем, летел прямо в нее.

Вдруг что-то остановило его и отшвырнуло в темноту. Вин вскочила и замерла, присев; ленты туманного плаща развевались вокруг нее. Потом огляделась и увидела, что Кельсер смотрит на нее и негромко посмеивается.

– Мне следовало бы сообразить, что ты попытаешься это сделать, – сказал он.

Вин смущенно порозовела.

– Ладно, пошли. Ничего ведь не случилось.

– Но гвоздь попал на меня!

Неужели алломантические металлы оживляют вещи? Ну тогда это просто невообразимая сила!..

– На самом деле ты сама на себя напала, – сказал Кельсер.

Вин еще некоторое время топталась на месте, потом догнала Кельсера.

– Я тебе через минуту объясню, что именно ты сделала, – пообещал он. – Но прежде ты должна твердо запомнить еще кое-что.

– Еще одно правило?

– Скорее, философская идея. Это касается последствий.

Вин уставилась на него:

– О чем ты?

– Каждое действие влечет за собой некий результат, Вин, – сказал Кельсер. – Я этому научился и у жизни, и у алломантии. Тот, кто способен лучше других предвидеть последствия собственных поступков, добивается большего. Например, ты поджигаешь пьютер. Каков будет результат?

Вин пожала плечами:

– Я стану сильнее.

– А что случится, если ты несешь что-то очень тяжелое и в этот момент твой пьютер догорает?

Вин немного помолчала.

– Ну, наверное, я уроню это, – предположила она.

– Да, но если груз слишком тяжел? Ты можешь пострадать сама, и серьезно. Многие громилы продолжали драться, получив смертельные раны, – но когда их пьютер догорал, они мгновенно умирали.

– Понимаю... – чуть слышно пробормотала Вин.

– Ха!

Вин подпрыгнула, перепуганная, и прижала ладони к ушам.

– О! – жалобно простонала она, оглядываясь на Кельсера.

Он улыбался.

– А это следствие того, что ты воспламенила олово. Если кто-то неподалеку внезапно зажжет свет или издаст громкий звук, ты можешь ослепнуть или оглохнуть.

– Да, но как это связано с двумя последними металлами?

– Железо и сталь позволяют управлять другими металлами, – пояснил Кельсер. – С помощью железа ты притягиваешь к себе металл, а с помощью стали – отталкиваешь. Ага, вот мы и пришли.

Кельсер остановился, глядя вперед и вверх. Сквозь туман Вин увидела мощную городскую стену, нависшую над ними.

– А зачем мы здесь?

– Потренируемся в притягивании железом и отталкивании сталью, – ответил Кельсер. – Но сначала – несколько основных уроков.

Он достал что-то из кармашка на поясе. Это оказалась мелкая монетка. Кельсер шагнул в сторону и вытянул руку, держа монетку перед Вин.

– Воспламени сталь, это металл, парный тому, что ты недавно поджигала.

Вин кивнула, и снова вокруг нее засветились голубые линии. Одна из них уперлась точно в монетку.

– Отлично, – кивнул Кельсер. – Толкни ее.

Вин мысленно ухватила за нужную нить и легонько толкнула. Монета выскользнула из пальцев Кельсера и полетела в противоположном от Вин направлении. Вин сосредоточенно продолжала направлять монетку, пока та не ударилась в стену ближайшего дома.

Внезапно невидимая сила резко отбросила Вин назад. Кельсер подхватил ее, не дав упасть.

Вин, опомнившись, встала на ноги. На другой стороне улицы монетка, которую теперь никто не толкал, упала на булыжники, негромко звякнув.

– Ну и что случилось? – спросил Кельсер.

Вин покачала головой:

– Я не знаю. Я толкнула монету, она отлетела. Но когда она ударилась о стену, что-то толкнуло меня.

– Почему?

Вин пожала плечами:

– Наверное... Наверное, монетке больше некуда было лететь, и поэтому отодвинуться пришлось мне.

Кельсер одобрительно кивнул:

– Следствия, Вин! Толкая что-то при помощи стали, ты используешь свой собственный вес. Если ты намного тяжелее, чем твой якорь, – так мы это называем, – он отлетит от тебя, как отлетела эта денежка. Но если предмет тяжелее – или если он наткнулся на что-то, как сейчас, – то отлетишь ты сама. Когда ты притягиваешь что-нибудь железом – это похожий процесс, то есть или ты притягиваешься к якорю, или он притягивается к тебе. Если вес примерно одинаковый, вы оба будете двигаться. Это и есть великое искусство алломантии, Вин. Зная, какие металлические предметы есть вокруг тебя, ты можешь двигаться, поджигая сталь или

железо, и это дает тебе огромное преимущество над противником. Ты скоро поймешь, что эти две способности – самые гибкие и полезные из восьми.

Вин слушала его разинув рот.

– Но помни вот что, – продолжал Кельсер. – В обоих случаях – хоть ты толкаешь, хоть притягиваешь – сила будет действовать в направлении тебя или ровно в противоположном. Ты не можешь заставить предметы летать вокруг и вообще делать то, что тебе хочется. Алломантия так не работает, она следует законам материального мира. Когда ты толкаешь что-либо – хоть рукой, хоть алломантической силой, – то предмет отлетает строго от тебя. Действие и противодействие, причина и следствие. Понимаешь?

Вин кивнула.

– Вот и хорошо, – довольным тоном произнес Кельсер. – А теперь давай перепрыгнем через стену.

– Что?!

Кельсер пошел вперед, оставив изумленную девушку стоять посреди улицы. Вин поглядела, как он приближается к подножию стены, и помчалась следом.

– Ты сумасшедший? – тихо предположила она.

Кельсер усмехнулся:

– Ты второй раз за день заподозрила меня в безумии. Тебе следовало бы быть более внимательной... Если бы ты прислушивалась к другим, то уже знала бы, что я давно избавился от здравого смысла.

– Кельсер, – пробормотала Вин, окидывая взглядом стену, – я не... Я хочу сказать, что никогда прежде не пользовалась алломантией!

– Да, но ты быстро учишься, – возразил Кельсер, вытаскивая что-то из-под плаща.

Это оказался пояс.

– Вот, надень его. В него вшиты металлические пластинки. Если что-то пойдет не так, я, пожалуй, смогу поймать тебя.

– Пожалуй? – нервно переспросила Вин, затягивая пояс.

Кельсер засмеялся и бросил на землю перед собой большой металлический брусок.

– Давай становись перед железкой и думай только о том, чтобы отталкиваться от нее сталью. Не используй железо. И толкай до тех пор, пока не очутишься у самого верха стены.

Потом Кельсер согнул ноги в коленях и подпрыгнул.

Он молниеносно взлетел в воздух, и его темная фигура исчезла в клубах тумана. Вин подождала немножко, но Кельсер обратно не падал.

Вокруг было тихо, даже ее обостренный слух ничего не улавливал. Туман кружился возле нее, словно играя. Или поддразнивая. Или подбадривая.

Вин, глядя на металлический брусок, воспламенила сталь. Голубая линия вспыхнула слабым, призрачным светом. Вин посмотрела на туман, потом еще раз на брусок...

Наконец она глубоко вздохнула и изо всех сил оттолкнулась от бруска.

8

«Он сохранит их в пути, но будет жесток с ними. Он станет их спасителем, но они назовут его еретиком. Имя ему будет Разлад, и его за это полюбят».

Вин стремительно взлетела. Она с трудом сдержала крик, помня о том, что должна, невзирая на страх, продолжать отталкиваться от бруска. Камни, из которых была сложена стена, проносились мимо в нескольких футах от нее. Земля исчезла внизу, а голубой луч, упиравшийся в брусок, становился все бледнее и бледнее.

«А что будет, если он совсем исчезнет?..»

В движении Вин поубавилось стремительности. Чем слабее делался голубой луч, тем медленнее она летела. Через несколько мгновений она остановилась и повисла в воздухе на конце едва заметной теперь голубой нити.

– Мне всегда нравился вид, открывающийся отсюда.

Вин посмотрела в ту сторону, откуда донесся голос Кельсера. Он стоял неподалеку – Вин настолько сосредоточилась на полете, что и не заметила стены в нескольких футах под собой.

– Помогите! – жалобно попросила она, продолжая отчаянно отталкиваться от земли силой стали.

Туман вокруг двигался, кружился, играл волнами, словно темный океан проклятых душ...

– Тебе незачем тревожиться, – сказал Кельсер. – Конечно, гораздо легче маневрировать в воздухе, если у тебя есть три якоря, но можно обойтись и одним. Твое тело само поддерживает равновесие. Умение двигаться, которым ты владеешь с младенчества, преобразовалось в алломантическое искусство. Пока ты висишь спокойно, будешь сохранять равновесие. Твои ум и тело сами исправят любое легкое отклонение от оси, связывающей тебя с якорем, не дадут завалиться вбок. Но если ты оттолкнешься от чего-то еще или слишком резко дернешься в сторону, то потеряешь связь с якорем и уже не сможешь отталкиваться от него в строго вертикальном направлении. Тогда у тебя возникнут сложности... ты можешь, например, оказаться в роли грузила на слишком длинной удочке.

– Кельсер... – жалобно простонала Вин.

– Надеюсь, Вин, ты не боишься высоты? – поинтересовался Кельсер. – Это было бы весьма некстати для рожденного туманом.

– Я... не боюсь... высоты, – процедила Вин сквозь стиснутые зубы. – Но я не привыкла висеть в воздухе в ста с лишним футах над улицей, будь она неладна!

Кельсер хмыкнул, и Вин тут же почувствовала, как некая сила потянула ее за пояс. Она плавно приблизилась к Кельсеру, тот схватил ее и перебросил через каменное ограждение, а потом поставил, как куклу, рядом с собой. После чего вытянул руку над ограждением – и через секунду металлический брусок вылетел из тумана, задев каменную кладку, и послушно лег в ладонь Кельсера.

– Неплохо для начала, – сказал Кельсер. – А теперь надо спуститься.

И он небрежно швырнул брусок в туманную мглу по другую сторону стены.

– Мы что, собираемся выйти из города? – испуганно спросила Вин. – За стену? Ночью?!

Кельсер улыбнулся одной из самых своих раздражающих улыбок. Он шагнул вперед и вскарабкался на зубчатый парапет.

– Изменять силу, с которой ты притягиваешь или отталкиваешь предметы, трудно, хоть и возможно. Лучше начать с простого падения, а потом оттолкнуться и замедлить его. Позволь

себе свободно пролететь еще немного и опять оттолкнись. Если поймашь правильный ритм, благополучно достигнешь земли.

– Кельсер, – сказала Вин, подходя к краю стены, – я не...

– Ты сейчас наверху городской стены, Вин, – перебил он, шагая прямо в воздух.

Он повисел некоторое время на месте, слегка покачиваясь и балансируя на луче, как и объяснял ей только что.

– И есть только два способа спуститься. Или ты прыгнешь, или попытаешься объяснить сторожевому патрулю, зачем рожденному туманом понадобилась лестница.

Вин испуганно огляделась – и увидела, что в темном тумане подпрыгивает светлое пятно фонаря: к ней приближалась стража.

Она снова обернулась к Кельсеру, но тот исчез. Вин выругалась вполголоса, перегибаясь через парапет и заглядывая в туман. Она уже слышала голоса неторопливо приближавшихся солдат.

Кельсер был прав: выбора у нее просто не оставалось. Разозлившись, Вин забралась на ограждение. Она не то чтобы боялась высоты, но... Любой почувствовал бы себя не слишком уверенно, стоя на городской стене и глядя в густой туман. Сердце Вин отчаянно колотилось, желудок сжался в комок.

«Надеюсь, я не наткнусь на Кельсера», – подумала она, нащупывая голубой луч и убеждаясь в том, что находится точно над металлическим брусом.

И шагнула со стены.

Вин камнем полетела вниз. Она инстинктивно оттолкнулась силой стали, но траектория уже была нарушена: Вин летела в сторону от бруска, и толчок лишь отнес ее еще дальше. Вин перевернулась в воздухе, ее падение ускорилося.

Испугавшись, она снова оттолкнулась, вызвав вспышку стали. Ее швырнуло вверх, и она описала в воздухе дугу, взлетев над парапетом. Проходившие мимо стражники изумленно обернулись, но тут же их лица исчезли из поля зрения Вин, потому что она устремилась назад, к земле.

Перестав соображать от страха, Вин потянулась к бруску и дернула, желая приблизиться к нему. И конечно же, брусок послушно рванулся к ней.

«Я погибла».

Но тут ее тело изогнулось от сильного рывка. Падение замедлилось, и вот наконец Вин неторопливо поплыла в воздухе. Из тумана возник Кельсер – он стоял на земле под ней. И разумеется, улыбался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.